

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования «Пермский государственный национальный  
исследовательский университет»

*На правах рукописи*

晏晓玲

Янь Сяолин

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ  
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ  
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Научный руководитель:  
доктор филологических наук,  
профессор В.А. Салимовский

Пермь 2025

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                                                                                                          |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Введение.....                                                                                                                                                                                                            | 5  |
| Глава 1. Теоретические предпосылки изучения грамматических категорий с учетом функционально-стилевой дифференциации литературного языка.....                                                                             | 15 |
| 1.1. Понимание языка как функционирующей системы и значение этого принципа для лингвистической стилистики.....                                                                                                           | 15 |
| 1.2. Функционально-семантическая категория причины «в недрах» функциональных стилей современного русского литературного языка (постановка вопроса по отношению к сегодняшней эпистемической ситуации в лингвистике)..... | 24 |
| Выводы по первой главе.....                                                                                                                                                                                              | 38 |
| Глава 2. Функционирование каузальных конструкций в научной речи.....                                                                                                                                                     | 40 |
| 2.1. Обзор литературы.....                                                                                                                                                                                               | 40 |
| 2.2. Представленность и общая характеристика.....                                                                                                                                                                        | 43 |
| 2.3. Семантическая характеристика.....                                                                                                                                                                                   | 46 |
| 2.4. Функционально-коммуникативная характеристика.....                                                                                                                                                                   | 50 |
| Выводы по второй главе.....                                                                                                                                                                                              | 54 |
| Глава 3. Функционирование каузальных конструкций в официально-деловой речи.....                                                                                                                                          | 56 |
| 3.1. Обзор литературы.....                                                                                                                                                                                               | 56 |
| 3.2. Представленность и общая характеристика.....                                                                                                                                                                        | 57 |
| 3.3. Семантическая характеристика.....                                                                                                                                                                                   | 61 |
| 3.4. Функционально-коммуникативная характеристика.....                                                                                                                                                                   | 64 |
| Выводы по третьей главе.....                                                                                                                                                                                             | 67 |
| Глава 4. Функционирование каузальных конструкций в газетно-публицистической речи.....                                                                                                                                    | 68 |
| 4.1. Обзор литературы .....                                                                                                                                                                                              | 68 |

|                                                                                                                                             |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| 4.2. Представленность и общая характеристика.....                                                                                           | 70  |
| 4.3. Семантическая характеристика.....                                                                                                      | 75  |
| 4.4. Функционально-коммуникативная характеристика.....                                                                                      | 78  |
| Выводы по четвертой главе.....                                                                                                              | 82  |
| Глава 5. Функционирование каузальных конструкций в художественной речи.....                                                                 | 84  |
| 5.1. Обзор литературы .....                                                                                                                 | 85  |
| 5.2. Представленность и общая характеристика.....                                                                                           | 88  |
| 5.3. Семантическая характеристика.....                                                                                                      | 94  |
| 5.4. Функционально-коммуникативная характеристика.....                                                                                      | 99  |
| Выводы по пятой главе.....                                                                                                                  | 103 |
| Глава 6. Функционирование каузальных конструкций в церковно-религиозной речи.....                                                           | 105 |
| 6.1. Обзор литературы .....                                                                                                                 | 105 |
| 6.2. Представленность и общая характеристика.....                                                                                           | 105 |
| 6.3. Семантическая характеристика.....                                                                                                      | 109 |
| 6.4. Функционально-коммуникативная характеристика.....                                                                                      | 112 |
| Выводы по шестой главе.....                                                                                                                 | 115 |
| Глава 7. Функционирование каузальных конструкций в разговорно-обиходной речи.....                                                           | 116 |
| 7.1. Обзор литературы .....                                                                                                                 | 116 |
| 7.2. Представленность и общая характеристика.....                                                                                           | 117 |
| 7.3. Семантическая характеристика.....                                                                                                      | 121 |
| 7.4. Функционально-коммуникативная характеристика.....                                                                                      | 123 |
| Выводы по седьмой главе.....                                                                                                                | 126 |
| Глава 8. Сопоставительный анализ употребления каузальных конструкций в функциональных стилях современного русского литературного языка..... | 128 |
| 8.1. Представленность и частота употребления каузальных конструкций.....                                                                    | 128 |

|                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------|-----|
| 8.2. Семантический аспект употребления каузальных конструкций..... | 138 |
| 8.3. Коммуникативный аспект употребления каузальных конструкций... | 141 |
| Выводы по восьмой главе.....                                       | 146 |
| Заключение.....                                                    | 148 |
| Список исследованных текстов.....                                  | 155 |
| Список литературы.....                                             | 171 |

## Введение

Настоящая работа посвящена исследованию употребления средств выражения причинных отношений современного русского языка с позиций функционально-стилистической концепции. **Объект** анализа – функционирование причинных конструкций в различных сферах общения. **Предмет** изучения – реализация функционально-семантической категории причины в действующем языке, представленном всеми его функциональными стилями.

В соответствии с концепцией, господствующей в российской (и шире – славянской) лингвостилистике, мы различаем в функционирующем русском литературном языке научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный и разговорно-бытовой стили. Согласно разделяемой нами точке зрения, функциональные стили – это стили *языковые* в том общем смысле, что они являются *лингвистическим* объектом, типами употребления *языка*. В аспекте же противопоставления языка и речи функциональные стили представляют собой *речевое* явление (М.Н. Кожина).

**Актуальность** диссертации определяется повышенным интересом лингвистов к функциональным аспектам изучения языка, в том числе к закономерностям его употребления в разных сферах общения. По отношению к проблемам грамматики актуальность исследования заключается в том, что оно выполнено в русле отчетливо проявившейся в последние десятилетия тенденции изучения грамматической системы языка с учетом внешней среды ее функционирования, т.е. внеязыковых условий речи.

**Цель** работы – на основе имеющихся в лингвистической литературе сведений о составе и строении функционально-семантической категории причины как системно-языковой категории охарактеризовать ее реализацию в речи с учетом речевой типологии. Иными словами, цель работы предусматривает изучение реализации этой категории в составе структурно-функциональных вариантов действующего языка (его стилей).

Для достижения данной цели необходимо решить ряд **задач**:

1. Эксплицировать теоретические предпосылки исследования.
2. Сопоставить ключевые положения двух разных направлений функциональной лингвистики, интенсивно разрабатываемых в России, – функциональной грамматики и функциональной стилистики.
3. Развив и конкретизировав сложившиеся в лингвостилистике знания о целях и задачах общения в различных сферах социокультурной деятельности, ввести в функционально-стилистический анализ представление о реализуемых субъектом речи частных типовых коммуникативных заданиях, непосредственно обуславливающих выбор и использование языковых средств.
4. Определить основные аспекты предпринимаемого описания актуализации функционально-семантической категории причины в изучаемых речевых разновидностях.
5. Исследовать в текстах каждого из шести рассматриваемых функциональных стилей употребление каузальных (причинных) конструкций в отношении их состава, частоты употребления, распределения между семантическими зонами (предметной причины и причинного обоснования с учетом частных значений) и ориентированности на реализацию определенных коммуникативных заданий.
6. Провести сопоставительный анализ употребления каузальных конструкций в разных функциональных стилях. В результате выявить закономерности изменений в структуре функционально-семантической категории причины при ее реализации в разных сферах общения.

**Методологической основой** работы послужили базовые положения классиков функционального направления русской и чешской лингвистики 1920 – 1960-х гг. прошлого столетия – М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, представителей Пражской лингвистической школы, а также их последователей – А.Н. Васильевой, Б.Н. Головина, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика, К. Гаузенбласа, Й. Мистрика и др. Ключевым представлением принятой нами методологической платформы является мысль о том, что язык существует тогда,

когда он употребляется (Г.О. Винокур). Язык рассматривается не как имманентная статическая структура, а как система знаков, используемых в реальных актах речевого общения, которые детерминированы не только языковыми, но и экстралингвистическими факторами.

В своем исследовании мы опираемся также на теоретические положения, сформировавшиеся в функциональной и традиционной описательной грамматике (в работах А.В. Бондарко, М.В. Всеволодовой, Г.А. Золотовой, В.А. Мишланова, Р.М. Теремовой, В.С. Храковского, Н.Ю. Шведовой и др.), новых направлениях лингвостилистики и лингвистическом жанроведении (в работах Н.С. Болотновой, В.В. Дементьева, Т.В. Дубровской, Л.Р. Дускаевой, Н.И. Клушиной, В.И. Конькова, Г.А. Копниной, Н.В. Купиной, Т.В. Матвеевой, О.А. Михайловой, В.А. Салимовского, К.Ф. Седова, Т.В. Шмелевой и др.), анализе дискурса (в работах В.И. Карасика, А.А. Кибрика, Н.И. Кошкарновой, С.Л. Кушнерук, Э.В. Чепкиной, В.Е. Чернявской и др.).

Нами использовались качественно-количественный (В.Г. Адмони, М.Н. Кожина) и сопоставительный **методы** анализа материала. Под качественным методом в данном случае понимается описание особенностей структуры и семантики каузальных конструкций в каждом из функциональных стилей, а также коммуникативной ориентированности включающих их высказываний. Количественный метод состоял в определении частоты употребления изучаемых единиц в речевых разновидностях.

**Материалом** исследования послужили тексты, общим объемом 600 случайных тысяч словоупотреблений, по 100 тысяч в каждом из функциональных стилей. Научный стиль представлен академическими статьями по физике, биологии, психологии и лингвистике. Официально-деловой стиль – текстами законов, постановлений, приказов, инструкций, договоров, судебных решений и некоторых других жанров. Газетно-публицистический стиль – публикациями разных жанров из центральных печатных изданий («Российская газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Правда», «Коммерсант»). Художественный стиль – фрагментами рассказов, повестей и романов советских и

русских писателей – В. Астафьева, Д. Гранина, Е. Водолазкина, З. Прилепина, А. Иванова и др. Церковно-религиозный стиль – проповедями известных священников Русской православной церкви – митрополита Питирима (Нечаева), протоиереев Василия Ермакова, Валериана Кречетова, Александра Меня, Георгия Митрофанова и др. Разговорно-обиходный стиль – записями разговорной речи, опубликованными в хрестоматии Уральского федерального университета [Живая речь 1995], а также в ряде исследований этого функционального стиля.

Репрезентативность полученных данных была проверена методом точного теста Фишера<sup>1</sup>. Она подтверждена почти для всех количественных показателей употребления каузальных конструкций в каждом из функциональных стилей. Исключение составляют некоторые сопоставления конструкций с близкими показателями, например, в газетно-публицистическом стиле – отношением числа употреблений бессоюзных сложных предложений каузальной семантики (18 случаев) к числу употреблений сложноподчиненных предложений (кроме предложений с придаточным причины), у которых каузальное значение является добавочным к другому значению (16 случаев), в официально-деловых текстах – отношением числа употреблений бессоюзных сложных предложений указанной семантики (8 случаев) к числу употреблений предложений с существительным-релятором *причина* и его контекстными синонимами (7 случаев).

В качестве иллюстрации статистической обработки материала приведем показатели отношения в научном стиле количества употреблений предложений с глаголами-реляторами (эти предложения являются здесь наиболее частотным средством выражения каузальных отношений) к числу употреблений других каузальных конструкций, используемых в этой речевой разновидности:

---

<sup>1</sup> Автор благодарит кандидата физико-математических наук Д.А. Девяткина (ФИЦ «Информатика и управление» РАН) за консультации по статистике.



| Сопоставляемые каузальные конструкции                                                                                                                                       | p-value (не равно) | Статистическая значимость | p-value (больше) | Статистическая значимость |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------|---------------------------|------------------|---------------------------|
| Предложения с глаголами-реляторами в их отношении к предложно-субстантивным сочетаниям                                                                                      | 2,25E-10           | Да                        | 1,12E-10         | Да                        |
| Эти предложения в отношении к причинным сложноподчиненным предложениям                                                                                                      | 1,18E-21           | Да                        | 5,88E-22         | Да                        |
| Эти предложения в отношении к конструкциям с каузативными глаголами                                                                                                         | 8,13E-46           | Да                        | 4,06E-46         | Да                        |
| Эти предложения в отношении к предложениям с существительным-релятором <i>причина</i> и его контекстными синонимами                                                         | 6,53E-70           | Да                        | 3,26E-70         | Да                        |
| Эти предложения в отношении к сложноподчиненным предложениям (кроме предложений с придаточным причины), каузальная семантика которых является добавочной к другим значениям | 8,35E-75           | Да                        | 4,18E-75         | Да                        |
| Эти предложения в отношении к сложносочиненным предложениям, выражающим каузальные отношения                                                                                | 3,03E-84           | Да                        | 1,52E-84         | Да                        |
| Эти предложения в отношении к определениям, осложненным добавочным причинным значением                                                                                      | 3,03E-84           | Да                        | 1,52E-84         | Да                        |

*Примечание.* Колонка p-value (не равно) содержит оценку статистической значимости того, что сравниваемые конструкции принимают различные значения в научном стиле. В колонке «статистическая значимость» содержится результат проверки. Колонка p-value (больше) содержит оценку статистической значимости более частой встречаемости первой конструкции, чем второй.

### **На защиту выносятся следующие положения:**

1. В современной российской функциональной лингвистике отчетливо проявляются две взаимодействующие тенденции: обращение исследователей, с одной стороны, к проблемам *функциональной грамматики*, изучающей функционально-семантические категории как явление системы языка, включая вопросы взаимодействия системы и среды, в том числе внешней, создаваемой экстралингвистическими факторами, с другой – к проблемам *функциональной стилистики*, опирающейся на знания о системе языка, но изучающей главным образом речь, ее разновидности, сформированные под действием экстралингвистических факторов.

2. Предпосылкой этого «встречного движения», а затем и его важным проявлением стали начатые в 1970-е гг., но пока, к сожалению, малочисленные исследования реализации грамматических категорий в русской литературной речи, представленной всеми ее функциональными стилями (или большинством стилей), обнаруживающие закономерности структурирования этих категорий при их переключении «с обслуживания одной области деятельности общества на обслуживание другой области» (Б.Н. Головин). Предпринятое нами исследование, посвященное изучению реализации функционально-семантической категории причины во всех функциональных стилях русской речи, развивает представления о грамматике в действии и ее стилевых вариантах.

3. В русской литературной речи, рассматриваемой в единстве ее функциональных стилей, наиболее употребительные средства выражения каузальных отношений – сложноподчиненные причинные предложения, конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, предложения с глаголами-реляторами, бессоюзные сложные предложения, конструкции с каузативными глаголами. При этом ни одно из данных средств не является самым употребительным в каждом из функциональных стилей. Так, в научном стиле самыми частотными оказываются предложения с глаголами-реляторами, в официально-деловом, а также газетно-публицистическом – конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, в художественном и

церковно-религиозном – сложноподчиненные причинные предложения (причем в религиозном стиле частота их употребления особенно велика), в разговорно-обиходном – бессоюзные сложные предложения. Межстилевая дифференциация по составу и частоте употребления изучаемых языковых единиц отчетливо обнаруживается в отношении не только каузальных конструкций как таковых, но и их структурных вариантов (в частности, причинных сложноподчиненных предложений с определенным союзом, предложно-субстантивных сочетаний каузальной семантики с определенным предлогом).

4. Принято считать, что ядерные средства той или иной функционально-семантической категории, имеющие формальные показатели выражения соответствующей семантической функции, обычно являются активно используемыми в речи и, наоборот, средства без таких показателей используются нечасто. Между тем представление об этой закономерности нуждается в уточнении: она действует по отношению не ко всем каузальным конструкциям в каждом из стилей. Так, если сложноподчиненные причинные предложения и предложно-субстантивные сочетания каузальной семантики, действительно, активны в текстах каждого функционального стиля, то предложения с глаголами-реляторами, тоже относящиеся к ядру рассматриваемой функционально-семантической категории, имея высокую частоту употребления в научном, а также в газетно-публицистическом и официально-деловом стилях, тем не менее лишь единично встречаются в разговорно-обиходной речи. В то же время бессоюзные сложные предложения, не имея формальных показателей причинных отношений, высокочастотны при их выражении в разговорно-обиходной и (в меньшей степени) художественной речи.

5. В разных функциональных стилях русского литературного языка состав его каузальных средств реализуется с большей или меньшей степенью полноты. Наиболее полно он представлен в художественной и газетно-публицистической речи, наименее полно – в разговорно-обиходной: здесь в выборке объемом 100 случайных тысяч словоупотреблений ни разу не встретились ни предложения с

существительным-релятором «причина» (поскольку они имеют книжную стилистическую окраску), ни определения, осложненные добавочным причинным значением, ни выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины, ни причинные предложения с однородными глагольными сказуемыми. Состав каузальных конструкций, регулярно используемых в научной и официально-деловой речи, тоже сильно ограничен.

6. Во всех функциональных стилях рассматриваемая функционально-семантическая категория реализует значение предметной причины намного чаще, чем значение причинного обоснования. В зоне предметной причины в абсолютном большинстве случаев отражается ситуация *основной* предметной причины. В зоне причинного обоснования из ряда семантических вариантов в каждом функциональном стиле представлены только три: прямого причинного обоснования реального действия, прямого причинного обоснования предполагаемого действия и прямого причинного обоснования оценки. Между тем семантика косвенного причинного обоснования сравнительно регулярно реализуется лишь в художественной речи.

7. Использование каузальных конструкций в текстах разных функциональных стилей во многом определяется типовыми коммуникативными заданиями, реализуемыми субъектом речи в соответствующей социокультурной сфере.

**Научная новизна** работы. Закономерности актуализации функционально-семантической категории причины в текстах *всех* функциональных стилей русской литературной речи исследуются впервые. Тем самым создается модель функционально-стилевой дифференциации языковых средств данной категории. При этом впервые объектом анализа в указанном отношении становится церковно-религиозный стиль, к систематическому изучению которого лингвисты обратились сравнительно недавно. Новым является также изучение в разных сферах общения типовых (повторяющихся) коммуникативных заданий, обуславливающих появление высказываний с каузальными конструкциями.

**Теоретическое значение** исследования определяется его вкладом в развитие научных знаний о реализации функционально-семантических категорий (на примере категории причины) в реальной речевой действительности, о варьировании структуры этих категорий в разных функциональных стилях. Оно состоит также в развитии и конкретизации сложившихся представлений о целях и задачах общения в различных его сферах.

**Практическое значение** диссертации заключается в возможности использования ее результатов в преподавании вузовских курсов морфологии, синтаксиса и стилистики современного русского литературного языка как родного и иностранного. Ценность работы для преподавания русского языка в качестве иностранного связана с тем, что его изучение зачастую ориентировано на определенную сферу общения – обиходно-бытовую, социально-политическую, научную и др. Кроме того, полученные данные могут представлять определенный интерес для исследований в области искусственного интеллекта, поскольку известный метод реляционно-ситуационного анализа текста [Осипов 2011] предполагает учет семантики предикатов и предложно-именных конструкций (в частности каузальных), а также включение в анализ других языковых средств, выражающих причинные отношения [Осипов и др. 2019; Салимовский и др. 2019].

**Апробация работы.** Основные результаты исследования были обсуждены на Международной студенческой конференции «Филология в XXI веке» (Пермь, 13–14 мая 2022 г.), VII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.), Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск, 4–8 декабря 2023 г.), I Международной научно-практической конференции «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» (Пермь, 2–3 февраля 2024 г.), VIII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г.), II Международной научно-практической конференции «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» (Пермь, 7–8 февраля 2025 г.), IX Международной научной

конференции «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.).

Содержание диссертации отражено в семи публикациях. Три статьи опубликованы в журналах, включенных в реестр Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

**Структура диссертации.** Работа состоит из введения, восьми глав, заключения, списка исследованных текстов и списка литературы.

## **Глава 1. Теоретические предпосылки изучения грамматических категорий с учетом функционально-стилевой дифференциации литературного языка**

### **1.1. Понимание языка как функционирующей системы и значение этого принципа для лингвистической стилистики**

Как известно, в лингвистике противопоставление *языка* и *речи* проводится с первых десятилетий XX в. Согласно Ф. де Соссюру, сформулировавшему это противопоставление как одно из основных положений своей теории, язык, будучи системой знаков, «подчиняется лишь своему собственному порядку» [Соссюр 1977, с. 61]. Поэтому он должен изучаться «в себе и для себя», в отвлечении от экстралингвистических факторов. Как полагал ученый, именно язык, а не разнородная речевая деятельность и не речь как индивидуальный акт воли и разума является истинным предметом языкознания.

Уже в рамках структурной лингвистики это положение было критически осмыслено представителями Пражской школы. В то время как, по мнению Ф. де Соссюра, язык, не будучи деятельностью говорящего, «никогда не предполагает преднамеренности» [Соссюр 1977, с. 52], чешские лингвисты ввели в определение языка понятие цели. В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» постулируется: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью... Самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение... Язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [Тезисы 1967, с. 17]. Предметом изучения у чешских лингвистов становится не только язык, но и речь [Гавранек 1967, с. 366].

В середине 1920-х гг. советский лингвист Г.О. Винокур [Винокур 1925, 1990] одним из первых эксплицировал понимание языка, которое со временем получит широкое распространение не только в языкознании (как науке о языке, *langue*), но и в речеведении (как науке о речи, *parole*). Интерпретируя ключевые понятия теории Ф. де Соссюра, он писал: «Собственно язык, *la langue*, есть заданная

социальная норма, которой мы пользуемся импульсивно, инстинктивно, следуя своей природной способности, а не велениям разума, воли и чувства <...> Собственно язык, грамматическая структура языка как явления социального есть лишь отграниченное определенными рамками поле для нашей языковой деятельности. Это – база, отправляясь от которой и оставаясь в рамках которой, мы все же творим наш язык» [Винокур 1990, с. 25–26].

Подчеркнем, что язык понимается Г.О. Винокуром не как статическое, а как динамическое явление – как система языковых знаков в действии, детерминируемая внеязыковыми факторами.

Ср. следующее положение ученого: «Языковой механизм приводится в движение не сам собой, а тем обществом, которому данный язык принадлежит. И вот для фактической жизни языка оказывается чрезвычайно существенным, как пользуется общество своим языком... Язык вообще есть только тогда, когда он употребляется» [Винокур 2017, с. 362].

Можно сказать, что с 1920-х гг. в советской стилистике формируется исследовательское направление, объектом которого становятся разнообразные формы речевой организации [Бахтин 1993а, б; Виноградов 1980; Винокур 1925; Якубинский 1986]. Характерно суждение В.В. Виноградова, высказанное им еще в 1923 г., о том, что одним из важных лингвистических направлений может стать стилистика «разговорной и письменной речи – во всем разнообразии их целей, а в зависимости от этого – и типов построения» [Виноградов 1980, с. 5].

В дальнейшем В.В. Виноградов предложил понимание стиля как общественно осознанной, внутренне объединенной совокупности приемов употребления в сфере того или иного общенародного языка [Виноградов 1955], во многом определившее развитие функционально-стилистических исследований, и обосновал разграничение между стилистикой языка, изучающей ресурсы языковой системы с точки зрения наличия или отсутствия у ее единиц различных экспрессивных и функциональных окрасок, и стилистикой речи, исследующей речевые разновидности, типические тенденции индивидуального речевого творчества, композиционные системы различных жанров [Виноградов 1963].



Особое место в советском языкознании принадлежит трудам М.М. Бахтина [Бахтин 1993б, 1979], и сегодня оказывающим значительное влияние на развитие российской и европейской лингвистики. Раскрывая свое отношение к теории Ф. де Соссюра, М.М. Бахтин писал: «Язык как устойчивая система нормативно-тождественных форм есть только научная абстракция, продуктивная лишь при определенных практических и теоретических целях» [Бахтин 1993б, с. 108]. Реальный же язык не отделен от своего жизненного наполнения, поскольку существует в социальном речевом взаимодействии говорящих [Бахтин 1993б, с. 77, 108]. В фокусе внимания М.М. Бахтина – *высказывание* как единица речевого взаимодействия. Анализ высказывания предполагает обращение к внеязыковой действительности – ближайшей социальной ситуации, в которой взаимодействуют коммуниканты, и более широкой социальной среде [Бахтин 1993б, с. 94–95].

Очень важными для последующего развития функциональной стилистики стали мысли М.М. Бахтина о необходимости изучения языка в единстве с «жизненной идеологией» и сложившимися «формами идеологического творчества» (т.е. формами общественного сознания), а в связи с этим – о необходимости включения в лингвистическое исследование данных смежных наук. Вот некоторые ключевые положения работ ученого, относящиеся к данной проблематике: «Внутри самой области знаков, т.е. внутри идеологической сферы, существуют глубокие различия: ведь сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая норма и т.д. Каждая область идеологического творчества по-своему ориентируется в действительности и по-своему ее преломляет. Каждой области принадлежит своя особая функция в единстве социальной жизни» [Бахтин 1993б, с. 15]. «Основы науковедения, литературоведения, религиоведения, науки о морали и пр. теснейшим образом сплетены с проблемами философии языка» [Бахтин 1993б, с. 15]. «Руководящие принципы для отбора и оценки лингвистических элементов могут дать только формы и цели соответствующих идеологических образований» [Бахтин 1993а, с. 94–95].

Мы видим, таким образом, что уже в первой половине XX в. сложились

предпосылки для систематического изучения функционирования языка в процессах коммуникации.

С 1960–1970-х гг. основополагающие идеи классиков функциональной лингвистики развиваются в целостную функционально-стилистическую концепцию в трудах уже нового поколения ученых [Головин 1971, 1979, 1988, Костомаров 1970, 1971; Кожина 1966, 1968, 1972; Сиротинина 1969, 1974; Васильева 1976, 1981; Солганик 1981; Gajda 1982; Hausenblas 1972; 1996, Mistrík 1965].

Приведем базовые положения этой концепции. Ими мы будем руководствоваться в дальнейшем исследовании.

Язык – это действующая, функционирующая система [Кожина 1966, 1968, 2020; Головин 1979; Костомаров 2005]. Смысл этого определения М.Н. Кожина раскрывает следующим образом: сознание говорящих содержит систему языковых единиц и основных принципов их использования. «Это первая, наиболее элементарная, ступень (или степень) языковой системности... Она, по существу, представляет собой до- (пред-) коммуникативный “уровень” (либо же ее можно назвать и посткоммуникативной, учитывая, что факт речи предшествует языку). На основе этого рода системности, с учетом узуса, традиций ее употребления, но также целей и задач общения... формируется в процессе речевой деятельности функциональная (стилистико-речевая) системность как системность более высокого порядка... Вторая ступень представляет собой не только и не просто реализацию первой ступени... но и ее перестройку и одновременно построение уже речевой системности в соответствии с конкретными коммуникативными заданиями» [Кожина 2020, с. 196–197].

Близка этой теоретической позиции точка зрения Б.Н. Головина: «Механизм языка сам по себе не имеет инерции речевого движения. Языковой механизм побуждается к речевому функционированию и реально функционирует в речи только благодаря деятельности сознания... Естественно, изменения типов работы сознания... меняют его воздействие на речевые структуры, в результате изменяются и типы таких структур» [Головин 1979, с. 73–74].

Исходя из этих общих положений, ученые эксплицируют понятие речевой системности. Она определяется как «взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания, обусловленного назначением экстралингвистической основы соответствующей речевой разновидности и связанных между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля» [Кожина 1972, с. 115–116]. Эта системность не сводится к реализации языка. «В речи языковые единицы получают чрезвычайную прибавку, а именно выбор, повторение, размещение, комбинирование и трансформирование» [Головин 1988, с. 25].

Принципиально важная исследовательская установка разработчиков функционально-стилистической концепции (и шире – речеведения, а в последние десятилетия и различных направлений дискурсного анализа) состоит в рассмотрении речевой организации в единстве с экстралингвистическими факторами.

М.Н. Кожина разделяет их на два больших класса: факторы, связанные с природой языка либо способом проявления речи или не обнаруживающие такой связи. Каждый из данных классов включает ряд групп экстралингвистических явлений [Кожина 1968, с. 149–151]. На базе несобственно языковых факторов, прежде всего объективных, и осуществляется типологизация речевых разновидностей. Наиболее важными для стилеобразования, по мнению М.Н. Кожиной, являются: «общественная деятельность; форма общественного сознания, в которой происходит общение, в частности назначение ее в обществе и специфика той или иной формы общественного сознания; характер и “тип” творческого мышления; сюда же относятся такие явления, как “тип содержания”, тема, хотя и являющиеся вторичными, производными от первых, но теснейшим образом, причинно с ними связанные и ими обусловленные» [Кожина 1968, с. 149].

Разумеется, на функционирование языка оказывает влияние весь комплекс

элементов ситуации общения – далекой и ближайшей (по М.М. Бахтину). Исследователи подчеркивают значимость разных факторов: устной или письменной формы речи [Лаптева 1976, 1978, 2003], а в последнее время и мультимедийной (дисплейной) [Костомаров 2005, 2008], официальности или неофициальности обстановки общения [Русская разговорная 1973; Земская, Ширяев 1980], институциональности, т. е. наличия комплексов правил, регулирующих определенные сферы человеческой деятельности [Карасик 2002], социальных ролей, реализуемых в речи [Долинин 2021; Крысин 2015] и др. Однако основным фактором, определяющим специфику и системность функциональных макростилей, исследователи обычно признают сферу общения, понимаемую как единство вида деятельности и формы сознания.

Указанная трактовка базовых детерминант стилеобразования утвердилась и в вузовской практике преподавания стилистики русского языка [Кожина, Дускаева, Салимовский 2025; Купина, Матвеева, 2024] – российской, а также китайской. Учебник М.Н. Кожиной «Стилистика русского языка» переведен на китайский язык [科仁娜 1982]. Его материалы используются на лекциях, практических занятиях и при подготовке магистерских исследований, посвященных практике перевода [刘晓语 2024], вопросам функционирования в различных речевых разновидностях лексических средств [程文强 2014], грамматических, а также текстовых категорий [赵蕊 2021; 谭良洁 2022].

Своеобразие функционально-стилистического подхода к изучению дифференциации речи сравнительно с дискурсивным подходом точно определила В.Е. Чернявская: «Функциональные стили выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, понимаемыми как масштабные сегменты общечеловеческой практики...» [Чернявская 2014, с. 59]. В то же время «дискурсивный анализ предлагает разделение общей сферы на более дробные сегменты... В зависимости от коммуникативно-прагматических и когнитивных целей границы дискурса могут устанавливаться по-разному, гибко, подвижно...» [Чернявская 2014, с. 58].

В речеведческих работах последних лет, ориентирующихся на теоретические представления как функциональной стилистики, так и различных версий дискурсного анализа, описываются речевые/дискурсивные разновидности, выделяемые и в рамках функциональных стилей, и в зонах взаимодействия последних, при этом повышенное внимание уделяется разновидностям речи, возникающим в новых условиях социальной жизни [Балашова, Дементьев 2022; Дегальцева, Сиротинина 2023; Иссерс 2023; Дементьев 2020; Дубровская 2022; Дускаева 2019; Карабулатова, Копнина 2023; Карасик 2024; Китайгородская, Розанова 2010; Клушина 2018; Копнина и др. 2024; Костомаров 1994; Кошкарлова 2020, 2021; Кушнерук 2019, 2024; Матвеева 2024; Чернявская 2013; Ширинкина 2021].

Итак, изучение языка в действии, в процессах общения предполагает учет экстралингвистических факторов, обуславливающих стилеобразование. Под влиянием этих факторов функционирующий язык, согласно образной формулировке Б.Н. Головина, «переходит с одного режима работы на другой». Функциональные стили и являются «режимами, или типами работы, языка в процессе его социального функционирования». Это «его структурно-функциональные варианты, соответствующие типам социальной деятельности» [Головин 1988, с. 261].

Близка данному пониманию стилеобразования точка зрения М.Н. Кожиной. Согласно ее дефиниции (обнаруживающей преемственность с определением В.В. Виноградова [Виноградов 1955]), функциональный стиль – это «исторически сложившаяся, общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером (своей речевой системностью), сложившимся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств, это разновидность, соответствующая той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания» [Кожина 2019, с. 581].

Функциональные стили могут быть названы как стилями языка, так и стилями речи. С одной стороны, действительно, это стили действующего языка,

являющиеся его структурно-функциональными вариантами. С другой стороны, функционирование языка есть не что иное, как речь. Следовательно, функциональные стили «можно назвать речевыми (если, конечно, не ограничивать понятие речи сосюрским *parole* как явлением чисто индивидуальным)» [Кожина и др. 2025, с. 102].

Таким образом, наше исследование базируется на общетеоретическом представлении о языке как действующей, функционирующей системе. Использование языка его носителями определяется не только собственно языковыми, но и экстралингвистическими факторами – прежде всего социальными и психологическими. По критерию назначения вида социальной деятельности, рассматриваемой в единстве с соответствующей формой общественного сознания, выделяются известные функциональные стили (научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный, разговорно-обиходный). Они представляют собой структурно-функциональные варианты языка в действии, исторически сложившиеся речевые разновидности.

Изучение функциональных стилей русского литературного языка имеет длительную историю. В большинстве случаев основная цель исследований заключается в установлении закономерностей употребления того или иного участка системы языка (чаще всего единиц того или иного уровня данной системы) в текстах определенных функциональных стилей. См. обзоры: [Кожина, Котюрова 1997; Салимовский 1994; Сиротина 1997; Солганик 1997].

В качестве важной проблемы не только функциональной стилистики, но и науки о строении языка (лексикологии, грамматики) был поставлен вопрос о возможности создания таких словарей и грамматик, в которых строй языка описывался бы с учетом его варьирования во всех основных сферах деятельности и общения, т.е. как представленный во всех функциональных стилях [Головин 1971; Кожина 1972; Разговорная речь в системе... 1983; Салимовский 1991].

Б.Н. Головин отмечал: «В современных грамматиках и словарях описываются слова и грамматические категории так, как будто нет никаких различий в структуре и функционировании языковых явлений в разных языковых

стилях... Почему бы не представить такие грамматики, в которых описание различных глагольных форм и значений будет включать и сведения о вероятностях этих форм и значений в разных стилях языка? Подобным же образом описывались бы все грамматические явления нашего языка, включая и предложения различных структур... Стало бы ясно, что многие грамматические явления, которым в настоящее время уделяется большое внимание в учебных курсах, практически не актуальны, потому что или вообще почти неактивны, или же активны в том или ином отдельном языковом стиле... Возникла бы возможность увидеть, как меняются варианты структуры отдельных грамматических категорий в случаях переключения этих категорий с обслуживания одной области деятельности общества на обслуживание другой области» [Головин 1971, с. 134].

Близкая задача ставится с позиций не только стилистики, но и описательной грамматики. Показательна точка зрения Н.Ю. Шведовой: «В зависимости от формы языка (письменная и разговорная форма) или от сферы функционирования (функционально-речевые стили)... система может варьироваться, различествуя в отдельных чертах словообразования, формообразования, синтаксиса... Правомерна и целесообразна задача описания строя современного русского литературного языка как органического единства взаимосвязанных подсистем...» [Основы построения 1966, с. 5].

В.Г. Костомаров конкретизирует эту задачу по отношению к грамматическим категориям причины и следствия: «Можно только мечтать о полном описании русского языка во всех разновидностях его образованного функционирования как оно есть, в котором, например, раздел “выражение причинно-следственных отношений” излагал бы структуры *в случае дождя (коль скоро пойдет дождь), мы вынуждены будем отказаться от шашлыка* – с пометой “книжн.”, а рядом давал бы *пойдет дождь... что ж шашлыка не будет* с пометой “разг. ” и желательно с указанием на особенности интонации и даже возможные жесты» [Костомаров 2008, с. 52].

В нашем исследовании функционально-семантическая категория причины будет изучаться в аспекте ее реализации в литературном языке, представленном

всеми его функциональными стилями.

Оговорим, что, анализируя выборки равного размера из текстов разных функциональных стилей, мы непосредственно не обращаемся к вопросам языкового существования [Неверов 2005]: соотношение речевых практик разных сфер общения в жизни современного общества – особая, пока, к сожалению, мало разработанная проблематика. Наша задача относится к иной области: она состоит в изучении модификации одного из «участков» грамматической системы языка в его структурно-функциональных вариантах (макростилях).

## **1.2. Функционально-семантическая категория причины «в недрах» функциональных стилей русского литературного языка (постановка вопроса по отношению к сегодняшней эпистемической ситуации в функциональной лингвистике)**

Работы в области функциональной грамматики находят опору в фундаментальных лингвистических исследованиях разных национальных школ [Щерба 1974; Виноградов 1975; Мещанинов 1945; Современная... 2016; Brunot 1953; Guillaume 1964; Halliday et al. 2014; 方梅, 张伯江 1996].

В российской лингвистике особенно интенсивно развивается направление, базирующееся на концепции А.В. Бондарко [Бондарко 1967, 1984, 2002, 2005; Теория функциональной грамматики 1987, 1990, 1991, 1992, 1996; Проблемы функциональной грамматики 2000, 2003, 2005, 2008, 2013, 2017; Дунев 1999; Дымарский 2005; Шустова 2011].

В данной концепции функциональная грамматика определяется «как грамматика, 1) ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания; 2) предполагающая возможность анализа не только в направлении от формы к значению (от средств к функциям), но и в направлении от значения к форме (от функций к средствам). Грамматика данного типа должна включать (в той или иной



форме) а) анализ системы языковых средств, участвующих в реализации изучаемых функций; б) анализ семантических функций, реализуемых в высказывании, в речи [Бондарко 1984, с. 5].

Система разноуровневых языковых средств – морфологических, синтаксических, лексических, словообразовательных и комбинированных (лексико-синтаксических) – моделируется в виде функционально-семантического поля, объединяющего эти средства на основе общности их семантических функций. В структуре поля выделяются центральные и периферийные компоненты, различающиеся по концентрации специфических признаков и связей, функциональной нагрузке, степени специализированности, частоте функционирования – высокой у центральных компонентов и низкой у периферийных. Переход от центра к периферии функционально-семантического поля является постепенным [Бондарко 1976, с. 212–217].

Под семантической функцией грамматической формы или конструкции понимается их способность «употребляться для выражения тех или иных значений» [Бондарко 1984, с. 27]. При этом функция не тождественна значению. В то время как значение является знаковым содержанием формы и относится к содержательной стороне языка, реализация функции может быть целью употребления языкового средства, выходящей за пределы языка. Например, настоящее сценическое, изобразительное, репортажа и т.д. – это функции формы настоящего времени, представляющие собой внеязыковые цели ее употребления [Бондарко 1984, с. 31–32]. Под функцией языковой единицы понимается, кроме того, «свернутый» потенциал ее функционирования – «комплекс основных правил функционирования (поведения), входящих в функциональную характеристику данной единицы» [Бондарко 1984, с. 27].

Функционально-семантические поля могут быть моноцентрическими (концентрированными) и полицентрическими (слабо центрированными). Первые опираются на определенную грамматическую категорию. Вторые базируются на совокупности языковых средств, не образующих единой однородной системы форм. Поле причины, рассматриваемое в нашей работе, принадлежит к

полицентрическому типу [Бондарко 1984, с. 61–62, Теремова 2017].

Проблематике средств и способов лингвистического выражения причинных отношений посвящена обширная литература. См., в частности: [Аматов 2005; Всеволодова, Ященко 2020; Герасимов 2022; Иорданская, Мельчук 1996; Крылов 2020; Мишланов 1996; Русская грамматика 1980; Сай 2021; Теремова 2017; Хааг 2004; Храковский 2021; Ширяев 1986; Шустова 2011].

Результаты исследования состава средств выражения причинно-следственных отношений в русском языке удачно обобщил М.Н. Михайлов. Эти отношения могут быть выражены «1) последовательностью предложений: *На стройке нарушались правила техники безопасности. Один из рабочих получил травму*; 2) бессоюзным сложным предложением: *Один из рабочих получил травму: на стройке нарушались правила техники безопасности*; 3) сложносочиненным предложением: *На стройке нарушались правила техники безопасности, и один из рабочих получил травму*; 4) сложноподчиненным предложением: *Рабочий получил травму из-за того, что на стройке нарушались правила техники безопасности*; 5) простым предложением с именной причинной группой: *Рабочий получил травму из-за несоблюдения на стройке правил техники безопасности*; 6) простым предложением с каузативным глаголом: *Несоблюдение на стройке правил техники безопасности привело к травме у одного из рабочих*; 7) биноминативным предложением: а) с метасловом-релятором: *Несоблюдение правил техники безопасности – причина травмы у одного из рабочих*; б) без релятора: *Несоблюдение правил техники безопасности – это производственный травматизм...* [Вопросы коммуникативно-функционального... 1989, с. 92].

Данный обзор разновидностей каузальных языковых средств положен нами в основу исследования их употребления в текстах различных функциональных стилей.

Уточнения требует состав каузативных глаголов, определяемый в лингвистической литературе по-разному. Ср.: [Арутюнова 1976; Всеволодова 2000; Золотова и др. 2004; Чудинов 1982; Шустова 2011].

Задачам нашей работы в наибольшей степени соответствует широкая

трактовка круга этих глаголов, предложенная Г.А. Золотовой [Золотова 2007; Золотова и др. 2004]. В «Коммуникативной грамматике русского языка» каузативное воздействие определено ею как «воздействие лиц, предметов, их признаков, событий, вызывающее изменения в предметах, в мире, реакцию и действия лиц» [Золотова и др. 2004, с. 73].

Из этого определения следует, что класс каузативных глаголов весьма разнороден. В него входят «акциональные и неакциональные, знаменательные и неполнознаменательные глаголы», а «каузатором могут быть и лицо, и явление, событие, действие, качество» [Золотова и др. 2004, с. 73–74].

В составе класса каузативных глаголов Г.А. Золотова выделяет группу глаголов-компликаторов, соединяющих два события: *определять, обуславливать, вести к, обеспечивать, зависеть от*» [Золотова и др. 2004, с. 73].

Н.Д. Арутюнова характеризует такие глаголы как «классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями (*обусловить, привести к, вызвать*)» [Арутюнова 1976, с. 176].

М.В. Всеволодова и Т.А. Яценко называют эти глаголы причинными глагольными связками (Пример: «Обильные дожди вызвали сильное наводнение /привели к наводнению / Наводнение было вызвано ливнями), указывая, что их типовое значение – причинная связь двух событий, а «коммуникативная установка – выразить логическую связь, определив действующее начало» [Всеволодова, Яценко 2020, с. 16–17].

А.И. Варшавская указывает, что помимо глагола *вызвать* «к этому типу глаголов можно отнести и каузативные глаголы с более отчетливым вещественным значением» [Варшавская 1984, с. 47]. Действительно, семантика глаголов *обеспечивать, зависеть от* и других не только отражает причинно-следственную связь, но и содержит иные смысловые элементы.

В нашем описании функционирования каузальных средств русского языка эти глаголы выделены в отдельную группу глаголов-реляторов, называющих причинно-следственные отношения. Интерес к глаголам этой подгруппы вызван

тем, что, как увидим, анализ их функционирования важен для обнаружения закономерностей межстилевой дифференциации средств рассматриваемой функционально-семантической категории.

В качестве реляторов – показателей смысловых отношений – выступают и имена существительные. Причинный аспект смысловых отношений актуализируют существительные, которые содержат сему «причина». Это само существительное *причина* и ряд других слов, относящихся к этой семантической группе: *источник, основа, мотив, повод, предлог* и нек. др. [Вопросы коммуникативно-функционального... с. 96–97].

С позиций теории функциональной грамматики категория причины монографически описана в работах Р.М. Теремовой [Теремова 1988, 2017]. Эти исследования послужили базой для предпринятого нами изучения реализации данной категории в реальной речевой действительности, представленной всеми ее функциональными макростиллями.

В соответствии с традицией Р.М. Теремова разграничивает две сферы категории причины – предметной причины и причинного обоснования. «На этом уровне абстракции, – пишет автор, – ситуация предметной причины характеризуется своей онтологической сущностью (тесной связью с отраженной в ней денотативной причинно-следственной ситуацией), ситуация обоснования – активной ролью говорящего в организации содержательной структуры каузальной ситуации» [Теремова 2017, с. 33]. Ср. различие в «Русской грамматике» собственно-причинного и несобственно-причинного (причинно-аргументирующего) значения придаточной части причинного сложноподчиненного предложения [Русская грамматика 1980, с. 577].

В сфере предметной причины выделяются две разновидности – основной предметной причины и неосновной предметной причины. Сфера причинного обоснования тоже разделяется на два содержательных типа – прямого и косвенного причинного обоснования, в рамках которых проводится дополнительное деление. Так, прямое причинное обоснование может относиться к реальному или предполагаемому действию, или к оценке,

побуждению. Косвенное причинное обоснование – это в разных случаях обоснование действия следствием его осуществления либо оценки следствием осуществления оцениваемого явления, реального действия следствием его неосуществления, предполагаемого действия следствием его неосуществления, оценки следствием неосуществления оцениваемого явления, побуждения следствием неосуществления побуждаемого явления [Теримова 2017, с. 31–59].

В соответствии с этими типами внутренней содержательной структуры категории причины описывается двенадцать взаимодействующих друг с другом микрополей, каждое из которых имеет свой план содержания и план выражения. Налицо полицентрическая структура рассматриваемого поля.

В составе микрополей рассматриваемой категории Р.М. Теримова разграничивает ядерные и периферийные средства. Ядро категории образуют языковые единицы, специализированные для выражения каузальности. Периферию же составляют единицы, выражающие преимущественно некаузальную семантику, но имеющие добавочное причинное значение. «Являясь многозначными, они участвуют сразу по крайней мере в двух полях: в одном, некаузальном, они выступают в качестве доминанты, в другом... в качестве периферийного средства» [Теримова 2017, с. 62].

К числу ядерных средств выделенных микрополей Р.М. Теримова относит «причинные сложноподчиненные предложения, предложения с союзом “а то”, предложно-субстантивные конструкции со специализированными предлогами (*благодаря, ввиду, вследствие, в силу, по причине, из-за, от*) » и др. [Теримова 2017, с. 60].

К периферии поля относятся некоторые непричинные сложноподчиненные предложения, конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями «с + тв. п. имени», «*по мере* + род. п. имени», «*после* + род. п. имени», «*за* + вин. п. имени», «*за* + тв. п. имени», «*при* + предл. п. имени» [Теримова 2017, с. 60–80].

Нужно отметить, что теория функциональной грамматики А.В. Бондарко оказала влияние на развитие грамматических исследований не только в России, но

и в Китае. Кратко остановимся на этой теме.

Значение концепции А.В. Бондарко для изучения китайского языка и развития общего языкознания специально обсуждают Ван Миньюй и Юй Синь. Авторы анализируют метод, применяемый А.В. Бондарко при рассмотрении категорий аспектуальности и таксиса и оценивают его как новое руководство для контрастивного изучения языков [王铭玉, 于鑫 2010].

Целый ряд работ посвящен сопоставлению определенных функционально-семантических полей в китайском и русском языках. Так, объектом анализа Ху Юэ является поле аспектуальности. Внимание исследователя сосредоточено как на прямых соответствиях некоторых аспектуальных показателей между двумя языками, так и на уникальных средствах выражения длительности, кратности, ограниченности, фазовости в сравниваемых языках [胡悦 2021].

В статье Дзян Хуна анализируются средства выражения темпоральной локализованности в двух указанных языках. Автор рассматривает фактор контекста, логико-семантических и стилистических особенностей предложения [姜宏 2014a].

В магистерской диссертации Юй Хунсина также представлен анализ функционально-семантического поля времени. Отмечается большее разнообразие средств выражения соответствующей семантической функции в русском языке по сравнению с китайским. Оценивается роль контекста в выражении временных значений в китайском языке, анализируются модальные оттенки контекстных значений [于昕弘 2023].

Гао Яньжун провела сопоставительный анализ единиц функционально-семантического поля пространства в русском и китайском языках, используя материал Национального корпуса русского языка и корпуса CCL Пекинского университета. С учетом специфики языков на русском материале изучались словообразовательные, морфологические и синтаксические средства, на китайском – средства лексики и синтаксиса [高艳荣 2022].

Функционально-семантическое поле локативности в китайском языке описано Хэ Цзин. Его моделирование основывается на ранжировании средств выражения пространственных отношений по признакам типичности, репрезентативности и частоты употребления [何静 2020].

В русле теории функциональной грамматики изучались также категории субъектности [周晓亮 2012], возможности [邓清注 2023] необходимости [拜淼 2015], желательности [袁立新 2010], императивности [成雅坤 2019], отрицания [姜宏 2014б].

В китайской функциональной грамматике продуктивно развиваются также идеи М.А.Х. Халлидея. Значительным достижением последних десятилетий стала монография Чжан Боцзяна и Фан Мэй «Исследование функциональной грамматики китайского языка» [张伯江, 方梅 1996]. Авторы применяют «теорию информационной структуры» (信息结构理论) к анализу устной речи. Ими обосновывается мысль о том, что функционирование грамматических структур китайского языка не полностью определяется абстрактными синтаксическими правилами, что оно обусловлено прежде всего потребностями языковой коммуникации. Названные лингвисты полагают, что грамматические формы следует изучать, ориентируясь на функции языка, а также мотивацию речевого взаимодействия.

Цюй Чэнси [屈承熹 2005] проецирует некоторые идеи М. Халлидея на китайский языковой материал. Он постулирует, что грамматика китайского языка представляет собой «систему выбора» (选择系统), селекции языковых форм, что эти формы детерминированы не столько жесткими правилами, сколько коммуникативными потребностями общества.

Характеризуя китайскую функциональную лингвистику, особо нужно выделить работы одного из ведущих ее представителей, Шэнь Цзясюаня. Ученый сосредоточивается на методологических вопросах данного направления исследований. Базовое положение его концепции заключается в том, что грамматика возникает из употребления (语法源于用法). Грамматические правила

не существуют априори, а представляют собой модели, постепенно кристаллизующиеся и абстрагирующиеся из реальной языковой практики [沈家煊 2016].

Подчеркнем, что теория функциональной грамматики в разных ее версиях ориентирована главным образом на описание системы языка, его грамматического строя. Как отмечает А.В. Бондарко, «речь идет о потенциале средств (вместе с их значениями), находящихся в распоряжении говорящих на данном языке, об определенном механизме, лежащем в основе функционирования грамматических и связанных с ними элементов, об устройстве этого механизма, его структуре» [Бондарко 1984, с. 3]. При этом исследуется «система закономерностей и правил функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующих в выражении смысла высказывания. Этот аспект связывает систему языка и систему речи» [Бондарко 1984, с. 3]. Однако система речи как таковая не является предметом функциональной грамматики. Механизм функционирования грамматических единиц изучается лишь в границах высказывания, выражающего определенный смысл. В анализ может включаться, кроме того, сверхфразовое единство или комплекс единств – «в зависимости от границ относительно законченной реализации функции (комплекса функций) данной языковой единицы» [Бондарко 1984, с. 40].

В некоторых вариантах функциональной грамматики объектом изучения становятся конструктивные единицы и типы текстов [Золотова 2007; Золотова и др. 2004], однако лишь в аспекте их порождения работой языкового механизма, без выхода в широкий экстралингвистический контекст. Исследователи специально подчеркивают, что типология текстов осуществляется на лингвистических, т.е. системно-языковых, основаниях. Ключевая идея их работ состоит в стремлении «показать... рациональное и функционально целесообразное устройство языка как произведения и орудия разума» [Золотова 2007, с. 362].

М.Н. Кожина, сравнивая функционально-грамматический подход с



функционально-стилистическим, отмечает, что «в первом случае с понятиями “функция”, “функционирование” связывается динамика внутри системы языка, не предполагающая непременно выхода в экстралингвистические области, в широкий контекст, в типологию речи. При этом исследование объекта как бы останавливается перед “моментом” описания и объяснения реальности функционирования языка в обществе, в речевой деятельности, в живых процессах коммуникации» [Кожина 2020, с. 234]. Во втором же случае внимание лингвистов сосредоточивается на языке в процессах не потенциального, а реального общения. Обязательным становится выход за пределы высказывания в текст, в ситуацию общения, в типологию речи. В анализ вводятся различные экстралингвистические факторы, воздействующие на процессы функционирования языка [Кожина 2020].

В концепции функционально-семантических категорий (А.В. Бондарко), с одной стороны, и функциональных семантико-стилистических категорий (М.Н. Кожина) – с другой, по-разному описываются и функциональные поля разноуровневых языковых единиц. Объясняется это тем, что в первом случае рассматривается системно-языковая взаимосвязь языковых средств, а во втором – взаимосвязь этих средств в системе речи. Фактор частоты употребления языковых единиц в функционально-грамматическом исследовании не подлежит измерению, хотя авторы и указывают, что определенные свойства грамматической единицы определяют ее частое (или, напротив, редкое) использование в текстах. Между тем в стилистическом исследовании частотность языковой единицы – один из главных критериев ее отнесения к ядру или периферии функциональной семантико-стилистической категории. Ядерные единицы семантически и функционально наиболее значимы для выражения стилевой специфики группы текстов. Обычно они «имеют наибольшую частотность в тексте и занимают наибольшее его пространство (хотя такая зависимость наблюдается не всегда)» [Кожина 2020, с. 477–478].

Поскольку в осуществляемом исследовании рассматривается реализация функционально-семантической категории в текстах определенного функционального стиля, т. е. в речи, фактор частоты употребления изучаемых

единиц определяет один из основных параметров анализа текстового материала.

С нашей точки зрения, указанные два исследовательских направления функциональной лингвистики, истоки которых во многом восходят к основополагающим идеям русской и чешской функциональной лингвистики 1920 – 1950-х гг. (к работам В.В. Виноградова, классиков Пражской школы), не являются взаимоисключающими. Напротив, они дополняют друг друга: аспект динамики внутри системы языка сопровождается выходом в процессы функционирования языка в обществе, в типологию текстов.

Показательно, что А.В. Бондарко связывает развитие функциональной грамматики с разработкой проблематики взаимодействия системы и среды. Он пишет: «Объяснительный аспект анализа... касается широкого круга внеязыковых условий речи. Процесс функционирования элементов высказывания охватывает взаимодействие не только частных языковых систем с их “внутренне-языковой” средой, но и взаимодействие со средой “внешней”» [Бондарко 1984, с. 56]. Поэтому автор считает плодотворным включение в функционально-грамматическое исследование научных понятий, формирующихся в различных направлениях коммуникативной лингвистики [Бондарко 1984]. Особенно целенаправленно внеязыковые условия речи изучаются, как известно, в социолингвистике и функциональной стилистике.

С другой стороны, функционально-стилистический анализ не может не опираться на работы, в которых с современных позиций характеризуется предкоммуникативный аспект языка – система его единиц с их «внутренним» функционированием.

В лингвистической стилистике последних десятилетий, как уже отмечалось, сформировалась концепция функциональных семантико-стилистических категорий [Кожина 2020]. Как и в работах А.В. Бондарко, принципиальной здесь является реализация установки на изучение разноуровневых языковых единиц в их взаимосвязи и взаимозависимости [Кожина 1966, 2020; Очерки 1994]. Однако, в отличие от функциональной грамматики, в качестве объекта, определяющего взаимосвязь используемых языковых средств, выступают не собственно языковые

семантические функции, а цели и задачи речевого общения в той или иной его сфере. Изучается, следовательно, не языковая, а речевая системность – системность разноуровневых лингвистических средств на текстовой плоскости. Концепция функциональных семантико-стилистических категорий, по сути, является развитием представлений о специфических стилевых чертах речевых разновидностей (текстовых группировок) [Ризель 1961; Кожина 1972; Костомаров 2005] с акцентом на закономерностях выбора и использования языковых единиц. Примечательно, что в последнее время в анализ стали включаться и невербальные средства [Волкова 2024].

Близки этой концепции исследования актуализации текстовых категорий в различных функциональных стилях и жанрах речи [Матвеева 1990, 2024; Ицкович 2016; Ширинкина 2021; Рядовых 2021]. Внимание авторов данных работ сосредоточено прежде всего на стилистической организации речевых произведений в тех или иных сферах общения, на воплощении в произведении системы текстовых категорий. При этом категориальные смыслы рассматриваются в единстве с языковыми, речевыми и собственно текстовыми средствами их выражения [Матвеева 2024; Купина, Матвеева 2024]. Примечательно, что некоторые текстовые категории (пространства, времени, оценки, тональности и др.) как понятия лингвистики текста (речеведческой теории в широкой ее трактовке) коррелируют с соответствующими категориями функциональной грамматики, представляющими «внутренний» аспект изучения языка.

Другое стилистическое направление изучения выбора и использования языковых единиц в речевых разновидностях сосредоточено главным образом на единицах тех или иных уровней языковой системы, о чем уже говорилось. В разных случаях авторы уделяют преимущественное внимание либо особенностям представленности, частоты употребления, сочетаемости, модификации языковых единиц (большинство функционально-стилистических работ), либо роли языковых и речевых единиц в организации речевого произведения [Грамматические исследования 1989; Дымарский 2006; Одинцов 2023; Солганик 2022].

Связь функционально-грамматического и стилистического аспектов изучения языка наиболее явно обнаруживается в тех исследованиях, объектом которых выступают грамматические категории. Весьма показательны, что их функционирование изучается на материале не только художественной речи, но и других речевых разновидностей, в частности разговорной речи [Русская разговорная 1983; Сиротинина и др. 1992].

Представляет интерес в этом отношении диссертация Ван Лань [Ван Лань 2024]. В работе осуществлено комплексное описание средств выражения условной семантики. Специализированные средства представлены здесь как функционально-лексическое поле. Обращение автора к Национальному корпусу русского языка и электронной коллекции «Интегрум» позволило включить в анализ данные разных функциональных стилей.

Итак, в настоящем исследовании на базе данных о строении и внутриязыковом функционировании одной из функционально-семантических категорий русского языка – категории причины – мы проводим анализ ее функционирования в классах текстов, представляющих основные разновидности (макростили) русской речи. Тем самым наша работа направлена на сближение функционально-грамматического и функционально-стилистического подходов к изучению языка-речи. Она соответствует установке на синтез научных концепций в функциональной лингвистике [Synteza 1991].

Ключевым теоретическим положением нашего исследования является мысль о том, что язык как система единиц и общих принципов их использования, реализуя свою коммуникативную функцию, перестраивается в соответствии с конкретными целями общения, создавая речевую системность [Кожина 2020].

На примере грамматической категории причины мы рассматриваем использование потенциала средств этой категории и собственно языковых правил их функционирования во внешней среде – в важнейших областях речевой коммуникации социума, выделяемых по их отношению к видам ментальной деятельности и формам общественного сознания [Бахтин 1993б; Кожина 2020], т.е. в массивах речевых произведений каждой из этих областей: текстах научного,

официально-делового, публицистического, художественного, церковно-религиозного и разговорно-бытового стилей.

Выбор каузальных конструкций и особенности их использования в той или иной коммуникативной сфере (наряду с использованием единиц других грамматических и лексико-семантических классов) участвуют в формировании стилистико-речевой системности соответствующих функциональных стилей.

Таким образом, в нашей работе ставится и исследуется вопрос о модификациях грамматической категории причины «в недрах» функциональных стилей литературного языка как его структурно-функциональных вариантов.

## Выводы по первой главе

1. Теоретико-методологической основой нашего исследования являются труды представителей функционального направления в советской и чешской лингвистике 1920 – 1950-х гг. XX в. – М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.П. Якубинского, классиков Пражской школы. Базовым выступает положение о том, что язык существует только тогда, когда он употребляется, что помимо внутреннего функционирования языка должно изучаться его употребление во внешней среде, что языковой механизм приводится в движение обществом (Г.О. Винокур). С 1960-х гг. в русле функциональной лингвистики концептуально складываются функционально-грамматическое и функционально-стилистическое направления, изучающие соответственно закономерности функционирования грамматических единиц (с учетом их взаимодействия с элементами разных языковых уровней) при выражении смысла высказывания (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова и др.) и стилевую дифференциацию языка-речи, закономерности функционирования языка в разных сферах речевого общения (Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, О.Б. Сиротинина и др.).

2. К настоящему времени понятийный аппарат теории функциональной грамматики разработан весьма детально. На этой концептуальной основе описана система ряда функционально-семантических полей современного русского языка. Этим создана база для последующего изучения реализации функционально-семантических категорий в речевой действительности, представленной ее основными разновидностями.

3. В функциональной стилистике на первом (самом высоком) уровне членения речевого континуума разновидности речи выделяются по базовым стилеобразующим факторам: сфере общения, определяемой как единство вида деятельности и формы общественного сознания, цели (назначению) деятельности и коммуникации, типу мышления и содержания речи (М.Н. Кожина, А.Н. Васильева и др.). Проводя исследование функционирования языка в реальной речевой действительности, мы включили в анализ массивы текстов всех

функциональных макростилей – научного, официально-делового, газетно-публицистического, художественного, церковно-религиозного и разговорно-обиходного.

4. Положение о важности органичного сочетания функционально-грамматического и функционально-стилистического подходов к изучению языка в действии разделяется представителями обоих названных направлений (см. приведенные выше высказывания А.В. Бондарко, Н.Ю. Шведовой, Б.Н. Головина, В.Г. Костомарова). Имея в виду взаимодополняемость указанных подходов, мы исследуем актуализацию одной из грамматических категорий – функционально-семантической категории причины – «в недрах» всех основных структурно-функциональных вариантов русского литературного языка. Тем самым мы получаем возможность увидеть, как структуры функционально-семантической категории причины меняются при переходе этой категории из одной сферы речевого общения в другую.

## Глава 2. Функционирование каузальных конструкций в научной речи

### 2.1. Обзор литературы

В лингвистике изучению каузальных конструкций посвящены многочисленные работы. Однако функционирование этих языковых средств в разных стилях литературного языка изучено явно недостаточно. Сказанное относится и к научному стилю. Существуют лишь немногочисленные работы, в которых рассматриваются особенности функционирования каузальных конструкций в научной сфере общения.

Среди этих работ назовем прежде всего диссертационное исследование Г.А. Евстигнеевой [Евстигнеева 1983], непосредственно посвященное данной проблематике. Автором проведен комплексный структурно-семантический анализ способов выражения причинно-следственных отношений в простом и сложном предложениях, а также в тексте. Г.А. Евстигнеева констатирует, что в простом предложении каузальной семантики самыми употребительными являются причинные структуры, созданные на базе предлогов *в результате, вследствие, благодаря*. В области сложного предложения наиболее распространенными средствами связи его частей являются союзы и союзные аналоги *поэтому, так как, вследствие чего*. Отмечена особенно высокая активность наречия *поэтому*, реализующего межфразовую связь. Рассматривается модально-временной план причинных языковых средств. Так, автор отмечает, что для научного стиля речи характерна передача только реально происходящего действия, которое обычно представлено формами настоящего и прошедшего времени. Рассматривая организацию сверхфразовых единств с причинно-следственными значениями, Г.А. Евстигнеева выделяет в этих единицах базовые модели, служащие основой для создания многочисленных комбинаций.

Заметим, однако, что в исследовании Г.А. Евстигнеевой не осуществлен фронтальный семантический анализ каузальных языковых средств. Научный стиль изучается на материале текстов только учебного подстиля.



А.В. Бакулев в своей диссертации [Бакулев 2009] характеризует рассматриваемую нами категорию, исходя из отношения образующих ее единиц к семантическим формам мышления, обусловленным грамматическим строем языка. Конструктивным представляется включение указанным автором в состав функционально-семантического поля причины особых лексических единиц – не только каузальных глаголов, но и имен существительных, являющихся квалификаторами причины.

Исследуемой проблематике посвящен также ряд научных статей. В работах Н.П. Галкиной [Галкина 2011, 2013] изучаются особенности употребления в естественнонаучных текстах причинных союзов, имеющих высокую и сравнительно низкую частотность. Показано, что в этих текстах «для оформления причинных отношений используются не только “книжные” средства связи, но и стилистически нейтральные...» [Галкина 2013, с. 146]. Существенен вывод о том, что условия, в которых используются функционально неоднозначные союзы, «позволяют сузить семантику союза и передать информацию с той степенью точности и логичности, которая не допускает “неоднозначного декодирования”» [Галкина 2013, с. 146].

И.С. Калятин исследует сходства и различия реализации категории причины грамматическими средствами трех языков – русского, итальянского и немецкого. В качестве материала он использовал научные и художественные тексты XVIII и XXI вв. [Калятин 2021]. Изучено функционирование союзов, предлогов и определительных оборотов. Согласно наблюдениям автора, в научных текстах XVIII в. в указанных языках актуализируются неизвестная и логическая причины, тогда как в научных текстах XXI в. средства реализации логической причины развиваются во всех этих языках, а средства выражения неизвестной причины – преимущественно в русском языке.

Д.Я. Гордиенко сосредоточил свое внимание на высказываниях причинно-следственной семантики, имеющих аргументативную направленность. Как показал автор, в логической организации рассуждения могут быть реализованы разные функции: «В аргументативной стратегии автора научного

текста... аргумент репрезентируется как непосредственная причина (средство, инструмент и т. д.), обосновывающая истинность данного научного утверждения, или, напротив, научное суждение представляется как причина истинности выдвигаемого аргумента» [Гордиенко 2013].

Объектом анализа Н.И. Христофоровой являются научно-популярные тексты в электронной коммуникации. Автор исследует не только вербальные, но и невербальные средства выражения каузальности. Отмечается, что каузальные средства зачастую получают тот или иной дополнительный оттенок значения. Их использование помогает читателю оценивать полученную информацию и в конечном счете служит управлению интерпретационной деятельностью читателя [Христофорова 2020].

Использование каузальных конструкций при формировании рассуждения в научной речи исследуется Т.Б. Трошевой. Весьма значимым представляется вывод автора о том, что от XVIII к XX в. сокращается частота употребления придаточных причины и следствия. Параллельно возрастает количество случаев выражения каузальных отношений средствами простого предложения. Согласно подсчетам автора, «от XVIII к XX в. частота употребления придаточных со значениями причины и следствия уменьшается примерно в пять с половиной раз и соответственно частота употребления средств репрезентации тех же отношений в простых предложениях увеличивается почти в четыре раза» [Трошева 1999, с. 137].

Перейдем к рассмотрению реализации функционально-семантической категории причины в научных текстах. Как показал анализ, данная категория представлена здесь в модифицированном виде. На ее организации отчетливо сказались особенности научно-познавательной деятельности, цели и задачи последней.

Будем исходить из того, что исследование реализации функционально-семантической категории в той или иной речевой разновидности, в частности в научном стиле, предполагает установление состава используемых языковых средств, частоты их употребления, семантико-стилистических

особенностей, а также коммуникативных заданий, в выполнении которых эти средства участвуют и которые тем самым определяют регулярное использование этих средств.

## 2.2. Представленность и общая характеристика

Состав и частота употребления единиц функционально-семантического поля причинности в научном стиле отражены в Таблице 1.

Таблица 1

Состав и частота употребления каузальных конструкций  
в научной речи

| Каузальные конструкции                                                          | Кол-во<br>употр. | %    |
|---------------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Предложения с глаголами-реляторами                                              | 236              | 45   |
| Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием                                | 137              | 26   |
| Сложноподчиненные предложения с придаточным причины                             | 93               | 17,7 |
| Конструкции с каузативным глаголом                                              | 40               | 7,6  |
| Предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстными синонимами | 11               | 2    |
| Сложноподчиненные предложения, кроме предложений с придаточным причины          | 6                | 1,1  |
| Сложносочиненные предложения                                                    | 1                | 0,2  |
| Определения, осложненные добавочным причинным значением                         | 1                | 0,2  |
| Бессоюзные сложные предложения                                                  | 1                | 0,2  |
| Всего                                                                           | 526              | 100  |

Следует прежде всего отметить, что в научной речи сколько-нибудь регулярно используются не все каузальные конструкции современного русского литературного языка. Так, для этой речевой разновидности нехарактерны выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины, бессоюзные сложные предложения, имеющие причинную семантику, и

предложения с однородными глагольными сказуемыми. Если они и встречаются в научных текстах, то лишь в единичных случаях. На долю же четырех наиболее часто используемых групп каузальных средств приходится 96 % употреблений (см. табл. 1).

Как видно из этой таблицы, при выражении причины чаще всего используются предложения с глаголами-предикатами причинно-следственной семантики, иначе, с глаголами-реляторами (45 % употреблений от всех анализируемых конструкций). Среди этих глаголов наиболее употребительными являются глаголы *позволять (позволить)* (28 % употреблений всех зафиксированных глаголов-реляторов), *приводить* (24 %), *вызывать* (12 %) и *обуславливать (обусловить)* (11 %). Примеры: *Рассчитанные с помощью этих моделей вероятности формирования составного ядра позволили удовлетворительно воспроизвести экспериментальные сечения образования трансактинидных и сверхтяжелых элементов...* (Волков); *Тяжелые формы заболевания нередко могут приводить к развитию фиброза в различных органах* (Смирнова); *Диссипативные силы вызывают необратимый переход кинетической энергии столкновения во внутреннее возбуждение ядерной системы* (Волков); *Оrientировка на определенного адресата обусловила речетворческую интенцию некоторых испытуемых...* (Голышкина).

Столь частое использование в научных текстах глаголов причинно-следственной семантики можно объяснить тем, что процесс научного познания направлен на установление закономерных связей между явлениями, в том числе причинно-следственных. Использование предложений с указанными глаголами отвечает потребности в фиксации этих закономерностей.

В кругу средств выражения каузальности в научных текстах высокой частотой употребления характеризуются конструкции с предложно-субстантивным сочетанием (26 % употреблений от всех анализируемых конструкций). При этом преобладают конструкции с предлогами *благодаря, в результате, в силу, при, из-за, после, с, в связи с, вследствие, ввиду, по причине, за*. Например: *Случайная утрата одного из генотипов благодаря*

*генетическому дрейфу была маловероятной (Пшеничнов); Деформационное колебание воды типа I не регистрируется из-за его малой интенсивности (Ковалева и др.); Потребность в ней возрастает с каждым днем, особенно в связи с активным изучением мезоскопических и низкоразмерных объектов... (Суханов).*

Интересно отметить, что в пособиях по культуре речи предлог *благодаря* кому-, чему-либо не рекомендуется употреблять при словах, имеющих значение отрицательной причины. Так, в «Словаре трудностей русского языка» о предлоге *благодаря* сообщается: «В строго нормативной речи употребляется при указании причин, вызывающих желательный результат... Не употребляется только при резком противоречии между исходным лексическим значением предлога... и указанием отрицательной причины» [Розенталь, Теленкова 2003, с. 56]. Между тем в «Русской грамматике» указывается, что позитивный оттенок значения этим предлогом «в современном языке утрачен» [Русская грамматика 1980, с. 445]. В качестве нормативных приводятся примеры: *...опоздали благодаря аварии; Все неприятности – благодаря соседке*. Примечательно, что в научных текстах позитивный оттенок значения этого предлога обычно не реализуется, поскольку при описании закономерностей фактор причины чаще всего не имеет ни положительного, ни отрицательного значения. Ср.: *В квантовом случае благодаря наличию несовместимых измерений калибровка приборов не позволяет добиться выполнения условия (1) для всех квантовых наблюдаемых (Волков); Некоторая связь между популяциями происходит благодаря стренгу (рассеиванию) отдельных лососей из своих “родных” популяций (Салменкова).*

В числе средств выражения каузальности активно используются сложноподчиненные предложения с придаточным причины (18 % употреблений всех анализируемых конструкций). В этих предложениях чаще всего употребляются союзы *поскольку* (49 % общего числа употреблений союзов причинной семантики) и *так как* (24 %). Придаточные предложения с этими союзами недифференцированного значения могут употребляться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к главному предложению, что,

очевидно, и объясняет столь высокую частоту употреблений этих союзов (ср. [Галкина 2011]). Между тем другие союзы недифференцированного значения – *ибо, потому что* могут использоваться только в постпозиции. Частота их употребления заметно ниже – соответственно 11 % и 10 %. Что же касается союзов дифференцирующей семантики *в силу того что, благодаря тому что, из-за того что, исходя из того что*, то они представлены лишь единичными употреблениями.

Характерным средством выражения причинной семантики в научной речи являются и каузативные глаголы: *способствовать чему-либо, затруднять что-либо, стимулировать что-либо, увеличивать что-либо, уменьшать что-либо, повышать что-либо, снижать что-либо, сокращать что-либо, ускорять что-либо, замедлять что-либо, задерживать что-либо* и др. Например: *Отбор только способствует ускорению генетического обновления* (Пшеничков); *Непостоянство популяционных численностей затрудняет определение рациона хищников* (Тютюнов и др.); *Добавление к клеткам одного LPS и LPS совместно с вирусом стимулировало клеточную пролиферацию до 4-го пассажа* (Смирнова и др.).

### 2.3. Семантическая характеристика

Вопрос о семантической классификации причинных конструкций в настоящее время остается недостаточно разработанным. В «Русской грамматике» в отношении причинных придаточных предложений сообщается: значение каузальности конкретизируется здесь как «необходимое основание, порождающий (предопределяющий) фактор, побочный (сопутствующий) фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, предпосылка, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул. Все эти частные значения группируются в конструкциях, выражающих отношения собственно-причинные и несобственно-причинные. В предложениях с собственно-причинным значением придаточная часть сообщает о непосредственной истинной причине того, о чем

говорится в главной части... В предложениях с несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) значением ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения о том, что сообщается в главной части» [Русская грамматика 1980, с. 577]. К сожалению, указанные семантические оттенки не иллюстрируются примерами, в связи с чем между некоторыми из них трудно установить различия (ср. например, *повод* и *предлог*).

Р. М. Термова, как уже отмечалось, тоже выделяет в поле каузальности две зоны: предметной причины и причинного обоснования. В зону предметной причины включены: «микрополе основной предметной причины и микрополе неосновной предметной причины. В зону причинного обоснования входят десять микрополей: прямого причинного обоснования реального действия, прямого причинного обоснования предполагаемого действия, прямого причинного обоснования оценки, прямого причинного обоснования побуждения, составляющие сектор прямого причинного обоснования; косвенного причинного обоснования действия следствием его осуществления, косвенного причинного обоснования оценки следствием осуществления оцениваемого явления, косвенного причинного обоснования реального действия следствием его неосуществления, косвенного причинного обоснования предполагаемого действия следствием его неосуществления, косвенного причинного обоснования оценки следствием неосуществления оцениваемого явления, косвенного причинного обоснования побуждения следствием неосуществления побуждаемого явления» [Термова 2017, с. 59–60].

Нужно отметить, что в представленной классификации Р.М. Термова ориентируется на тексты художественной литературы. Между тем для научной речи, в отличие от художественной, нехарактерны конструкции обоснования реального или предполагаемого действия либо побуждения. Здесь чаще всего обосновываются не действия, совершаемые теми или иными субъектами, а представления о свойствах или связях изучаемых объектов.

По отношению к этой развернутой логико-семантической классификации каузальных конструкций (с учетом сделанного уточнения) их распределение по семантическим разрядам в научной речи будет выглядеть следующим образом (Таблицы 2, 3):

Таблица 2

Распределение каузальных конструкций между двумя  
основными семантическими зонами в научной речи

| Семантический разряд        | Кол-во употр. | %   |
|-----------------------------|---------------|-----|
| Зона предметной причины     | 467           | 89  |
| Зона причинного обоснования | 59            | 11  |
| Всего                       | 526           | 100 |

Согласно нашим данным, зона предметной причины представлена лишь одним семантическим разрядом – основной предметной причины, тогда как семантика неосновной предметной причины для научных текстов не характерна (что опять-таки не исключает возможности ее реализации в единичных случаях).

Таблица 3

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования  
в научной речи

| Семантический разряд                                                                                   | Кол-во<br>употр. | %   |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------|-----|
| Прямое причинное обоснование предполагаемого свойства, отношения                                       | 22               | 37  |
| Прямое причинное обоснование реального свойства, отношения                                             | 20               | 34  |
| Прямое причинное обоснование оценки                                                                    | 16               | 27  |
| Косвенное причинное обоснование существования определенного отношения возможностью некоторого действия | 1                | 2   |
| Всего                                                                                                  | 59               | 100 |

Как показывает наше исследование, в зоне причинного обоснования представлены лишь четыре из десяти микрополей: прямого причинного обоснования предполагаемого свойства, отношения; прямого причинного



обоснования реального свойства, отношения; прямого причинного обоснования оценки; косвенного причинного обоснования существования определенного отношения возможностью некоторого действия. Другие микрополя нехарактерны для научных текстов.

При выражении микрополя основной предметной причины используются самые разные каузальные языковые средства – такие, как предложения с глаголами-реляторами, конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, сложноподчиненные предложения с придаточным причины, конструкции с каузативным глаголом, предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстными синонимами, также и другие зафиксированные в табл. 1 каузальные средства. Например: *Изменения в активности гомеобоксов могут приводить к заметным морфологическим сдвигам* (Татаринов); *Из-за своей очень малой энергии эта волна непосредственно измерительными приборами не регистрируется* (Славнов); *Происходит это потому, что формальное сходство двух выражений проецируется в представлении говорящих не на отвлеченную формулу...* (Гаспаров); *Введение в молекулу фенола акцепторных групп способствует снижению величины РК и возрастанию величины дипольного момента* (Валинурова); *Вторая возможная причина... состоит в различии степени вакуумирования измерительных ячеек...* (Алчагиров, Кясова).

Характерным средством реализации микрополей прямого причинного обоснования является сложноподчиненное предложение с придаточным причины, тогда как другие каузальные конструкции почти не используются. Например: *Сказанное о Cs в той же мере относится к Rb и K, поскольку их действие на воду аналогично действию Cs* (Ковалева и др.); *Невозможно выделить конкретную особь... потому что геном сохраняет целостность только между актами рекомбинации* (Пшеничников).

Косвенное причинное обоснование предполагаемого действия нетипично для научных текстов. В наших материалах оно представлено единственным примером: *Нарисованная выше картина имеет разумную степень скоррелированности с той, которая существует в представлениях других*

*говорящих по-русски, – иначе мы просто не могли бы общаться на основе данного языкового материала (Гаспаров).*

## **2.4. Функционально-коммуникативная характеристика**

Как показал анализ, высокая частота употребления средств выражения причинных отношений в научных текстах объясняется рядом познавательно-коммуникативных задач, решаемых автором-ученым. Отчетливо выявляются три наиболее часто решаемых задачи, на долю которых в сумме приходится 65 % зафиксированных в научных текстах употреблений каузальных конструкций:

1. Сообщения об установленных эмпирических зависимостях и закономерностях (29 %). Это задание обуславливает широкое использование предложений с глаголами-предикатами причинно-следственной семантики: *Этот признак, как своеобразный раздражитель, вызывает рассогласование с нервной моделью прошлого опыта* (Голышкина); с каузативными глаголами: *Включение... ЭБ+ДФМ в защитный состав увеличивает полевую всхожесть семян...* (Калацкая и др.); каузальных предложно-падежных конструкций: *Ограничивается скорость потребления жертв хищником в силу его конституционных особенностей* (Тютюнов и др.).

2. Объяснения установленных фактов или положений общего характера (26 %). При реализации этого коммуникативного задания автор обычно прибегает к причинным сложноподчиненным предложениям: *Так как традиция наиболее устойчива в центрах литературного языка..., то... в речи москвичей процент вариантов с традиционным произношением выше, чем у представителей других территориальных групп* (Крысин); к предложениям с предикатами объясняться: *(Это может объясняться различной толщиной слоя ПДМС (Большаков)), обусловлен (Эта особенность эволюции ДЯС в процессе слияния ядер обусловлена высокой ядерной вязкостью, что открывает возможность применения подхода Крамерса (Волков)), связан (Повышение продуктивности растений озимой*

*тритикале в данных вариантах связано с увеличением полевой всхожести семян... (Калацкая и др.)), определяться (что-то определяется чем-то). Нередки глагольно-субстантивные конструкции с предлогами причинной семантики: Это может происходить как благодаря отбору в пользу определенных генетических вариантов, так и в силу чисто случайных процессов (Пшеничников). Кроме того, регулярно используются подлежащно-сказуемые предложения с полусвязочными глаголами, в которых субъект или именная часть предиката выражены существительным причина: Фундаментальная причина вышеупомянутых противоречий заключается в том, что нулевая изоклина второго уравнения системы (1), описывающего динамику популяции хищников... (Тютюнов и др.): Возможной причиной получения завышенных данных... может также явиться нарушение условий термодинамического равновесия (Алчагиров и др.).*

3. Обоснования тех или иных положений (10 %). Это коммуникативное задание чаще всего реализуется с использованием причинных сложноподчиненных предложений, иногда – предложно-субстантивных сочетаний: Данное противоречие выходит за рамки чисто теоретической проблемы, поскольку использование того или иного вида трофической функции в моделях трофических систем способно полностью изменить их динамические свойства (Тютюнов и др.); В связи с этим можно утверждать, что даже в тех случаях, когда определение величины... лишено указанных выше недостатков, оно неэффективно, ибо основанное на нем СН энергия-время справедливо только как чистое неравенство (Суханов).

Кроме этих заданий реализуется и целый ряд других, но с намного меньшей регулярностью, например, задание демонстрации значимости использования какого-либо познавательного средства: Полифункциональные комплексы повышают полевую всхожесть семян (Калацкая и др.); сообщения о результатах применения тех или иных методов: Использование более массивных тяжелых ионов приводило к тому, что предсказания теоретических моделей вступали в противоречие с данными экспериментов (Волков); указания на взаимную

обусловленность повышения или понижения степени качественных характеристик объекта: *Чем выше уровень коммуникативной компетенции субъекта речи, тем свободнее он курсирует по этой шкале, выбирая наиболее уместную в том или ином речевом акте позицию* (Гольшшкина) и др.

Количественный анализ материала показал, что в сообщениях об установленных эмпирических зависимостях и закономерностях чаще всего используются предложения с глаголами-реляторами *вызывать, приводить, вести* и некоторыми другими (60 % употреблений), реже, но весьма регулярно конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями (26 %) и с каузативными глаголами (14 %). Во всех этих случаях реализуется семантика основной предметной причины.

В объяснении автором-ученым каких-либо фактов или же положений общего характера 40 % употреблений приходится на предложения с реляторами *определяться, объяснять (объясняться), обуславливать (обусловлен), связан, вызван* и другими, 31 % – на конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, 23 % – на сложноподчиненные предложения с придаточным причины и 6 % – на предложения с релятором, представленным существительным *причина*. Все эти средства опять-таки выражают семантику основной предметной причины.

При обосновании тех или иных положений, как уже отмечалось, чаще всего используются сложноподчиненные причинные предложения (84 %). Намного реже – предложно-субстантивные сочетания с предлогом *в связи с* (16 %). Помимо семантики прямого причинного обоснования эпизодически выражается значение косвенного причинного обоснования существования определенного свойства или отношения. Оно характерно для предложений с союзом *иначе* (в доказательствах от противного): *Поэтому у меня есть основания надеяться, что нарисованная выше картина имеет разумную степень скоррелированности с той, которая существует в представлениях других говорящих по-русски, – иначе мы просто не могли бы общаться на основе данного языкового материала* (Гаспаров).

Итак, мы видим, что практика общения в научной сфере предполагает использование определенного набора каузальных конструкций – именно тех,

которые лучше всего подходят для решения коммуникативных задач данной сферы. Здесь, как и в других функциональных стилях, употребляется лишь часть грамматико-семантического потенциала русского литературного языка.

Интересно отметить, что в предложенной Р.М. Теремовой семантической классификации причинных конструкций, ориентированной главным образом на материал художественных текстов, при рассмотрении зоны причинного обоснования, что естественно, значительное внимание уделяется прямому и косвенному обоснованию действия (реального и предполагаемого). Между тем для научной речи акциональные глаголы-предикаты нехарактерны, в ней глагол чаще всего выражает различные отношения [Митрофанова 1973]. Именно их наличие (реже – отсутствие) является объектом обоснования: *Оно не совпадает с взаимодействием свободных нуклонов, так как нуклоны ядер погружены в среду, где действует принцип Паули* (Волков); *При этом дублирование генов является основным источником эволюционных инноваций, поскольку позволяет одной копии гена мутировать и исследовать генетическое пространство, в то время как другая копия продолжает выполнять исходную функцию* (Спиров и др.).

## Выводы по второй главе

Изучаемой теме посвящен ряд публикаций (работы Н.П. Галкиной, Д.Я. Гордиенко, Г.А. Евстигнеевой, И.С. Калятина, Т.Б. Трошевой, Н.И. Христофоровой и др.). Г.А. Евстигнеева [Евстигнеева 1983] в своей диссертации основательно характеризует функционирование в научной речи комплекса средств выражения причинно-следственных отношений. Но, к сожалению, в этой интересной работе научный стиль изучается на материале лишь текстов учебного подстиля. В публикациях других авторов рассматривается использование только некоторых каузальных средств либо материал анализируется под углом зрения диахронической или сопоставительной стилистики, а также в отношении языковой организации аргументативных структур. Поэтому исследование употребления каузальных языковых средств в научной речи (по единому комплексу параметров для всех сравниваемых функциональных стилей) остается актуальным.

В научных текстах состав каузальных средств современного русского литературного языка представлен главным образом следующими языковыми единицами: предложениями с глаголами-реляторами, с предложно-субстантивными сочетаниями причинной семантики, с каузативными глаголами, а также причинными сложноподчиненными предложениями. По нашим данным, на долю этих средств приходится 96 % всех употреблений каузальных единиц. Характерные предложно-именные сочетания и союзы имеют как стилистически нейтральную, так и книжную окраску.

В семантическом отношении потенциал причинных конструкций тоже ограничен. Доминируют конструкции со значением основной предметной причины (89 %). Что же касается зоны причинного обоснования, то она представлена семантикой прямого причинного обоснования реального или предполагаемого свойства либо отношения, а также оценки (11 %). Конструкции с другими видами причинных значений для научной речи нетипичны.

Выбор и использование в ней каузальных конструкций подчинены решению

коммуникативных задач, определяемых спецификой научно-познавательной деятельности. Важнейшими из этих задач являются: необходимость сообщения об установленных эмпирических зависимостях и закономерностях, объяснения конкретных фактов и положений общего характера, обоснования выдвигаемых ученым положений. Эти и некоторые другие познавательно-коммуникативные задания определяют своеобразие реализации функционально-семантической категории причины в научной сфере деятельности по сравнению с другими сферами, каждая из которых характеризуется своей экстралингвистической основой, в том числе своими целями и задачами общения [Янь 2022, 2023].

### **Глава 3. Функционирование каузальных конструкций в официально-деловой речи**

#### **3.1. Обзор литературы**

Функционирование каузальных конструкций в русской речи исследовалось преимущественно на материале художественных текстов, в меньшей мере – публицистических и научных. Что же касается официально-делового стиля, то употребление в нем разноуровневых языковых единиц анализировалось главным образом под углом зрения реализации ими основных стилевых черт этой речевой разновидности – императивности (предписующе-долженствующего характера речи), точности, не допускающей инотолкования, безличности, стандартизированной [Логина 1968; Кожина 1972; Ширинкина 2021, 2022]. Что же касается анализа использования языковых средств причинной семантики, то он осуществлялся пока лишь в единичных работах.

Так, в исследовании М.В. Теляковской [Теляковская 2013] на материале официально-деловых текстов изучается порядок частей в сложноподчиненных предложениях причинного типа. Автором дается подробная характеристика порядка расположения частей с использованием разных союзов. Работа содержит тонкие замечания о связи изучаемых синтаксических структур со спецификой официально-деловой речи. В частности, отмечается, что очень редкая встречаемость интерпозиции придаточного предложения объясняется наличием у него в этой позиции дополнительного оттенка вводности или вставочности, нехарактерного для официально-деловой речи.

Исследование Т.В. Чернышовой [Чернышова 2016] посвящено определению принципов оценки деловых текстов. Указывая на значимость соответствия создаваемого текста задачам делового общения, автор анализирует, в частности, критерий логичности, предполагающий экспликацию причинно-следственной связи между утверждениями субъекта речи.

В статье С.В. Начерной [Начерная 2011] объектом исследования является



отдельный текст – защитительная речь адвоката С.А. Андреевского. На этом материале автор работы демонстрирует возможность формализации информационного текста, реализующего причинно-следственные отношения. С.В. Начерной показано, что фрагменты текста объединяются сквозной цепной связью, раскрывая последовательность событий прошлого, настоящего и будущего.

К исследуемой нами теме имеют отношение содержащиеся в монографических и диссертационных исследованиях наблюдения над грамматико-стилистическими особенностями деловых текстов [Губаева 1984; Ширинкина 2022], в частности, над употреблением в них производных предлогов, реализацией функционально-смысловых типов речи, в том числе рассуждения [Кыркунова 2007].

Таким образом, можно констатировать, что, к сожалению, сколько-нибудь полный анализ употребления каузальных языковых средств в официально-деловом стиле, представленном разными жанрами, пока не проводился.

В нашем исследовании, посвященном каждому из шести функциональных стилей современного русского литературного языка, учтено жанровое разнообразие официально-деловых текстов. Так, анализируемый материал представлен текстами законов, постановлений, инструкций, международных конвенций, трудовых договоров, судебных решений, обвинительных заключений, жалоб, объяснительных записок и др.

### **3.2. Представленность и общая характеристика**

Данные о составе и частоте употребления изучаемых единиц функционально-семантической категории причины представлены в Таблице 4.

Прежде всего нужно отметить, что в официально-деловой речи каузальные конструкции представлены менее широко, чем в других функциональных стилях: 268 употреблений по сравнению с 526 в научной речи, 467 в художественной, 453

в религиозной, 443 в газетной и 308 в разговорной (см. табл.19 на с. 129). Это вполне естественно, если учесть, что основной функцией правовой деятельности является регламентация отношений между людьми и что наиболее активными в текстах этой речевой разновидности оказываются те языковые средства, которые необходимы для реализации этой функции, проявляющейся в императивности речи, а также других важнейших стилевых черт – точности, не допускающей инотолкования, стандартизированной, обезличенной манеры изложения.

Таблица 4

Состав и частота употребления каузальных конструкций  
в официально-деловой речи

| Каузальные конструкции                                                          | Кол-во<br>употр. | %   |
|---------------------------------------------------------------------------------|------------------|-----|
| Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием                                | 144              | 54  |
| Предложения с глаголами-реляторами                                              | 57               | 21  |
| Сложноподчиненные предложения с придаточным причины                             | 45               | 17  |
| Бессоюзные сложные предложения                                                  | 8                | 3   |
| Предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстными синонимами | 7                | 2,6 |
| Определения, осложненные добавочным причинным значением                         | 4                | 1,5 |
| Сложносочиненные предложения                                                    | 1                | 0,3 |
| Выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины      | 1                | 0,3 |
| Конструкции с каузативным глаголом                                              | 1                | 0,3 |
| Всего                                                                           | 268              | 100 |

Как показал наш анализ, высокую частоту употребления в рассматриваемых текстах имеют только конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, значительно реже употребляются предложения с глаголами-реляторами и сложноподчиненные предложения с придаточным причины, регулярно, хотя и нечасто – бессоюзные сложные предложения каузальной семантики и предложения с существительным-релятором «причина». Остальные языковые средства рассматриваемого функционально-семантического поля встречаются редко.

Отметим, что в конструкциях с предложно-субстантивным сочетанием доминируют отыменные предлоги (81 % употреблений предлогов в данных конструкциях) – *в связи с, в результате, вследствие, по причине, в силу, ввиду*. Столь частое использование отыменных предлогов связано с именным характером официально-делового стиля. Как отмечает М.Н. Кожина, «частота употребления существительных здесь выше, чем в остальных функциональных стилях... Именной характер деловой речи выражается в большом количестве отыменных предлогов и союзов» [Кожина и др. 2025, с. 327].

Примеры: *Жилое помещение может быть изъято у собственника в связи с изъятием земельного участка, на котором расположено такое жилое помещение...; Материальная ответственность стороны соглашения наступает за ущерб, причиненный ею другой стороне в результате ее виновного противоправного поведения; ...страховое возмещение по обязательному страхованию не может быть осуществлено вследствие отзыва у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности; Инвалиды не лишались произвольно или по причине инвалидности права на въезд в свою собственную страну; ...не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий; Замена судьи или нескольких судей возможна в случае: длительного отсутствия судьи ввиду болезни, отпуска, учебы, служебной командировки.*

Не столь широко употребляются предложно-падежные конструкции с производными предлогами: «*по + дат. п. имени*», «*за + вин. п. имени*», «*из-за + род. п. имени*», «*из + род. п. имени*», «*от + род. п. имени*». Например: *Если эти деяния повлекли по неосторожности смерть человека...; За совершение дисциплинарного проступка... к Работнику могут быть применены дисциплинарные взыскания...; Если транспортное средство из-за своих габаритов... не может выполнить поворот с соблюдением требований пункта 8.5 Правил...; ...решил ее убить из чувства ревности; Данное ранение причинило тяжкий вред здоровью потерпевшей, опасный для жизни, от которого она на месте незамедлительно скончалась.*

Как видно из табл. 4, к числу характерных средств выражения причины в официально-деловом общении относятся предложения с глаголами-реляторами. Чаще других используются глаголы *вызвать (вызывать)* – 32 % употреблений глаголов этой группы, *влечь (повлечь)* – 30 %, *приводить (привести)* – 19 %. Примеры: *Любое повреждение кабеля питания может вызвать короткое замыкание...; Если это могло повлечь смерть человека...; ...если такое аннулирование приводит к невозможности оказания услуг связи.*

Примечательно, что в сложноподчиненных предложениях причинной семантики, которые в официально-деловой речи используются намного реже, чем конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, активно употребляются союзы *поскольку* (67 % анализируемых причинных союзов) и *так как* (29 %). Объясняется это тем, что данные союзы имеют книжную окраску. У союза *поскольку* эта окраска явно осознается носителями русского языка, тогда как у союза *так как* она менее очевидна и не фиксируется толковыми словарями. Однако этот союз регулярно употребляется только в текстах книжных стилей, в разговорной же речи он почти не представлен (см. табл. 20 на с. 131).

Характерные примеры: *И арбитражный суд был не вправе выносить решение... поскольку ответчик спорным имуществом на момент вынесения решения не владел; Держите горящие свечи, лампы и другие источники открытого огня вдали от устройства, поскольку они могут стать причиной пожара; Не используйте острые предметы, так как они могут поцарапать поверхность; Просрочка направления уведомления о некомплектности также не является таким основанием, так как обратное противоречило бы требованиям закона.*

В то время как конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями активно используются как в официально-деловой речи, так и в других книжных стилях (кроме церковно-религиозного), сложноподчиненные предложения с придаточным причины в официально-деловой речи встречаются значительно реже, чем в других функциональных стилях. Так, в ней они отмечены только 45 раз, тогда как в научной речи – 93, в разговорной – 96, в газетно-публицистической –

121, в художественной – 133, а в религиозной – 371.

Нечастое употребление причинных сложноподчиненных предложений в официально-деловой речи М.Н. Кожина объясняет следующим образом: «Поскольку в текстах государственных актов приходится обычно не доказывать что-то (анализ и аргументация предшествуют составлению этих текстов), но устанавливать, регламентировать, то этим текстам в общем не свойственно рассуждение... Этот факт находит отражение прежде всего в синтаксисе: сравнительно низкий процент сложноподчиненных предложений, особенно с придаточными причины» [Кожина и др. 2025, с. 321]. Сказанное справедливо для текстов законов, договоров и некоторых других жанров. Однако в инструкциях рассуждение все-таки встречается, а для судебного заключения и кассационной жалобы этот тип речи весьма характерен, чем обусловлено употребление данных предложений.

Использование бессоюзных сложных предложений при выражении причинных отношений, а также предложений с существительным-релятором *причина* встречается нечасто, причем главным образом в текстах инструкций. Другие каузальные средства употребляются в официально-деловых текстах лишь эпизодически или единично (см. табл. 4).

### 3.3. Семантическая характеристика

В официально-деловой речи распределение каузальных конструкций по семантическим зонам выглядит следующим образом (Таблицы 5, 6):

Таблица 5

Распределение каузальных конструкций между двумя основными семантическими зонами в официально-деловой речи

| Семантический разряд        | Кол-во употр. | %   |
|-----------------------------|---------------|-----|
| Зона предметной причины     | 222           | 83  |
| Зона причинного обоснования | 46            | 17  |
| Всего                       | 268           | 100 |

Эти данные закономерны, поскольку, как уже отмечалось, рассуждение, предполагающее обоснование какого-либо утверждения, для рассматриваемой речевой разновидности малохарактерно. Отсюда лишь 17 % употреблений языковых средств с семантикой причинного обоснования.

В зоне предметной причины, как уже отмечалось, выделяются два разряда: основной и неосновной предметной причины [Теримова 2017]. Примечательно, что в наших материалах конструкции с семантикой неосновной предметной причины не встречались ни разу.

Что же касается семантики основной предметной причины, то она обычно выражается предложениями с именной причинной группой – 65 % (*В связи с нарушением условий заключенного между сторонами договора, поставщик обратился в суд с иском о взыскании с ответчиков задолженности*) или предложениями с глаголами-реляторами – 26 % (*Признание эквивалентности квалификационных документов... не влечет за собой безусловного распространения на их обладателей государственных гарантий...*). Иными языковыми средствами эта семантика выражается в официально-деловой речи лишь эпизодически.

Обратимся к языковым средствам с семантикой причинного обоснования.

Таблица 6

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования  
в официально-деловой речи

| Семантический разряд                                                                       | Кол-во<br>употр. | %   |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|------------------|-----|
| Прямое причинное обоснование побуждения                                                    | 18               | 40  |
| Прямое причинное обоснование реального действия                                            | 14               | 32  |
| Прямое причинное обоснование оценки                                                        | 6                | 14  |
| Прямое причинное обоснование предполагаемого действия                                      | 6                | 9   |
| Косвенное причинное обоснование побуждения следствием неосуществления побуждаемого явления | 2                | 5   |
| Всего                                                                                      | 46               | 100 |

Как видим, причинное обоснование обычно является прямым. Косвенное же причинное обоснование встречается редко, причем лишь в жанре инструкции: *Отключите аппарат... иначе вы потеряете данные, хранящиеся в памяти.*

Примечательно, что в официально-деловой речи повышенной частотой употребления характеризуются конструкции обоснования не только реального действия (14 употр.), но и побуждения (18 употр.). Это вполне закономерно, поскольку регламентирующая функция правовых и административных актов предполагает широкое использование императивных конструкций.

Семантика причинного обоснования побуждения весьма характерна для жанра инструкции. Наиболее типичными средствами выражения данного значения являются сложноподчиненные предложения с придаточным причины (*Храните упаковку в недоступном для детей месте, так как существует опасность удушья; Держите горящие свечи, лампы и другие источники открытого огня вдали от устройства, поскольку они могут стать причиной пожара*) и бессоюзные сложные предложения (*Не касайтесь сливаемой воды, ее температура может быть очень высокой; Не храните в устройстве горючие газы или жидкости, существует опасность взрыва*).

Что же касается каузальных языковых средств, выражающих другие значения в пределах зоны причинного обоснования, то они представлены главным образом в судебных решениях, обвинительных заключениях и кассационных жалобах, т. е. в текстах тех жанров, для которых характерен функционально-смысловой тип речи рассуждение. Основным средством выражения этих значений являются причинные сложноподчиненные предложения: *Судебная коллегия отклоняет довод заявителя... поскольку трансформаторные подстанции отнесены Законом к объектам, не подлежащим охране частными лицами* (обосновывается реальное действие); *Ссылка мирового судьи на устав ПК «Полесье»... несостоятельна, поскольку... учредительные документы юридического лица вступают в силу с момента их государственной регистрации* (обосновывается оценка); *Поскольку применим п. 21 перечня, суду апелляционной инстанции следовало в таком случае отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение...* (в тексте жалобы обосновывается предполагаемое действие – отмена или изменение решения суда первой инстанции).

### 3.4. Функционально-коммуникативная характеристика

В официально-деловой речи, как и в других функциональных стилях, выбор и использование каузальных языковых средств обуславливаются задачами общения. В ходе анализа текстов рассматриваемой речевой разновидности нами выявлен целый ряд таких коммуникативных задач. Чаще других встречаются следующие коммуникативные установки и реализующие их речевые действия:

– мотивировка принимаемого судебного решения. Чаще всего эта задача решается с использованием сложноподчиненных причинных предложений и предложно-именных сочетаний: *Решение суда первой инстанции не соответствует нормам процессуального права, поскольку принято о правах и интересах лица, не привлеченного к участию в деле; Арбитражный суд был не вправе выносить решение... поскольку ответчик спорным имуществом на момент*



*вынесения решения не владел; В связи с нарушением условий заключенного между сторонами договора, поставщик обратился в суд с иском о взыскании с ответчиков задолженности; Решение Арбитражного суда... прекращено в связи с частичным отказом от исковых требований;*

– фиксация причинно-следственной связи между действием, являющимся объектом правовой оценки, и вызвавшими его обстоятельствами. Обычно данная задача решается при описании условий действия правового решения, содержащегося в составе условной конструкции. Причинная семантика обычно выражается предложно-субстантивным сочетанием (*в результате + род. п. имени, вследствие + род. п. имени*) или глаголом-релятором (*влечет что-л., приводит к чему-л.*). Примеры: *...если докажет, что вред причинен вследствие непреодолимой силы; В случае, если нетрудоспособность нуждающегося в помощи супруга наступила в результате злоупотребления спиртными напитками...; Перерасчет... не осуществляется, если влечет увеличение ранее уплаченных сумм указанных налогов; ...если только такой коммерческий прокат не приводит к широкому копированию таких произведений;*

– мотивировка предписываемого действия. Эта коммуникативная задача особенно характерна для текстов инструкции. Она решается с использованием сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений каузальной семантики: *Будьте осторожны при его перемещении, так как устройство тяжелое; Держите горящие свечи, лампы и другие источники открытого огня вдали от устройства, поскольку они могут стать причиной пожара; Не храните в устройстве горючие газы или жидкости, существует опасность взрыва; Не используйте старые шланги и соединения, это может привести к протечке.*

Не столь часто, тем не менее регулярно выполняются следующие коммуникативные действия:

– объяснение изменения (прекращения) договорных отношений. Средством выражения каузальной семантики обычно выступают предложно-субстантивные сочетания: *Потребитель направил продавцу (исполнителю) уведомление об отказе от исполнения договора купли-продажи... в связи с нарушением продавцом*

*(исполнителем) обязательства передать товар (оказать услугу) в установленный срок; Стороны внесут в Соглашение необходимые изменения и дополнения в связи с присоединением к нему Республики Таджикистан;*

– указание на причину вреда, причиняемого истцу (заявителю). Данное речевое действие тоже выполняется с использованием предложно-субстантивных сочетаний: *В случае нарушения данного условия работник возмещает работодателю прямые и косвенные убытки, понесенные в результате разглашения вышеуказанных сведений; Работодатель обязан... возмещать вред, причиненный работнику в связи с исполнением трудовых обязанностей;*

– указание на причинно-следственную связь между возможным неправильным действием и его результатом (при эксплуатации различных приборов). В этом случае субъект речи обычно использует глаголы-реляторы: *Открытие двери на длительное время может привести к значительному повышению температуры в камерах холодильника; Замороженные продукты питания могут вызвать местное обморожение, если их употребить сразу после извлечения из морозильной камеры.*

### **Выводы по третьей главе**

Функционирование каузальных конструкций в официально-деловой речи до настоящего времени остается почти не изученным. Существуют лишь немногие публикации, посвященные отдельным аспектам анализа структуры и употребления этих средств в данной речевой разновидности.

Анализ показал, что в официально-деловой речи активнее всего употребляются предложно-субстантивные сочетания каузальной семантики. Не столь часто используются предложения с глаголами-реляторами, а также сложноподчиненные предложения с придаточным причины. Другие зафиксированные каузальные средства используются значительно менее регулярно или в единичных случаях.

Описаны семантические особенности изучаемых конструкций. Установлено, что конструкции с семантикой предметной причины употребляются значительно чаще, чем конструкции с семантикой причинного обоснования. Объясняется это тем, что в официально-деловых текстах функционально-смысловой тип речи «рассуждение» востребован лишь в текстах отдельных речевых жанров – судебных решений, обвинительных заключений и нек. др. Закономерно, что в соответствии с предписующе-долженствующим характером речи здесь регулярнее всего обосновываются высказывания императивной семантики.

Определены характерные для рассматриваемой речевой разновидности коммуникативные задачи, решаемые предложениями, в состав которых входят каузальные языковые средства. Обнаружена связь между этими задачами и выбором определенных языковых средств каузальной семантики.

## Глава 4. Функционирование каузальных конструкций в газетно-публицистической речи

### 4.1. Обзор литературы

В исследованиях публицистического стиля реализация функционально-семантической категории причины представлена пока лишь немногими работами, посвященными разным аспектам функционирования каузальных языковых средств, а также воплощения причинно-следственных связей в целых речевых произведениях и группах произведений.

В кандидатской диссертации Т.А. Бутенко [Бутенко 2024] исследуются каузально-синсемантические конструкции, используемые участниками предвыборных дебатов в США (1960–2020-е гг.). Автор работы выдвигает и верифицирует гипотезу о том, что высказывания, характеризующиеся структурно-смысловой несамостоятельностью их компонентов, оказываются универсальным средством экспликации причинно-следственных связей, т.е. что эти высказывания репрезентируют все содержательные типы каузальных отношений.

Т.А. Бутенко описывает парадигму трансформаций ядерного каузального предложения в изучаемых текстах, объединяющую целый ряд синтаксических трансформ. К их числу принадлежат, в частности, трансформы: «одна причина и одно следствие, реализованные двумя синсемантическими предложениями; одна причина, реализованная несколькими синсемантическими предложениями, и одно следствие...» [Бутенко 2024, с. 5]. На поверхностно-речевом уровне эта парадигма включает различные виды повтора, расшифровывающие конструкции, вопросно-ответные комплексы, инверсию, эллипсис и др. [Бутенко 2024, с. 5–6].

Н.П. Галкина на обширном и разнообразном материале публицистического стиля XX в. (книг, газетных и журнальных статей) исследовала особенности употребления причинных союзов. Автором установлено, что наиболее частотными в этой речевой разновидности являются союзы *потому что*,

*поскольку, ибо, так как*. Остальные же «союзные скрепы каузальной семантики малопродуктивны, но оказываются необходимы в определенной коммуникативной ситуации, так как указывают на конкретные оттенки причинных значений» [Галкина 2021, с. 37].

Интересен предложенный Н.П. Галкиной [Галкина 2020] сопоставительный анализ функционирования союза *потому что* в публицистическом и научном стилях. Согласно автору, в публицистических текстах (к их числу отнесены речевые произведения политической, социальной, культурной проблематики) данный союз используется значительно чаще, чем в научных. Объяснение этого Н.П. Галкина видит в том, что журналист, в отличие от ученого, активно вырабатывает экспрессивные средства письма, используя данный союз в сочетании с частицами, сочинительными союзами и другими актуализаторами, причем не только в расчлененном, но и в раздельном употреблении его элементов в главной и придаточной частях предложения [Галкина 2020, с. 56].

В работах Г.А. Калмыковой [Калмыкова 2011а, б] характеризуется функционирование каузальных структур в текстах интервью немецких СМИ. Автор справедливо отмечает, что в этих текстах используются далеко не все средства функционально-семантического поля каузальности [Калмыкова 2011а, с. 120], что исследуемая речевая разновидность «накладывает ограничение» на потенциал средств языка. Особое внимание исследователь уделяет маркерам имплицитной каузальности – предлогам, вопросительным предложениям с некоторыми вопросительными словами, именным и глагольным каузаторам – как нейтральным, так и стилистически окрашенным.

А.М. Гробицкая [Гробицкая 2014] обращается к анализу причинно-следственных связей в содержании событийного газетного дискурса. Объект ее изучения – группы текстов, посвященных одному и тому же событию. Автор устанавливает важную закономерность развертывания дискурса этого типа: причина события порождает цепочку следствий, при этом «любое следствие может стать причиной одного или нескольких следствий, которые, в свою очередь, могут стать причиной новых следствий» [Гробицкая 2014, с. 127].

Объект исследования Ю.С. Волковой [Волкова и др. 2019] – жанр политического ток-шоу. Как показывают авторы, политический спор в телеэфире является своего рода сверхтекстом, воплощающим форму коллективного рассуждения. Оно реализует причинно-следственные отношения как в пределах отдельных выступлений, так и в сверхтексте в целом. Авторы выявляют коммуникативно-познавательные установки участников ток-шоу, в число которых входит стремление участников полилога установить причины и следствия обсуждаемых событий.

Взаимосвязь категорий каузальности и оценочности исследует Т.В. Михайлова [Михайлова 2017]. Эта взаимосвязь обнаруживает себя в том, что субъект речи, отображая в речевом произведении действительность, одновременно раскрывает в ней причинно-следственные отношения и квалифицирует ее. На материале текстов XVI в., написанных Иваном Грозным, князем А. Курбским, И.С. Пересветовым, автор показывает, что изучение каузальных конструкций в речевых произведениях политической тематики позволяет характеризовать мировоззренческую позицию их создателей.

Этот краткий обзор научной литературы по исследуемой проблематике позволил выделить ряд интересных наблюдений лингвистов над употреблением средств выражения причинных отношений в публицистической речи. Однако целостное систематическое исследование функционирования этих средств в данной речевой разновидности еще не проводилось.

#### **4.2. Представленность и общая характеристика**

Информация о составе и частоте употребления изучаемых конструкций представлена в Таблице 7.

Каузальные отношения в публицистических текстах, как и в художественных, выражаются широким спектром языковых единиц.

Как видно из таблицы, в газетной речи реализуются почти все языковые средства, образующие функциональное семантическое поле причины (см.

описание этого поля в работе [Теремова 2017]). При этом наиболее частотными являются предложно-субстантивные сочетания и сложноподчиненные предложения с придаточным причины.

Таблица 7

Состав и частота употребления каузальных конструкций  
в газетно-публицистической речи

| Каузальные конструкции                                                     | Кол-во<br>употр. | %    |
|----------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием                           | 139              | 31,4 |
| Сложноподчиненные предложения с придаточным причины                        | 121              | 27,3 |
| Предложения с глаголами-реляторами                                         | 73               | 16,5 |
| Конструкции с каузативным глаголом                                         | 44               | 10   |
| Предложения с существительным-релятором «причина»                          | 20               | 4,5  |
| Бессоюзные сложные предложения                                             | 18               | 4,1  |
| Сложноподчиненные предложения, кроме предложений с придаточным причины     | 16               | 3,6  |
| Предложения с однородными глагольными сказуемыми                           | 5                | 1    |
| Сложносочиненные предложения                                               | 4                | 0,9  |
| Определения, осложненные добавочным причинным значением                    | 2                | 0,4  |
| Выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины | 1                | 0,2  |
| Всего                                                                      | 443              | 100  |

Среди предложно-падежных форм представлены: *из-за* + *род. п.* (73), *благодаря* + *дат. п.* (15), *за* + *вин. п.* (13), *в связи с* + *тв. п.* (10), *после* + *род. п.* (7), *от* + *род. п.* (5), *в результате* + *род. п.* (4), *по* + *дат. п.* (3), *в силу* + *род. п.* (3).

Столь высокая частота употребления предлога *из-за*, на наш взгляд, связана с открытой социальной оценочностью газетной речи. Эта стилевая черта проявляется в использовании самых разных языковых средств, в том числе предлогов. Как писал Г.Я. Солганик, «особый характер публицистического субъекта обуславливает эмоциональное отношение к отображаемой реальности.

Это конститутивная черта публицистики... Публицистика эмоциональна, пристрастна, нередко тенденциозна, потому что автор – подлинный, живой, достоверный – от своего имени, от первого лица рассказывает, объясняет, убеждает, высказывает мысли, выражает чувства» [Солганик 2000, с. 14]. В.Г. Костомаров, сравнивая публицистические тексты с текстами других сфер коммуникации, отмечал: «Само содержание здесь не констатирующее, как в научных текстах, и не предписывающее, как в деловых, но просто важное с точки зрения автора, стремящегося не предписать, не только информировать, но всем внушить свои мнения и оценки» [Костомаров 2005, с. 122]. В соответствии с указанной стилевой особенностью публицистических текстов предлог *из-за* актуализирует в них оценочный смысловой элемент, фиксируемый, кстати, в дефинициях толковых словарей. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой у данного предлога указано производное значение «по причине чего-н., по вине кого-чего-н.» [Ожегов, Шведова 2003, с. 240]. Аналогично определяется это значение в четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой: «Употребляется при указании на причину или на виновника какого-л. действия...» [Словарь 1984, с. 643–644].

Симптоматично, что в газетной речи этот предлог употребляется главным образом в негативно-оценочном контексте: *Аграрии, по прогнозам, рискуют недополучить в этом году 40–50 % сельхозтехники из-за нехватки комплектующих; США приходят в упадок из-за бездействия нынешней администрации относительно миграционного кризиса; Из-за карантинных мер... и отсутствия перспектив стабильного заработка абсолютное большинство высококлассных водителей уходит из профессии.*

Неявную позитивно-оценочную семантику имеет предлог *благодаря*: в строго нормативной речи он указывает на причину желательного явления [Розенталь, Теленкова 2003]. Тем самым значение этого предлога тоже хорошо согласуется с указанной стилевой чертой газетно-публицистической речи. Примеры: *Благодаря своей стратегии «нулевого ковида» Австралия все еще находится в лучшем положении, чем почти любая другая страна в мире;*



*Благодаря введению новых мощностей растет экспорт фармпродукции, полимеров и древесных плит; Благодаря работе комиссии станет возможным быстрее совершенствовать законодательство.*

Показательно, что в тех случаях, когда в системе языка причинные предлоги не имеют дополнительной оценочной семантики, она тем не менее отчетливо проявляется в контексте: *Российские врачи поставили вопрос об исключении из состава Всемирной врачебной ассоциации польских медиков за создание конфликтной ситуации, несовместимой с духом Всемирной медицинской ассоциации; В Японии за езду с нетрезвым водителем пассажир может быть наказан...; Сотрудники коммунального предприятия... вышли на митинг в связи с нерегулярностью выдачи им заработной платы; Себестоимость проектов увеличивается в связи с подорожанием кредитов и стройматериалов.*

Как видно из табл. 7, одним из наиболее характерных способов выражения причины в газетной речи является использование сложноподчиненных предложений с придаточным причины (27 %). Это неудивительно: газетная речь отличается аналитичностью и обобщенностью, что требует активного использования «сложных синтаксических конструкций с четким и ясным оформлением смысловых отношений при помощи союзной связи» [Кожина и др. 2025, с. 359].

Среди причинных союзов наиболее часто употребляются союзы *потому что* (41 % употреблений союзов причинной семантики), *поскольку* (24 %) и *так как* (18 %). Ср. аналогичные данные Н.П. Галкиной [Галкина 2021]. При этом придаточная часть, как правило, находится в постпозиции по отношению к главной части: *В рублях нам их санкции не страшны, они просто невозможны, потому что наши банки работают в рублевой зоне; Это, по его словам, было бы неправильно, поскольку в этом случае банк сразу пойдет под санкции; Повышение курса рубля необходимо с экономической точки зрения, так как текущее положительное сальдо внешнеторговых операций не уравнивается оттоком капитала.*

В газетно-публицистическом стиле как одном из книжных стилей,

естественно, широко представлены союзы, характерные для книжной речи: *поскольку и так как* (ср.: активное использование этих союзов в научном и официально-деловом стилях).

Нужно отметить, что, стремясь к выразительности речи, журналист вместо сложноподчиненных предложений нередко использует парцеллированные высказывания: *Семь миллионов гектаров леса сгорело в Якутии. Посмотрите сейчас результаты выборов по Якутии, они соответствуют тому реальному настроению, которое есть у нас в обществе. Потому что дым от этих пожаров глотали не только города и селения, но и белые медведи – долетел он до Канады; И когда такой индивид получает из внешнего мира импульс от немногочисленных антиваксеров, что прививки вредны, он с радостью его подхватывает. Потому что, с одной стороны, эта мысль позволяет узаконить ничегонеделание, лень, инертность; Регистрационные процедуры, согласования – это то, что точно нужно ускорить в России. Потому что для строительных инвесторов время – это деньги.*

Реже, чем уже рассмотренные средства выражения причинных отношений, тем не менее весьма часто используются предложения с глаголами-реляторами: *Каждый понимает, что антироссийские санкции привели бы к весьма заметному ущербу для экономики и социальной сферы; Растущая инфляция при процессе stagфляции также влечет и ускоренный рост безработицы; Переход на современную технологию мембранного электролиза позволит полностью перекрыть собственные потребности производства.* Заметим, что эти глаголы обычно используются в оценочном контексте (*...привели бы к весьма заметному ущербу; ...влечет и ускоренный рост безработицы; ...позволит полностью перекрыть собственные потребности производства*), в чем проявляется открытая социальная оценочность речи.

В газетно-публицистическом стиле часто используются и конструкции с другими каузативными глаголами: *способствовать, удивить, увеличивать, уменьшать, снизить, осложнить, помешать, подкреплять, улучшать, усугублять* и др. Примеры: *Преодолению пандемии способствовал высокий уровень*

*сознательности граждан; Отсутствие упаковки увеличивает риски бактериальной обсемененности пищевой продукции; Действия Вашингтона по отношению к Москве не уменьшают разрыв между Востоком и Западом; Такие действия только усугубляют и без того сложные наши проблемы.*

Регулярно употребляются также:

– предложения с существительным-релятором «причина» (*Одна из причин ухода бизнеса в серую зону – слишком жесткие требования; Причины роста цен парламентарии видят в чрезвычайной монополизации российской экономики и ошибочной налоговой политике*),

– бессоюзные сложные предложения каузальной семантики: *Вырастет спрос на рубли, вырастет и курс национальной валюты; Президент Владимир Путин пока не принял отставку Сергея Морозова – соответствующий указ еще не опубликован,*

– сложноподчиненные предложения, выражающие причинное значение как добавочное: *Ком в горле стоит, когда видишь Аллею ангелов – мемориал погибшим от обстрелов детям, которым было от 3 до 12 лет; Это огромная проблема, и в первую очередь проблема для Московской области, где большое количество частных газопроводов, принадлежащих физическим лицам; Чем сложнее становится мир, тем сильнее потребность в укреплении стратегического взаимодействия между КНР и РФ.*

Другие каузальные средства используются в рассматриваемой речевой разновидности эпизодически.

#### **4.3. Семантическая характеристика**

Распределение рассматриваемых языковых средств по семантическим разрядам выглядит следующим образом (Таблица 8).

Таблица 8

Распределение каузальных конструкций между двумя семантическими зонами в  
газетно-публицистической речи

| Семантический разряд        | Кол-во употр. | %   |
|-----------------------------|---------------|-----|
| Зона предметной причины     | 363           | 82  |
| Зона причинного обоснования | 80            | 18  |
| Всего                       | 443           | 100 |

В газетных текстах, как и в текстах других стилей, доминируют конструкции с семантикой предметной причины (82 %). Конструкции с семантикой причинного обоснования хотя и весьма активны, но используются значительно реже (18 %).

Нужно отметить, что в зоне предметной причины, согласно нашему материалу, реализуется лишь семантика основной предметной причины. Средствами ее выражения являются прежде всего конструкции с предложно-субстантивным сочетанием – 38 % от всех конструкций, выражающих семантику основной предметной причины (*Из-за ветра было затруднено движение через Керченский пролив, пройти через него не могли около 200 судов*), предложения с глаголами-реляторами – 20 % (*Эмбарго также неминуемо приведет к росту цен*) и сложноподчиненные предложения с придаточным причины – 12 % (*Колоссальной рекой золото уходило из России, потому что ЦБ отказался покупать золото, которое производила наша промышленность*), а также конструкции с каузативным глаголом – 12 % (*Новые санкции против РФ в связи с ее вторжением на Украину только ухудшат отношения Москвы и Запада и не останутся без ответа*).

Используется, кроме того, широкий круг других каузальных средств – предложений с существительным-релятором «причина», бессоюзных сложных предложений, сложноподчиненных предложений, имеющих добавочную причинную семантику, предложений с однородными глагольными сказуемыми,

сложносочиненных предложений, обстоятельственных и определительных оборотов с дополнительным значением причины. На долю всех перечисленных средств приходится 18 % случаев реализации семантики основной предметной причины.

Обратимся к зоне причинного обоснования (Таблица 9).

Таблица 9

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования  
в газетно-публицистической речи

| Семантический разряд                                                                       | Кол-во<br>употр. | %   |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|------------------|-----|
| Прямое причинное обоснование реального действия                                            | 30               | 38  |
| Прямое причинное обоснование оценки                                                        | 25               | 31  |
| Прямое причинное обоснование предполагаемого действия                                      | 22               | 28  |
| Прямое причинное обоснование побуждения                                                    | 2                | 2   |
| Косвенное причинное обоснование предполагаемого действия<br>следствием его неосуществления | 1                | 1   |
| Всего                                                                                      | 80               | 100 |

Как видно из таблицы, в газетной речи реализуются не все микрополя причинного обоснования, выделенные в системе языка [Термова 2017]. В нашей значительной по размеру выборке не представлены микрополя: косвенного причинного обоснования действия следствием его осуществления, косвенного причинного обоснования оценки следствием осуществления оцениваемого явления, косвенного причинного обоснования реального действия следствием его неосуществления, косвенного причинного обоснования оценки следствием неосуществления оцениваемого явления, косвенного причинного обоснования побуждения следствием неосуществления побуждаемого явления.

Как и в других функциональных стилях, чаще всего обосновываются

реальное или предполагаемое<sup>2</sup> действие либо оценка.

При реализации всех этих значений активно употребляются причинные сложноподчиненные предложения: *Отсыпка грунтом помогает только на время, поскольку после дождей дорога снова приходит в негодность* (обосновывается реальное действие); *Пассажиры... должны иметь возможность избежать наказания, поскольку факт употребления опьяняющих препаратов водителем может быть им неизвестен* (обосновывается предполагаемое действие); *И это положительное явление, потому что только в таком виде они могут массово использоваться и передаваться дальше* (обосновывается оценка). Значительно реже используются бессоюзные сложные предложения: *Президент Владимир Путин пока не принял отставку Сергея Морозова – соответствующий указ еще не опубликован*; *Рост тарифов на услуги ЖКХ ужасающий: за два года суммы в жировках выросли на 83 %*.

#### 4.4. Функционально-коммуникативная характеристика

В прессе сообщение новостей обычно сопровождается их анализом. Поэтому одна из основных задач журналиста – объяснять значимые общественно-политические события, чем во многом определяется регулярное использование каузальных конструкций в газетной речи. Примеры:

*...в мире снижается роль Германии, это происходит из-за перемены баланса сил...; Но английские и американские брокеры продолжают ими торговать, потому что сейчас сплошь и рядом российские акции «сбрасываются» на биржах в Лондоне и Нью-Йорке; Глава правительства Мухиддин Яссин лишился своего поста уже в середине августа, поскольку подвергся масштабной критике в разгар яростной волны заражений.*

Нередко коммуникативная задача состоит в объяснении происшествий: *Он*

---

<sup>2</sup> Однако в текстах официально-делового стиля предполагаемое действие обосновывается сравнительно редко.

*не выбрал безопасную скорость (объяснение причины ДТП) и столкнулся с остановившимся впереди Renault Logan под управлением 43-летней женщины; Причиной приступа могли стать недостаток сахара или прохладная погода в российской столице.*

Как правило, значимым событиям в области политики, экономики, социальной сферы дается положительная или отрицательная оценка. Объяснение негативных событий чаще всего совмещается с критикой тех лиц (политиков, чиновников), по чьей вине они происходят. Коммуникативное задание в этих случаях заключается в том, чтобы, объясняя отрицательные явления, подвергать критике неправильные, с точки зрения журналиста, действия наделенных политической или административной властью лиц, работу руководимых ими институтов:

*Фактически страна работает в интересах внешних кредиторов, потому что главная расходная статья бюджета – не армия и война, а именно возвращение долгов; Колоссальной рекой золото уходило из России, потому что ЦБ отказался покупать золото, которое производила наша промышленность; В каждой школе есть ответственный по питанию, часто это те же учителя, которые не справляются с этой работой, потому что, как правило, не понимают, на что нужно смотреть при организации питания детей; Вот едешь по трассе. Хорошая трасса! Начинают ремонтировать! Или полотно снимают, которое абсолютно нормальное и может еще пару лет послужить, или бордюр начинают менять! Почему? Потому что подошли межремонтные сроки и требуется вложение денег дополнительных.*

Особое коммуникативное задание, связанное с критикой политических противников на международной арене, состоит в указании на наличие причинно-следственной связи между их враждебными действиями и вредом этих действий для них самих, а также для экономики третьих стран. Обычно данное задание реализуется в высказываниях с глаголом-предикатом *привести к чему-л.*: *Эмбарго также неминуемо приведет к росту цен; Политики западных стран предпочитают обвинить Россию в росте цен на газ, вместо того чтобы*

*признать свои ошибки, которые привели к нынешней ситуации на энергетическом рынке; Песков напомнил, что антироссийские санкции, связанные с транспортировкой продовольствия, привели к сокращению более чем на 40 % всех поставок.*

Объяснение положительных, по оценке журналиста, событий, напротив, подчинено коммуникативной задаче поддержки и пропаганды подходов и решений, ставших причиной этих событий: *Цены на нефть на внутреннем рынке опустились из-за частичных ограничений экспорта; Приняв жесткие меры карантина, правительство Корейской Народно-Демократической Республики добилось того, что на севере Корейского полуострова заболевших коронавирусом до сих пор не было зарегистрировано; Именно из-за разного подхода властей российские огурцы оказались дешевле украинских; Поддержка нашей партии достаточно высока и продолжает расти, потому что люди реально увидели в КПРФ единственную альтернативу...*

Характерным средством реализации этого коммуникативного задания выступает предлог *благодаря*:

*Благодаря введению новых мощностей растет экспорт фармпродукции, полимеров и древесных плит; Благодаря использованию МРП он увеличился за 7 лет на 57 с лишним процентов; Китай уверен, что под руководством лидеров двух стран и благодаря Договору уровень китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху станет только повышаться.*

Еще одно коммуникативное задание, реализуемое журналистом с использованием каузальных конструкций, – мотивировка предложений по улучшению положения дел в политике, экономике, социальной сфере. Нередко это задание реализуется последовательностью предложений в составе сверхфразового единства:

*Регистрационные процедуры, согласования – это то, что точно нужно ускорить в России. Потому что для строительных инвесторов время – это деньги; Этой работой нужно заниматься. Поскольку такие активы вывозились*



*за границу вопреки закону; Мы предлагаем посмотреть, как выстроены инновационные цепочки в оборонно-промышленном комплексе, и позаимствовать этот опыт. Ведь там эти цепочки хорошо работают, обеспечивая обороноспособность страны.*

### Выводы по четвертой главе

Проблематика исследований употребления каузальных средств в газетно-публицистических текстах характеризуется значительным разнообразием. Наряду с рассмотрением функционирования в текстах СМИ тех или иных каузальных конструкций изучается реализация причинно-следственных связей в строении целых речевых произведений, их фрагментов, а также тематических групп текстов. Материалом анализа являются тексты различных жанров на русском, английском, немецком языках, причем не только современные, но и относящиеся к предшествующим историческим периодам. Внимание авторов сосредоточено как на грамматических и стилистических особенностях использования каузальных средств, так и на связи причинности с оценочностью, на семантической организации предложения, логических отношениях в структуре дискурса. Однако систематический анализ реализации функционально-семантической категории причины в газетно-публицистической речи еще не проводился.

В этой речевой разновидности, как и в художественных текстах (см. главу 5), актуализируется бóльшая часть языковых средств рассматриваемой грамматической категории. При этом наиболее частотными являются конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями и сложноподчиненные предложения с придаточным причины. Значительно меньшей, тем не менее весьма высокой частотой употребления характеризуются предложения с глаголами-реляторами и другие конструкции с каузативным глаголом. Регулярно используются, кроме того, предложения с существительным-релятором *причина*, бессоюзные сложные предложения каузальной семантики и сложноподчиненные предложения с добавочным причинным значением. Другие каузальные средства встретились в исследованной выборке в единичных случаях.

Каузальные конструкции реализуют в газетно-публицистической речи преимущественно семантику прямой предметной причины (82 % случаев). Регулярно реализуются также значения прямого причинного обоснования

реального или предполагаемого действия и оценки. Другие значения актуализированы единично либо не представлены.

Выбор каузальных конструкций той или иной семантики определяется коммуникативными задачами, решаемыми журналистом. В широком кругу этих задач, реализуемых с использованием языковых средств функционально-семантической категории причины, был выявлен целый ряд типовых, регулярно проявляющихся коммуникативных намерений субъекта речи. Среди них: намерение объяснить важные общественно-политические события, а также происшествия; критиковать неправильные, по мнению журналиста, решения должностных лиц; в области международных отношений обличать враждебные действия политиков других государств как приносящие ущерб экономике собственных стран; поддерживать и пропагандировать такие подходы к решению общественно-политических проблем, которые дают положительные результаты; предлагать мотивировку своих предложений по улучшению ситуации в политической, экономической и социальной сферах.

## Глава 5. Функционирование каузальных конструкций в художественной речи

К числу важнейших факторов, определяющих речевую системность функциональных стилей, относятся, как известно, формы общественного сознания. Применительно к художественному стилю это положение может быть конкретизировано так: речевая ткань художественного текста выступает материальной формой *мира литературного произведения* – освоенной и преобразованной художественным сознанием действительности.

Наиболее крупные единицы мира произведения – «персонажи, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты. Мир включает в себя, далее... акты поведения персонажей, черты их наружности (портреты), явления психики, а также факты окружающего людей бытия...» [Хализев 2002, с. 195]. «Мир литературного произведения, – подчеркивает ученый, – вполне может быть назван содержанием по отношению к его композиционно-речевой (текстовой) оформленности» [Хализев 2002, с. 194].

Вводя в лингвостилистический анализ указанную категорию, мы можем предположить, что она позволит объяснить важные закономерности выбора и использования языковых единиц в художественном стиле речи, в частности казуальных средств.

Характеризуя особенности художественной речи, исследователи обычно отмечают, что в ней могут использоваться любые средства языка. Это верное положение не противоречит, однако, тому факту, что в художественном стиле, как и во всех других функциональных стилях, регулярно употребляются именно те лексические и грамматические единицы, которые отвечают актуальным задачам общения в соответствующей социокультурной области. В художественной сфере этими задачами являются «творение и восприятие поэтической “действительности”, раскрытие и познание жизненных сущностей через образную явленческую форму, формирование интеллектуально-эстетического отношения к жизни, “образование души”» [Васильева 1986, с. 11]. Другим сферам присущи

иные коммуникативные задачи (в составе целостных комплексов экстралингвистических факторов), а потому в них по-другому реализуется общий потенциал литературного языка: иначе осуществляются «выбор, повторение, размещение, комбинирование и трансформирование» языковых средств [Головин 1988, с. 25]. Все это, кстати, дает основание думать, что строение функционально-семантических категорий, в том числе категории причины, следует моделировать по данным не только художественной речи, но и всех основных речевых разновидностей.

Для того чтобы прояснить отношение созданных в лингвистике общезыковых моделей функционально-семантических категорий к составу и закономерностям употребления языковых средств этих категорий в художественных текстах, необходим специальный лингвостилистический анализ.

### 5.1. Обзор литературы

Функционирование каузальных конструкций в художественном стиле пока не было объектом специального систематизированного изучения, направленного на определение роли этих языковых средств в создании речевой системности указанного стиля (в отношении их отбора, частотности, семантики и прагматических особенностей). В известных нам работах обычно изучаются лишь отдельные каузальные средства (а не единицы функционально-семантической категории причины в целом), рассматривается роль этих средств в построении сверхфразовых единств, проводятся сопоставительные исследования эволюции употребления каузальных конструкций в разных языках. Кроме того, нередко анализ сосредоточен на своеобразии употребления языковых единиц со значением причины в текстах определенного автора или в отдельном художественном произведении.

Так, Т.С. Ветчинова [Ветчинова 2008] на материале русской лирики XIX–XX вв. показала, что в лирических стихотворениях причинные отношения выражаются не столько с помощью сложноподчиненного предложения причины,

сколько с помощью конструкций, в которых семантика обусловленности оформляется синкретично. Автором установлено, что активное употребление в лирике причинных сложноподчиненных предложений приходится на XX в., тогда как в прозе – на первую треть XIX в. Согласно данным Т.С. Ветчиновой, в языке лирики преобладают бессоюзные конструкции (65,5 %), которые противопоставлены союзному способу выражения семантики причины (34,5 %). Глубоко проанализирована экстралингвистическая детерминированность специфики употребления каузальных средств в текстах лирической поэзии: показано, что причинная обусловленность проявляется здесь как обусловленность мысли-эмоции, при этом логика поэтического мышления состоит в движении от эмоционального импульса к его обоснованию.

Исследование Н.М. Кулаковского [Кулаковский 2006] посвящено употреблению в художественных текстах вставных конструкций. Автор убедительно показывает, что они не только конкретизируют содержание основной части высказывания, но и выражают причинно-следственные связи. Выделены основные функциональные типы вставок с семантикой причины. Среди них: указание на причину действия или состояния, образа действия, выбора места действия, появления или восприятия определенного признака и др.

Н.М. Богданова [Богданова 2014] сосредоточила свое внимание на употреблении каузальных языковых средств в русской и английской художественной речи на сверхфразовом уровне. Автором показано, что союзы и союзные слова, используемые в причинном сложноподчиненном предложении, регулярно употребляются также в качестве средства межфразовой связи в составе рассуждения.

В диссертации И.С. Калятина [Калятин 2021] проведено сопоставительное исследование функционирования грамматических средств выражения причины в немецком, итальянском и русском языках на материале научных и художественных текстов XVIII и XXI вв. В отношении художественных текстов автор установил, что в XVIII в. во всех трех языках с помощью причинных придаточных предложений выражается семантика реальной и логической

причины. При этом выявлены различия между указанными языками в способах выражения – посредством союзов и различных оборотов – дополнительной и неизвестной причины, а также попутного замечания. Интересны наблюдения автора над эволюцией использования средств выражения причины, в частности, вывод о том, что «в художественном тексте XXI века... наблюдается утрата деепричастных оборотов, выражавших в аналогичном тексте XVIII века значение попутного замечания. Данное значение актуализируется в современном художественном тексте только при помощи причастных групп в русском языке. Значения противоположной и предполагаемой причин выявлены только в немецком языке в отличие от итальянского и русского языков» [Калятин 2021, с. 10].

Ряд работ рассматриваемой тематики посвящен не столько закономерностям функционирования каузальных средств в художественной сфере общения (в сопоставлении с другими сферами), сколько вопросам стилистики целого художественного текста или индивидуального стиля отдельного автора.

Е.Ю. Чернышова [Чернышова 1993] в своем диссертационном исследовании на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» выявляет различные способы воплощения категории причинности в художественном прозаическом тексте. Автор эксплицирует понятия «хордовой», «движительной» и «немаркированной» причины. Хордовая причина не имеет специальных средств выражения, она воплощается стилистической организацией целого текста. Движительные причины реализуются во фрагментах текста, способ их воплощения является полевым. В то же время немаркированные причины воплощаются линейно с использованием сложных предложений и сверхфразовых единств причинно-следственной семантики.

В статье С.Л. Михеевой [Михеева 2020] на материале повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» раскрывается роль имени прилагательного в формировании внутритекстовых причинно-следственных связей. Как показано в статье, семантика прилагательного, используемого в тексте, обнаруживает взаимопроникновение оценочного и каузального компонентов. Прилагательное не

только является одним из средств художественной выразительности и образной детализации, оно «имеет самое непосредственное отношение к формированию смысловых отношений, доминантными среди которых закономерно являются причинно-следственные отношения» [Михеева 2020, с. 22].

И.А. Чепикова [Чепикова 2023] посвятила свою работу анализу использования каузальных языковых средств в романе Е. Водолазкина «Брисбен». Описание исследователем состава и частоты реализации разнообразных синтаксических способов передачи причинно-следственных отношений служит характеристике индивидуального стиля писателя.

В статье А.А. Новиковой [Новикова 2012] анализируется функционирование сложноподчиненных предложений с придаточным причины в романе Н.С. Лескова «Соборяне». Отмечена высокая частота употребления предложений с союзом *ибо*, что обусловлено тематикой произведения. В романе описывается жизнь духовенства, представители которого используют слова возвышенной стилистической окраски не только в богослужении, но и в обыденной речи.

Г.А. Ермакова и А.Р. Губанов анализируют употребление союза *ибо* в отдельном поэтическом тексте [Ермакова, Губанов 2011]. Они раскрывают роль этого союза в выражении поэтической идеи стихотворения Н.Г. Айги «День – мир», в формировании «скрытого высказывания об эстетических истоках творчества поэта» [Там же, с. 220].

## **5.2. Представленность и грамматическая характеристика**

Состав и частота употребления единиц функционально-семантического поля причинности в художественном стиле отражены в Таблице 10.



Состав и частота употребления каузальных конструкций  
в художественной речи

| Каузальные конструкции                                                          | Кол-во<br>употр. | %    |
|---------------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Сложноподчиненные предложения с придаточным причины                             | 133              | 28,5 |
| Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием                                | 102              | 22   |
| Бессоюзные сложные предложения                                                  | 74               | 15,8 |
| Конструкции с каузативными глаголами                                            | 50               | 10,7 |
| Предложения с глаголами-реляторами                                              | 37               | 7,9  |
| Сложноподчиненные предложения, кроме предложений с придаточным причины          | 20               | 4,3  |
| Сложносочиненные предложения                                                    | 19               | 4,1  |
| Выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины      | 13               | 2,8  |
| Определения, осложненные добавочным причинным значением                         | 11               | 2,3  |
| Предложения с однородными глагольными сказуемыми                                | 5                | 1,1  |
| Предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстными синонимами | 3                | 0,5  |
| Всего                                                                           | 467              | 100  |

Как уже было сказано, в художественной речи могут использоваться любые языковые единицы, в том числе любые средства функционально-семантической категории причины. Однако в выборке весьма большого объема (100 случайных тысяч словоупотреблений) зафиксированы не все единицы рассматриваемой нами функционально-семантической категории. Некоторые же отмеченные языковые средства используются лишь эпизодически или в единичных случаях.

Согласно нашим данным, среди каузальных средств высокую частоту употребления имеют сложноподчиненные предложения с придаточным причины, конструкции с предложно-субстантивным сочетанием (частота употребления как тех, так и других выше ста), а также бессоюзные сложные предложения,

конструкции с каузативным глаголом, предложения с глаголами-реляторами, сложноподчиненные предложения с иными видами придаточных, имеющими добавочное причинное значение, сложносочиненные предложения, деепричастные обороты и определения с дополнительной каузальной семантикой (частота употребления выше десяти).

Регулярно употребляются, хоть и с невысокой частотой, предложения с однородными глагольными сказуемыми и предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстными синонимами. Между тем в качестве средств рассматриваемой функционально-семантической категории ни разу не встретились местоименно-соотносительные отождествительные предложения, местоименно-соотносительные вмещающие предложения, а также сложноподчиненные предложения с союзами *тем более что, тем паче что*. Как показывают исследования этой категории, данные грамматик и словарей, перечисленные языковые средства употребляются в художественной речи (см., например, Теремова 2017), однако мы видим, что происходит это редко.

В сложноподчиненных причинных предложениях, которые, как следует из показателей таблицы, характеризуются в художественной речи более высокой частотой употребления, чем другие средства выражения каузальных отношений, придаточная часть соединяется с главной частью союзами *потому что, поскольку, ибо, оттого что, так как, ведь, из-за того что*. Среди них активнее всего употребляется союз *потому что* (70 % от общего числа употреблений союзов причинной семантики).

Нужно отметить, что данный союз употребляется наиболее часто в разговорной речи (аналогичный показатель – 92 %). Возможно, влияние разговорной речи – один из факторов, увеличивающих частоту использования этого союза в художественных текстах. Как отмечает М.Н. Кожина, «художественная речь... близка по некоторым своим чертам устной и широко использует ее средства» [Кожина и др. 2025, с. 395]. Показательно в этом плане употребление сложноподчиненных предложений с союзом *потому что* в репликах персонажей:

– На морковке да на свекле со своей грядки возросла – вот и красная. Красная – это красивая. Так в старину говорили. Красная площадь в Москве – не от морковки же она красная... А потому что выстроена красиво (Распутин);

– Вы ведь не знаете, чем я занимаюсь. И не можете знать. И не должны.

– Это почему? – спросил Грег.

– Потому что речь идет о секретной тематике (Гранин).

Кроме союза *потому что* в изученных текстах активно используются союзы, характерные для книжной речи, – *поскольку* (14 употр.) и *ибо* (12 употр.): *Поскольку я здесь живу, приходится признать, что это очень реальная проблема* (Пелевин); *Никто им не поверил, поскольку все считали, что так они говорят от бессильной злобы* (Водолазкин). Примечательно, что союз *ибо*, имеющий архаическую окраску, высокочастотен лишь в религиозном стиле. В художественной же речи употребление этого союза связано с религиозной тематикой: *...семья... бежала от царя Ирода, посягавшего на жизнь новорожденного дитяти... ибо сказано было волхвами, что то царь Иудейский родился* (Айтматов); *Разве что только сам бог мог остановить и тех и других, гонимых и гонителей, ибо речь шла о жизни и смерти жаждущих здравствовать тварей* (Айтматов). Другие причинные союзы (*оттого что*, *так как*, *ведь*, *из-за того что*) используются редко, некоторые (*исходя из того что*, *в силу того что*, *благодаря тому что*) не встретились в нашем материале.

По сравнению с придаточными причины значительно менее частотны в художественной речи конструкции с предложно-субстантивным сочетанием (22 % от всех употреблений каузальных языковых средств). Чаще других используются предлоги *от* (57 % зафиксированных предлогов причинной семантики), *благодаря* (11 %) и *из-за* (9 %). Их относительно высокая частота употребления хорошо согласуется с эмоциональностью художественной речи.

Дело в том, что союз *от* чаще всего используется в сочетании с именем существительным, выражающим эмоциональное состояние человека. Например: *Не помня себя Мария выскочила из лодки и побежала по берегу, плача от потрясения и смейся от счастья* (Айтматов); *Рубчик сам присел от смеха*

*и стучал кулаком по земле (Прилепин).*

Употребление предлогов *благодаря* и *из-за* связано с выражением соответственно положительной и отрицательной оценочности: *Благодаря ему он продвигался, восходил (Гранин); Я постигал благодаря искусству этих певцов изначальную сущность храмового песнопения (Айтматов); Вдруг из-за пустяка повели себя как последние дикари (Распутин); Сначала Никита очень расстраивался из-за своей неспособности нормально высидеть лекцию (Пелевин).*

Лишь эпизодически при выражении причины (иногда в сочетании с другими обстоятельственными оттенками) встречаются предложно-падежные сочетания «за + вин. п.», «из + род. п.», «по + дат. п.», «с + тв. п.», «с + род. п.», «при + предл. п.», в том числе имеющие книжную окраску сочетания с отыменными предлогами «по причине + род. п.», «ввиду + род. п.», «в силу + род. п.», «в связи с + тв. п.».

Некоторые примеры: *За вину свою он ждал некой кары (Маканин); На первом курсе кто-то, понятно, что из зависти, посоветовал Веруне сбросить пару килограммов (Матвеева); Она уходила по беременности (Распутин); С началом войны оклады на военных предприятиях подскочили (Гранин); Копинаста едва не заболела с досады (Матвеева); При виде этого наши солдаты засмеялись и немецкие тоже (Гранин); Бакулина была в шестом классе прыщавой и страшно по этой причине страдала (Матвеева); Ввиду явного влечения ребенка к медали дядя ему в конце концов ее подарил (Водолазкин); В силу малого числа людей и взаимозаменяемости все они, в сущности, были аварийщики (Маканин); Отец Координатор прибыл на этот раз в связи с чрезвычайным происшествием (Айтматов).*

Сравнительно активно используется в художественной речи и бессоюзное сложное предложение (16 %). Здесь опять-таки наблюдается сближение художественной речи с разговорной, где бессоюзное сложное предложение является особенно характерным средством выражения каузальной семантики. Чаще всего бессоюзное сложное предложение со значением причины используется в речи персонажей:

– *Они же мусульмане, – сказал Иван, – вина пить не должны (Пелевин)* (Не

должны пить вина, потому что мусульмане).

– *Уж пожалуйста, ждем в восемь, а днем не можете?* – *А днем он не может, днем он в цеху.* (Маканин) (Днем он не может, потому что в это время он в цеху).

В художественных текстах при выражении причинных отношений часто употребляются и конструкции с каузативным глаголом: *заставить* (*заставлять*) *удивить*, *поразить*, *ошеломить*, *радовать*, *раздражать*, *мучить*, *задеть* (*задевать*) и др.

Примеры: *Симпатичное ее курносое лицо заставило меня сказать, что я думаю несколько иначе* (Гранин); *Тамару Ивановну эта мрачная обстановка удивила* (Распутин); *Отсюда, из окна вагона, картина эта поразила Саню* (Распутин); *Оглядевшись с порога по сторонам, Авдий чуть не вскрикнул – так ошеломило его зрелище, представшее его глазам* (Айтматов); И им он тоже был рад, все, что говорило о жизни, радовало его как никогда... (Айтматов); *Масленка в его руках звонко щелкала, и это раздражало Голубцова так же, как его беспечный голос* (Гранин); *Мания преследования мучила их* (Гранин); *И то, что он угадан и как бы даже с равнодушием угадан, задевает Михайлова* (Маканин).

Регулярно, хотя и нечасто (11 %) используются для выражения причины в художественных текстах предложения с глаголами-реляторами *вызвать* (*вызывать*), *привести* (*приводить*), *обусловить*, *связать*, *объясняться*, *причинить* (*причинять*) и нек. др. Нужно отметить, что во многих представленных в нашем материале примерах эти глаголы сочетаются с существительными, выражающими эмоциональное состояние. В этом проявляется одна из стилевых черт художественной речи – ее эмоциональность. Примеры: *Бурная его радость вызывала у Сергея недоверие* (Гранин); *Надо различать страх личный и страх коллективный. Последний приводил к панике* (Гранин); *Каждое прикосновение к земле причиняло боль* (Айтматов).

Как известно, среди языковых средств выражения причины имеются такие языковые единицы, которые совмещают в себе каузальное значение с каким-либо другим значением (обычно временным, определительным, сравнительным).

Таковыми, в частности, являются сложноподчиненные предложения с

– союзным словом *который*: *Но мы не можем брать человека, который не имеет педагогического образования и не знает предмета* (Иванов).

Определительное значение совмещается здесь со значением причины: мы не можем брать человека потому, что он не имеет педагогического образования и не знает предмета,

– союзом *когда*: *Когда он отказался покаяться в ереси новомыслия, чины епархии изгнали его из духовной семинарии* (Айтматов). Совмещено временное и причинное значение: изгнали из духовной семинарии, потому что отказался покаяться в ереси,

– союзом *чем... тем...*: *Чем больше я живу на свете, тем больше убеждаюсь в благодати Божией, в беспредельной его милости к нам* (Айтматов). Семантика пропорционального сопоставления совмещается с причинной семантикой: убежденность в благодати Божией причинно связана с жизненным опытом.

Заметно реже при выражении каузальной семантики используется сложносочиненное предложение (4 %) с соединительным союзом *и*, противительными союзами *а то* и *иначе*. Отметим, что предложения с союзом *и* выражают предметную причину, а предложения с союзами *а то* и *иначе* – причинное обоснование. Например: *Поскользнулся на крови и тоже упал на грудь Танегу* (Иванов); *Иди, звони сейчас же ему, а то он умрет скоро, он уже старенький* (Прилепин); *И все-таки их шкуры согревали его, а иначе ему пришлось бы худо* (Айтматов).

Другие средства выражения причинных отношений используются менее регулярно.

### 5.3. Семантическая характеристика

Как показал анализ материала, семантическая классификация каузальных конструкций, представленная в научной литературе [Русская грамматика 1980; Термова 2017], отражает специфику их употребления именно в художественной речи. Это неудивительно: классификации в грамматике строятся в основном или

даже исключительно на материале художественной речи. Между тем, как уже подчеркивалось, грамматический строй функционирующего языка по-разному модифицируется в разных сферах общения. Очевидно, что по возможности полную и точную семантическую классификацию каузальных конструкций в русском литературном языке мы получим лишь в том случае, если данные художественного стиля (часто представляемые как отображение системы языка в целом) будут дополнены данными других функциональных стилей. Конечно, художественная речь реализует систему языка полнее, чем другие речевые разновидности, однако, как следует из нашего анализа, не исчерпывает ее на семантическом уровне.

Нужно учитывать, что, как показали уже представители Пражской лингвистической школы, сущностными характеристиками единиц языка являются не только качественные, но и количественные их признаки. Поэтому важно не только выделить те или иные семантические разряды языковых средств, но и установить, насколько регулярно они употребляются в текстах.

Обратимся к разделению средств выражения причинных отношений на зоны предметной причины и причинного обоснования (Таблица 11).

Таблица 11

### Распределение каузальных конструкций

между двумя основными семантическими зонами в художественной речи

| Семантический разряд        | Кол-во<br>употр. | %   |
|-----------------------------|------------------|-----|
| Зона предметной причины     | 402              | 86  |
| Зона причинного обоснования | 65               | 14  |
| Всего                       | 467              | 100 |

Как видно из таблицы, в художественных текстах языковые единицы с семантикой предметной причины используются значительно чаще, чем единицы со значением причинного обоснования (соответственно 86 % и 14 %).

В зоне предметной причины различаются два семантических разряда языковых средств – средства, выражающие основную или же неосновную предметную причину [Теремова 2017].

Языковые единицы первого разряда используются в художественной речи очень часто (401 употребление). Ими являются все языковые средства, представленные в табл. 10. При этом активнее всего употребляются конструкции с предложно-субстантивным сочетанием и сложноподчиненные предложения с придаточным причины (соответственно 25 % и 24 % употреблений языковых средств этого семантического разряда): *От перепуга я выронил телефон* (Прилепин). *Он до самого города ходит пешком, потому что во время войны машины были редки* (Искандер). Реже используются бессоюзные сложные предложения – 15% (*Сын распрощался с ним легко, мальчик был захвачен предстоящим путешествием.* – Д. Гранин) и конструкции с каузативным глаголом – 13% (*Меня слегка раздражало его безмятежное безделье.* – Искандер).

Другие языковые единицы (предложения с глаголами-реляторами; сложноподчиненные предложения с добавочным каузальным значением; выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины; определения, осложненные причинным значением; сложносочиненные предложения изучаемой семантики) используются менее регулярно. В тоже время предложения с однородными глагольными сказуемыми, выражающие каузальные отношения, и предложения с существительным-релятором «причина» представлены в наших материалах единичными примерами.

Что касается значения неосновной предметной причины, то в выборке объемом 100 тыс. словоупотреблений отмечен лишь один случай его реализации: *Позвонить домой она не могла, чтобы не навести на след, да и боялась, что не выдержит, услышав их голоса* (Гранин).

Рассмотрим теперь языковые средства, относящиеся к зоне причинного обоснования (Таблица 12).

В описании Р.М. Теремовой функционально-семантической категории причины эта зона представлена десятью микрополями. Интересно отметить, что в



выборке весьма большого объема реализованы не все эти микрополя. Отсутствуют конструкции со значением «косвенного причинного обоснования оценки следствием осуществления оцениваемого явления» и «косвенного причинного обоснования оценки следствием неосуществления оцениваемого явления». (Об этих конструкциях см.: [Теримова 2017, с. 77, 80]).

Из наших данных следует, что в зоне причинного обоснования конструкции с семантикой прямого обоснования используются значительно чаще, чем косвенного (соответственно 85 % и 15 %).

Регулярно употребляются конструкции со значением:

– прямого причинного обоснования оценки: *Мы, лисы, счастливые существа, поскольку у нас короткая память* (Пелевин); *Бывшая жена считала это пьянство показным, поскольку протекало оно преимущественно на виду у тех, кто мог Ирине о нем рассказать* (Водолазкин);

– прямого причинного обоснования предполагаемого действия: *Операция дорогая, надо сделать у частных стоматологов, потому что передние зубы для девушки – тут нельзя скупиться* (Гранин); *Я все равно пытаюсь их понять и мучаюсь, что нельзя спросить у мамы или папы, ведь мне никто не разрешал совать нос в чужой мешок* (Матвеева);

– прямого причинного обоснования реального действия: *Сева тоже держит веревку, но ниже, он там уже ничем не управляет... Это потому, что всякий раз, когда вести машину берется Сева, она тут же пикирует вниз и бессильно ложится на водную гладь* (Водолазкин); *Я подозреваю, что он не сам написал стихотворение, а заказал его поэту Кузмину, поскольку после революции ко мне несколько раз приходили накокаиненные пидоры из чрезвычайки и искали какие-то брильянты* (Пелевин).

Таблица 12

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования  
в художественной речи

| Семантический разряд                                                                          | Кол-во<br>употр. | %    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Прямое причинное обоснование оценки                                                           | 18               | 27,7 |
| Прямое причинное обоснование предполагаемого действия                                         | 16               | 24,6 |
| Прямое причинное обоснование реального действия                                               | 14               | 21,5 |
| Прямое причинное обоснование побуждения                                                       | 7                | 10,8 |
| Косвенное причинное обоснование предполагаемого действия<br>следствием его неосуществления    | 4                | 6,2  |
| Косвенное причинное обоснование реального действия следствием<br>его неосуществления          | 3                | 4,6  |
| Косвенное причинное обоснование побуждения следствием<br>неосуществления побуждаемого явления | 2                | 3,1  |
| Косвенное причинное обоснование действия следствием его<br>осуществления                      | 1                | 1,5  |
| Всего                                                                                         | 65               | 100  |

Другие семантические разряды реализуются значительно реже. Заметим, что при выражении значения причинного обоснования побуждения употребляются сложносочиненные предложения с союзом *а то* и бессоюзные сложные предложения: *Иди, звони сейчас же ему, а то он умрет скоро, он уже старенький* (Прилепин); *Срочно выезжай, Вера в больнице, дети одни* (Распутин).

Как показывает наш материал, косвенное причинное обоснование встречается в художественных текстах весьма редко. Оно осуществляется с использованием сложноподчиненных предложений с придаточным причины, а также сложносочиненных предложений с союзами *иначе* и *а то*. Примеры: *По-видимому, он говорил из автомата, потому что пискнул сигнал конца разговора* (Гранин); *Теперь предстояло внятно объяснить такую возможность*

*уму, потому что без его помощи разъезжать по физическому миру довольно сложно (Пелевин); Нет, неужели она забыла Иванова? Явно не помнит, иначе кивнула, поздоровалась бы (Белов); Переобуйся, Буратино – сапоги тебе дадим резиновые, а то туфли попортишь (Пелевин).*

#### **5.4. Функционально-коммуникативная характеристика**

Выше мы высказали предположение, что организация художественной речи во многом определяется воплощаемыми в ней единицами мира произведения. Это относится и к функционированию каузальных языковых средств.

Проведенный анализ подтвердил эту гипотезу. Действительно, в нашем материале наиболее частотны те каузальные средства, которые 1) объясняют переживания персонажей (эмоции, чувства, эмоциональные состояния), 2) мысли, желания, надежды, 3) отношение человека к другим людям или же к определенным предметам, 4) представляют эмоциональную реакцию персонажа на что-либо; 5) раскрывают причину тех или иных действий, поступков персонажа.

Разумеется, состав коммуникативных заданий, реализуемых в художественном тексте (в том числе с использованием каузальных конструкций), очень широк и едва ли поддается исчерпывающему описанию. Мы указываем лишь на наиболее характерные коммуникативные задания, непосредственно связанные с «единицами» мира произведения. Отметим, что на их долю приходится почти половина всех рассматриваемых высказываний.

Приведем типичные примеры:

*1) Но и этого он боялся, потому что знал, как тяжело будет потом...(Айтматов); Я, честно говоря, поразился – потому что ждал чего-то карикатурного, типа Аркадия Райкина (Пелевин); И отчасти продолжал мучиться, потому что тому, другому человеку делалось все хуже (Маканин); Тоска оттого, что вот еще одна прекрасная весна уходит (Гранин); Бабушка заахала, потерялась: и здесь парнишка на ее руках, и там неизвестно что*

(Распутин); Плачу я не от страха – от избытка чувств. От восхищения мужеством и великой славой этих людей, от того, что так величественно они проплывают мимо замершей толпы под колокольный звон (Водолазкин); Она терялась от мысли, что она совершенно себя не знает (Распутин);

2) Бывшая жена считала это пьянство показным, поскольку протекало оно преимущественно на виду у тех, кто мог Ирине о нем рассказать (Водолазкин); Романов не считал, что изменяет супруге, потому что Антонина Федоровна давно отменила интимные отношения – без слов объяснила, что считает себя для этого слишком старой (Матвеева); Саша выразил надежду на то, что тучи разойдутся, потому что если будет ливень, то с отца смоем грим (Водолазкин); Еретик Авдий Каллистратов надеялся, что рано или поздно судьба предоставит ему возможность приоткрыть людям суть своих умозаключений, ибо, как он полагал, все идет к тому, что людям и самим захочется узнать о своих отношениях с Богом в постиндустриальную эпоху, когда могущество человека достигнет наикритической фазы (Айтматов);

3) Почему они так относились к нам, да и относятся до сих пор? Потому что этого добра им всегда хватает (Гранин); Веруня в детстве глубоко презирала конфеты-батончики и соевый шоколад «Пальма», потому что ей перепали чешские пралине и обожаемая «Ночка», сладко таявшая во рту (Матвеева); Михайлов сказал, что женат и что дети, и тут уже есть доверие, поскольку вообразить, что у Алевтины цель и что она из тебя хочет что-то выудить или чем-то заарканить, невозможно – хочешь, приди, не хочешь, как хочешь (Маканин); Я ничего против не имел, потому что мое шахматное мастерство нечувствительно к таким незначительным преимуществам (Искандер);

4) Все вызывало у нее радостное удивление (Гранин); Все было правильно, и все вызывало у Погосова неприязнь (Гранин); Бурная его радость вызывала у Сергея недоверие (Гранин); Слова о патриотизме вызывали у нее ярость (Гранин);

5) Поскольку зелен был еще и нетерпелив, не выдержал требуемую

*приличием паузу в беседе и сразу выложил свой козырь (Айтматов); И если я только что назвал себя словом «дух», то потому лишь, что в русском языке нет более подходящего для меня обозначения (Пелевин); Саша спешил, потому что в село нужно было успеть к определенному времени (Водолазкин); Я закрыл глаза, потому что сверху и сбоку меня заливала вода (Прилепин); Сперва он вынудил меня сесть за стол, поскольку самовар уже булькал у шестка, словно разгулявшийся весенний тетерев (Белов); Та однажды попросила Веру с Бакулиной сбегать к ней домой – надо было срочно доставить в школу какую-то книжку (Матвеева); Утром, так и не приклонившись к подушке, она подняла Анатолия рано: надо было что-то делать (Распутин).*

Указанные коммуникативные задания, как уже было сказано, реализуются почти в половине употреблений в художественной речи высказываний, содержащих каузальные конструкции. В других случаях коммуникативные задания не связаны столь явно с категориями мира произведения.

Анализ материала показал, что реализация коммуникативных заданий 1), 4), 5) предполагает использование только языковых средств с контекстной семантикой предметной причины: 1) *Но и этого он боялся, потому что знал, как тяжело будет потом...* (Айтматов); 4) *Все вызывало у нее радостное удивление* (Гранин); 5) *Поскольку зелен был еще и нетерпелив, не выдержал требуемую приличием паузу в беседе и сразу выложил свой козырь* (Айтматов).

В то же время актуализация заданий 2) и 3) осуществляется с использованием каузальных средств, имеющих контекстное значение как предметной причины:

2) *Саша выразил надежду на то, что тучи разойдутся, потому что если будет ливень, то с отца смоем грим* (Водолазкин); 3) *Веруня в детстве глубоко презирала конфеты-батончики и соевый шоколад «Пальма», потому что ей перепали чешские пралине и обожжаемая «Ночка», сладко таявшая во рту* (Матвеева),

так и причинного обоснования: 2) *Бывшая жена считала это пьянство показным, поскольку протекало оно преимущественно на виду у тех, кто мог*

*Ирине о нем рассказать (Водолазкин); 3) Михайлов сказал, что женат и что дети, и тут уже есть доверие, поскольку вообразить, что у Алевтины цель и что она из тебя хочет что-то выудить или чем-то заарканить, невозможно – хочешь, приди, не хочешь, как хочешь (Маканин).*

Интересно отметить, что сложноподчиненные предложения с придаточным причины используются при реализации всех указанных коммуникативных заданий. Причем при реализации заданий 2) и 3) отмечены только эти предложения, а при реализации задания 5) они численно преобладают над другими средствами выражения каузальных отношений. В то же время предложно-субстантивные сочетания каузальной семантики являются наиболее частотным средством актуализации коммуникативного задания 1), используются они и при реализации задания 5). Предложения с глаголами-реляторами употребляются исключительно при реализации задания 4). Между тем бессоюзные сложные предложения и сложносочиненные предложения каузальной семантики зафиксированы при реализации лишь заданий 1) и 5), причем с невысокой частотой употребления.

### Выводы по пятой главе

Исследователи лингвистических особенностей художественной речи нередко обращаются к каузальным языковым средствам. Однако своеобразие использования этих средств в связи с базовыми содержательными характеристиками художественного текста – единицами мира произведения – сколько-нибудь целенаправленно не изучалось.

Изучена представленность каузальных языковых средств в художественной речи. Наиболее частотными здесь являются сложноподчиненные предложения с придаточным причины, весьма частотны также конструкции с предложно-субстантивным сочетанием и бессоюзные сложные предложения. Значительно реже используются конструкции с каузативным глаголом, предложения с глаголами-реляторами, сложноподчиненные предложения с добавочным причинным значением и сложносочиненные предложения каузальной семантики. Другие языковые средства рассматриваемой функционально-семантической категории имеют невысокую частоту употребления.

Семантический анализ изучаемых конструкций показал, что в художественной речи языковые единицы, имеющие семантику предметной причины, используются намного чаще, чем единицы с семантикой причинного обоснования. При этом, как правило, реализуется значение основной предметной причины. (Значение неосновной предметной причины отмечается лишь единично).

В зоне прямого причинного обоснования наиболее регулярно реализуется семантика обоснования оценки, а также предполагаемого и реального действия, значительно реже реализуется значение обоснования побуждения. Зона косвенного причинного обоснования представлена небольшим числом употреблений каузальных конструкций.

Существующие описания каузальных конструкций в русском языке отражают функционирование этих языковых средств главным образом в

художественной речи. Как видно из анализа материала в других главах работы, «общезыковая» семантическая классификация (в действительности классификация каузальных средств в художественной речи) не накладывается на особенности функционирования этих средств в текстах других функциональных стилей.

В художественной речи выбор и употребление каузальных конструкций в большой степени определяются составом характерных для нее коммуникативных заданий. Эти задания во многом обусловлены единицами мира произведения. Так, высказывания с изучаемыми каузальными средствами объясняют переживания персонажей, их мысли и желания, выражают отношение человека к другим людям, а также предметам, представляют эмоциональную реакцию персонажа на те или иные события, раскрывают причину тех или иных действий героя.

От состава регулярно реализуемых в художественных текстах коммуникативных заданий в значительной мере зависит представленность здесь разных групп грамматических единиц (сложноподчиненных причинных предложений, предложно-именных конструкций и др.) и контекстных семантических особенностей образующих эти группы единиц.



## **Глава 6. Функционирование каузальных конструкций в церковно-религиозной речи**

### **6.1. Обзор литературы**

В российской лингвистике церковно-религиозный стиль начал изучаться значительно позже, чем другие функциональные стили, – лишь с 1990-х гг. К настоящему времени исследователями осмыслены особенности религиозного сознания и религиозной деятельности как экстралингвистическая основа этого функционального стиля, изучены конструктивные принципы его организации, а также общие закономерности выбора и использования разноуровневых языковых единиц [Крысин 1996; Прохватилова 1999; Крылова 2000; Карасик 2002; Ицкович 2016; Купина, Матвеева 2024; Кожина, Дускаева, Салимовский 2025; Герман 2021; Келер 2021]. Однако употребление системы грамматических единиц в текстах религиозного стиля, в том числе каузальных средств, пока не было объектом специального рассмотрения. Между тем, как уже подчеркивалось, исследование любой грамматической категории в функционирующем языке предполагает охват всех его основных речевых разновидностей, включая религиозный стиль. Такой подход к языку позволяет выйти на фундаментальную проблему изучения закономерностей его употребления в реальной коммуникации социума.

### **6.2. Представленность и общая характеристика**

Состав и частота употребления этих единиц в религиозных текстах показаны в Таблице 13.

Как видно из таблицы, церковно-религиозный стиль, подобно другим функциональным стилям, накладывает ограничение на использование каузальных конструкций: регулярно употребляются только те из них, которые необходимы для реализации цели и задач религиозного общения. Другие средства, имеющие каузальную семантику, если и используются, то в единичных случаях.

Состав и частота употребления каузальных средств  
в церковно-религиозной речи

| Каузальные конструкции                                                          | Кол-во<br>употр. | %    |
|---------------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Сложноподчиненные предложения с придаточным причины                             | 371              | 81,9 |
| Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием                                | 33               | 7,3  |
| Предложения с глаголами-реляторами                                              | 14               | 3,1  |
| Сложноподчиненные предложения, кроме предложений с придаточным причины          | 8                | 1,8  |
| Сложносочиненные предложения                                                    | 7                | 1,5  |
| Конструкции с каузативным глаголом                                              | 6                | 1,3  |
| Бессоюзные сложные предложения                                                  | 5                | 1,1  |
| Выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины      | 5                | 1,1  |
| Определения, осложненные добавочным причинным значением                         | 3                | 0,7  |
| Предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстными синонимами | 1                | 0,2  |
| Всего                                                                           | 453              | 100  |

Основным средством выражения причинных отношений выступают здесь сложноподчиненные предложения с придаточным причины, характеризующиеся повышенной частотой употребления. Показатель их частотности (371 употребление) значительно выше, чем в текстах других речевых разновидностей – художественных (133), газетно-публицистических (121), разговорно-обиходных (96), научных (93), официально-деловых (45). При этом конструкции с предложно-субстантивным сочетанием востребованы в религиозной речи в значительно меньшей мере (только 33 употребления), чем в официально-деловой (144), газетной (139), научной (137) и художественной (102). Лишь в разговорной речи они используются еще более редко (25), чем в религиозной. Мы видим, что в религиозном общении из двух наиболее распространенных в русском языке

способов выражения причинной семантики – использования придаточного причины или предложно-субстантивного сочетания – обычно выбирается первый: проповедник чаще всего выражает пропозицию предложением, не прибегая к его преобразованию в номинативную конструкцию.

Примеры: *Мы уже не можем молиться... потому что у нас посторонние мысли, а наше сердце – суетное и тщеславное* (Мень); *Человек, познавший Христа, не может против Него враждовать, ибо ничего прекраснее Христа вообразить себе нельзя* (Смирнов).

В сложноподчиненных предложениях чаще всего используются союзы недифференцированного типа: *потому что* (68 % употреблений союзов причинной семантики) и *ибо* (27 %). Что же касается других союзов этого типа – *поскольку, так как, ведь*, то они употребляются в религиозных текстах весьма редко.

Из числа союзов дифференцирующей семантики в текстах рассматриваемой речевой разновидности эпизодически используются союзы *оттого что; из-за того что*: *Эта неистинность в нас происходит оттого, что, как сказал пророк Давид, всяк человек ложь* (Кречетов); *У нас очень... тяжелые бывают отношения на работе из-за того, что нет у нас самопожертвования* (Смирнов).

Нужно обратить внимание на высокую частотность в церковно-религиозных текстах союза *ибо* (102 употребления), многократно превышающую частоту его использования в других речевых разновидностях (см. табл. 20 на с. 131). Объясняется это книжной стилистической окраской данного союза, соответствующей архаически-возвышенной тональности церковно-религиозного стиля речи как одной из основных его черт [Кожина, Дускаева, Салимовский 2025].

Характерные примеры: *Перед лицом Божиим мы оказываемся несостоятельными, ибо Господь есть любовь, излитая на нас* (Мень); *И в окружении святых икон... ощутить мир в душе... ибо здесь, в Доме Божием, надлежит нам быть* (Нечаев).

Значительно реже, чем причинные сложноподчиненные предложения,

используются предложения с каузальными предложно-именными конструкциями. При этом активно употребляются предлоги *от, по, из-за, в силу, из, благодаря*. Например: *...их должны были казнить: прибить к этим бревнам-крестам и оставить умирать от жажды и потери крови (Мень); По своей гордости человек не желает вслушаться, всмотреться в мир человечески (Ермаков); Я пришел в этот прекрасный, созданный Мною мир, который из-за ваших грехов, из-за сатанинского воздействия омрачен (Мень); Сегодняшняя евангельская притча переносит нас в тот мир, в котором был Спаситель, мир людей, похожих на нас с вами, даже может показаться, что людей, в чем-то даже уступающих нам в силу своей простоты, непосредственности и конкретности своего восприятия мира и близких (Митрофанов); Мы знаем, что в жизни очень часто творим добро именно из желания быть справедливыми (Митрофанов); Мы благодаря этому милосердию, собственно, и живы (Митрофанов).*

Регулярно используются в анализируемых текстах и предложения с глаголами-реляторами *вызвать (вызывать), привести (приводить), вести, причинить (причинять)*, с кратким страдательным причастием *обусловлен*: *Гибель этого стада свиней вызывает неудовольствие жителей этой страны (Митрофанов); Отход от Бога приводит к халтуре (Смирнов); Неисполнение малых обязанностей ведет к неисполнению серьезных (Ермаков); Каждый наш грех причиняет Ему такую же боль, как Ему причинял терновый венец на Его голове и гвозди в Его теле (Митрофанов); Наоборот, очень часто подобного рода отношения, по существу, обусловлены нашим вполне естественным желанием облегчить свою жизнь, то есть желанием произвести лучшее впечатление, заручиться расположением и так далее (Митрофанов).*

Другие каузальные конструкции (сложноподчиненные предложения с добавочным причинным значением; сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения; конструкции с каузативным глаголом; выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины; определения, осложненные добавочным причинным значением; а также предложения с существительным-релятором «причина») используются в рассматриваемой

речевой разновидности лишь эпизодически.

### 6.3. Семантическая характеристика

Обратимся к традиционному разделению каузальных конструкций на два семантических разряда – предметной причины и причинного обоснования. Количественное соотношение реализации в религиозной речи этих семантических разрядов языковых средств показано в Таблице 14.

В первой зоне каузальные конструкции имеют семантику основной предметной причины.

Таблица 14

Распределение каузальных конструкций между двумя основными семантическими зонами в церковно-религиозной речи

| Семантический разряд        | Кол-во<br>употр. | %   |
|-----------------------------|------------------|-----|
| Зона предметной причины     | 314              | 69  |
| Зона причинного обоснования | 139              | 31  |
| Всего                       | 453              | 100 |

В реализации этой семантики участвуют разные каузальные средства: сложноподчиненные предложения с придаточным причины (*Но вся наша жизнь расстраивается и ничего духовного у нас не получается, потому что нет благодати.* – Смирнов), конструкции с предложно-субстантивным сочетанием (*Я умер за вас, Я пришел в этот прекрасный, созданный Мною мир, который из-за ваших грехов, из-за сатанинского воздействия омрачен.* – Мень), предложения с глаголами-реляторами (*Гонение привело к распространению веры.* – Мень), сложносочиненные предложения (*Господь видел их будущее, и слезы были у Него на глазах.* – Мень), конструкции с каузативным глаголом (*Симон «изумлял» народ своими волхованиями.* – Резников), бессоюзные сложные предложения (*Из тебя монаха не получится: послушания нет.* – Кречетов), выраженные деепричастиями

обособленные обстоятельства со значением причины (*Этот трусливый властолюбец испугался, увидев в этом младенце того, кто... отнимет у него власть...* – Ермаков), определения, осложненные добавочным причинным значением (*И душа человека, не имеющая духовного зрения, не может узреть Бога.* – Смирнов) и др.

В то же время семантика неосновной предметной причины нехарактерна для изучаемых текстов. (Языковые средства с этим значением не встретились в нашей выборке).

Что касается причинного обоснования, то многообразие его видов присуще главным образом художественной речи, которая, как известно, наиболее полно воплощает лексический и грамматический потенциал языка. Между тем это многообразие не представлено в церковно-религиозной речи в полном объеме. Здесь, как правило, реализуется:

– прямое причинное обоснование оценки: *И тогда зло бессильно, потому что нас хранит сила Благодати Господней* (Ермаков); *Много было предателей, но страшнее всех Иуда, потому что был в сонме учеников, вокруг Солнца правды* (Резников);

– прямое причинное обоснование реального действия: *Каждый претерпевший скорбь получает от Бога венец, ибо сказано...* (Смирнов); *Но, вкусив их, мы свою душу не спасем, потому что невозможно спасти душу никакой пищей, даже освященной* (Смирнов);

– прямое причинное обоснование предполагаемого действия: *Глубоковерующий человек не может забыть о молитве, ибо она нужна ему как воздух* (Ермаков); *Эта сила должна была бы и нас отбросить от порога храма, ибо и мы недостойны войти туда по своим грехам* (Мень);

– прямое причинное обоснование побуждения: *Так и Иоанн Креститель без конца повторяет: «Покайтесь, исправьтесь, приведите себя в должный вид, ибо Господь приблизился»* (Резников); *Он сказал: «Закхей, поторопись слезть. Потому что Я к тебе сейчас приду в дом»* (Питирим).

Все эти семантические разряды представлены значительным числом

контекстов. Реализация же семантики косвенного причинного обоснования не типична для церковно-религиозной речи: конструкции с этой семантикой представлены в нашей выборке лишь немногими случаями. Примеры: *Но Бог ответил ему: Вспомним и о тех людях, оставшихся безвестными, которые, по-видимому, приютили это бедное семейство, ибо когда пришли волхвы поклониться, они застали их уже в некоем доме* (Питирим); *Нас все-таки касалась благодать Божия, хоть отблеском, но мы обязательно познали ее, иначе мы бы здесь не были* (Смирнов). Количественное соотношение каузальных средств, реализующих разные типы причинного обоснования, представлено в Таблице 15.

Таблица 15

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования  
в церковно-религиозной речи

| Семантический разряд                                                              | Кол-во<br>употр. | %    |
|-----------------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Прямое причинное обоснование оценки                                               | 55               | 39,9 |
| Прямое причинное обоснование реального действия                                   | 33               | 23,9 |
| Прямое причинное обоснование предполагаемого действия                             | 25               | 17,4 |
| Прямое причинное обоснование побуждения                                           | 21               | 15,2 |
| Косвенное причинное обоснование действия следствием его осуществления             | 3                | 2,2  |
| Косвенное причинное обоснование реального действия следствием его неосуществления | 2                | 1,4  |
| Всего                                                                             | 139              | 100  |

Конструкции с семантикой причинного обоснования представлены главным образом сложноподчиненными предложениями с придаточным причины. Лишь в редких случаях используются бессоюзные сложные предложения: *Мы, русские, очень духовные люди и понимаем праздники святые: ведь в этот день всегда было принято выпускать птичек на волю, не трудиться, чтить праздник* (Ермаков).

Встречаются также предложения с семантикой косвенного причинного обоснования реального действия следствием его неосуществления. Обычно в них

используется союз *иначе*: *Однако и после своей смерти человек продолжает чаять, продолжает искать Бога... иначе бы не имели никакого смысла наши заупокойные молитвы* (Митрофанов).

#### 6.4. Функционально-коммуникативная характеристика

В проповеднической речи священник реализует устойчивый состав коммуникативных заданий. Они актуализируются самыми разными языковыми средствами, в том числе каузальными конструкциями.

У высказываний с этими конструкциями нами были выявлены следующие коммуникативные задания:

1. Объяснение отрицательных поступков человека отсутствием у него глубокой веры: *А мы стоим... и вода нам кажется горькой, ибо нет у нас силы веры, которая бы превратила эту воду из горькой в живую* (Мень); *Чаще (он) просто забывает, ибо молитва не стала его внутренней, душевной потребностью* (Ермаков); *Мы уже не можем молиться, не можем открыть Священное Писание, потому что у нас посторонние мысли* (Мень).

2. Во многих случаях речь идет не о конкретных поступках человека, а о его несостоятельности как греховного существа: *Откуда болячки? От греха. Откуда потери близких? От греха. Откуда тюрьмы, лагеря? От греха* (Ермаков); *И мы знаем, как много страшного и горького произошло с людьми именно потому, что они отвернулись от истинного пути* (Мень).

3. Объяснение смысла религиозной истины: *Господь ждет смирения и покаяния, потому что покаяние – это акт свободной воли человека, это его суд над самим собой* (Смирнов); *Цель Господня – не наше земное благополучие, поскольку оно временное* (Смирнов).

4. Нередко толкуется смысл религиозной притчи: *Каждый раз в преддверии Великого поста мы вновь и вновь повторяем в евангельском чтении притчу о блудном сыне, потому что эта притча о Боге и человеке, притча о нашем отношении к нашему Небесному Отцу и друг к другу, притча о том, как Сам*



*Господь относится к нам, грешным, падающим людям (Мень); Когда мы говорим: «Не спасусь, не годен, не годна, нет надежды», – вспомните, что есть Тот, Кто нас ждет, всегда ждет, потому что мы все Его дети (Мень).*

5. Зачастую указание на религиозную истину является обоснованием призыва к праведным действиям: *Будем же помнить об этом, дорогие братья и сестры, и просить Царицу Небесную быть нашей доброй Домостроительницей, ибо Она готова и ждет (Питирим); И во всем этом есть у нас надежное слово Божие, которое говорит: «Не бойся, малое стадо, ибо Господь даровал вам царство» (Питирим).*

6. Обоснование того или иного утверждения проповедника ссылкой на религиозную истину: *Когда же приходят в храмы православные... то все благолепие храма, вся его красота... свидетельствует именно истинную веру, потому что Господь сотворил мир прекрасным (Кречетов); Мы единственные имеем право называться Божиими чадами, потому что мы созданы по Его образу и подобию (Мень).*

Анализ продемонстрировал явную связь между актуализируемыми типовыми коммуникативными заданиями и семантикой каузальных средств. Так, коммуникативные задания, предполагающие объяснение чего-либо, почти всегда реализуют семантику основной предметной причины, тогда как задания, состоящие в обосновании чего-либо (определенного утверждения проповедника, призыва), соответственно, семантику обоснования.

Например, объясняя смысл религиозной истины, проповедник использует сложноподчиненное предложение с семантикой основной предметной причины: *Он дает нам полную свободу, потому что Ему не нужны бессмысленные рабы (Смирнов).* Объясняя отрицательные поступки человека, священник употребляет предложно-субстантивные сочетания этой же семантики: *По своей гордости человек не желает вслушаться, всмотреться в мир (Ермаков).* Между тем при обосновании призыва к праведной жизни используются причинные придаточные соответствующей семантики – обоснования побуждения: *Об этом мы поем в пасхальных песнопениях: «Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дево, радуйся! И*

*наки реку: радуйся! – ибо Сын Твой воскрес тридневен от гроба» (Питирим); И наше дело услышать, наше дело отозваться на этот стук, потому что Господь пришел спасти, одухотворить и изменить жизнь не только всех, но и каждого из нас (Мень).*

Как видим, в религиозной сфере общения существует устойчивый набор типовых коммуникативных заданий, определяющих дискурсивные практики священника. Некоторые из этих практик предполагают объяснение важных для верующего человека фактов и событий либо обоснование суждений проповедника. Эти задания во многом обуславливают выбор каузальных конструкций, относящихся к тому или иному семантическому разряду.

### Выводы по шестой главе

Функционирование каузальных конструкций в церковно-религиозной речи еще не было темой специальных лингвистических исследований.

Основным средством выражения каузальных отношений здесь являются прежде всего причинные сложноподчиненные предложения и, кроме них, не столь часто используемые предложно-именные сочетания. Суммарно на долю этих средств приходится 89 % употреблений рассматриваемых языковых единиц.

Среди причинных союзов наиболее характерны союзы *потому что* и *ибо*.

Из числа предложно-именных сочетаний каузальной семантики чаще других используются сочетания «*от* + род. п. имени», «*из-за* + род. п. имени», а также «*по* + дат. п. имени».

В религиозных текстах преобладают конструкции со значением предметной причины, главным образом основной (69 %). Разнообразная в семантическом отношении зона причинного обоснования представлена преимущественно семантикой прямого причинного обоснования оценки, реже – реального или предполагаемого действия, а также побуждения. В то же время семантика косвенного причинного обоснования нехарактерна для церковно-религиозной речи: случаи реализации этого значения единичны.

Использование каузальных конструкций в церковно-религиозной речи определяется ее коммуникативными заданиями, которые устанавливаются в ходе анализа коммуникативно-прагматических функций языковых средств. Такими регулярно повторяющимися заданиями являются: объяснение несостоятельности человека его греховностью, а также отрицательных поступков того или иного лица отсутствием у него глубокой веры; объяснение смысла религиозной истины и содержания религиозной притчи. Кроме того, характерны установки священника на обоснование его утверждений и призывов ссылками на религиозные истины.

## **Глава 7. Функционирование каузальных конструкций в разговорно-обиходной речи**

### **7.1. Обзор литературы**

Изучению русской разговорной речи посвящен ряд фундаментальных исследований [Русская разговорная... 1973; Сиротинина 1974; Лаптева 1976; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; Русская разговорная... 1983; Разговорная речь 1983; Разговорная речь 1992; Борисова 2009; Ерофеева 2004; Китайгородская, Розанова 2010; Матвеева 2024]. Изучены экстралингвистические основы этой речевой разновидности, обусловленные ими закономерности использования языковых единиц разных уровней, особенности употребления речевых единиц (стилистических приемов, функционально-смысловых типов речи), реализации текстовых категорий.

Несмотря на дискуссионность ряда важных общих вопросов коллоквиалистики (о речевом или языковом статусе разговорной речи, ее месте в системе функциональных разновидностей языка, отношении к категории «текст» и др.), фактическая характеристика разговорной речи, содержащаяся в работах представителей разных научных школ, является взаимодополняющей, а ее фонетические, грамматические и лексические особенности – хорошо изученными.

Нужно отметить, что разговорная речь, как и другие речевые разновидности, обычно описывается по принципу «от формы к значению», тогда как анализ реализации различных семантических категорий, в том числе категории причины, системой языковых единиц разных уровней, насколько нам известно, пока не проводился.

В то же время системно-языковые исследования средств выражения каузальных отношений, выполненные преимущественно по принципу «от формы к значению», содержат важную информацию о разнообразии значений, актуализируемых в границах категории причины. Данная информация служит для нас опорой при изучении проблемы стилевой дифференциации этих значений. Так,

в «Русской грамматике» характеристика предложений со значением обусловленности включает описание вариантов этого значения: «Обусловленность, или каузальность, т.е. причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка» [Русская грамматика, 1980, с. 562].

В исследовании Е.Н. Ширяева [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981], посвященном синтаксису разговорной речи, содержится детальное описание каузальной семантики, выражаемой сложным предложением. Подчеркивая ведущее положение бессоюзного полипредикативного высказывания в системе полипредикативных высказываний разговорной речи, автор рассматривает различные виды причинных отношений, характерных именно для данной речевой разновидности. Это «высказывания с семантической структурой (1) “кто-то предпринимает действие или испытывает состояние, потому что это действие (состояние) нужно, желательно или возможно в данных обстоятельствах”: *Я закрыл окно/ дует очень//...* (2) “кто-то утверждает нечто, потому что знает об этом”: *Елочный базар открыли/ я проходил//...* (3) “событие – причины его”: *Будайка (речка) здорово разлилась/ снегу много было...* (4) “можно судить о чем-то, потому что существуют признаки этого”: *Потеплей вроде стало/ без пальто идут//»* [Там же, с. 261–268].

Перейдем к систематическому описанию функционирования каузальных языковых средств в разговорной речи в аспекте выбора и частоты употребления этих единиц, особенностей их семантики, а также реализации с их участием типичных коммуникативных задач обиходно-бытового общения.

## 7.2. Представленность и грамматическая характеристика

Сведения об использовании каузальных конструкций в разговорно-обиходном стиле отражены в Таблице 16.

Состав и частота употребления каузальных конструкций  
в разговорно-обиходной речи

| Каузальные конструкции                                                 | Кол-во<br>употр. | %    |
|------------------------------------------------------------------------|------------------|------|
| Бессоюзные сложные предложения                                         | 152              | 49,4 |
| Сложноподчиненные предложения с придаточным причины                    | 96               | 31,2 |
| Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием                       | 25               | 8,1  |
| Сложноподчиненные предложения, кроме предложений с придаточным причины | 15               | 4,9  |
| Сложносочиненные предложения                                           | 10               | 3,2  |
| Конструкции с каузативным глаголом                                     | 7                | 2,3  |
| Предложения с глаголами-реляторами                                     | 2                | 0,6  |
| Наречия причины                                                        | 1                | 0,3  |
| Всего                                                                  | 308              | 100  |

В разговорной речи сколько-нибудь регулярно реализуются не все каузальные конструкции. Как видно из таблицы, для этой речевой разновидности характерны бессоюзные сложные предложения, сложноподчиненные предложения с придаточным причины, а также конструкции с предложно-субстантивным сочетанием, сложноподчиненные предложения, реализующие причинную семантику как добавочную, и сложносочиненные предложения; эпизодически используются конструкции с каузативным глаголом, единично – предложения с глаголами-реляторами и наречия причины. Разумеется, в единичных случаях могут встретиться и иные, нетипичные для разговорной речи каузальные средства.

Согласно нашим данным, в этой речевой разновидности из числа средств выражения каузальных отношений чаще всего используются бессоюзные сложные предложения (почти 50 % употреблений каузальных конструкций). Столь высокий показатель их частотности тесно связан с особенностями разговорной речи: ее непринужденностью, неофициальностью и неподготовленностью

(спонтанностью). Как отмечает О.Б. Сиротинина, «невозможность продумывания фраз до их проговаривания мешает широко использовать в разговорной речи развернутые и сложные предложения. Как правило, речь состоит из цепочки коротких сообщений, как бы нанизанных друг на друга» [Сиротинина 1983, с. 43]. Такие короткие предикативные конструкции во многих случаях, благодаря связывающей их интонации, образуют бессоюзные сложные предложения с различными смысловыми отношениями<sup>3</sup>.

Естественно, что одним из наиболее характерных каузальных средств во всех функциональных стилях, в том числе разговорном, выступают сложноподчиненные предложения с придаточным причины. (Здесь на их долю приходится свыше 30 % употреблений). При этом среди причинных союзов доминирует союз *потому что* (92 % употреблений союзов причинной семантики): *Интересно было посмотреть / потому что гостей было много; Мне мама его [мороженное] есть запрещала / потому что типа там один лед / ты заболеешь; Но я вам не могу платить / потому что стеснен в средствах.* Другие союзы имеют невысокую частоту употребления или если и употребляются, то только единично (см. табл. 20 на с. 131).

Эти данные хорошо согласуются со сведениями, приводимыми Е.Н. Ширяевым. Автор указывает на предельное сокращение состава причинных союзов в разговорной речи по отношению к кодифицированному литературному языку. Он пишет: «К числу причинных союзов в кодифицированном литературном языке принадлежат: так как, потому что, из-за того что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, благодаря тому что, в связи с тем что, затем что, благо, ибо. В разговорной речи регулярен только союз *потому что*. Не чужд разговорной речи и союз *так как*, хотя он употребляется много реже, чем *потому что*» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, с. 269].

---

<sup>3</sup> Как известно, в «Русской грамматике» понятие бессоюзного сложного предложения заменено понятием бессоюзного соединения (сочетания) предложений [Русская грамматика 1980]. Е.Н. Ширяев, характеризуя сложное предложение, использует термин «полипредикативное высказывание» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981].

В разговорной речи, в отличие от книжных стилей, предложно-субстантивное сочетание причинной семантики используется сравнительно редко. Преобладают конструкции с предлогами *от*, *за*, *из-за*, *с*, *благодаря*. Примеры: *Меня от зависти трясет; Возвращались уже с гордостью за нашу победу; Чай из-за тебя просыпала; Как я в него тут вцепилась/ С испугу вцепилась-то; Это благодаря Носову.*

Примечательно, что в контексте союз *из-за* в дополнение к причинному значению может выражать семантику негативной оценки (*Из-за бардака все головные боли*), в то время как союз *благодаря* – семантику позитивной оценки (*Благодаря радиофаку / то что он в пединституте учился*).

В текстах разговорной речи каузальную семантику выражают также сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным (*У меня мама ругается/ что я в короткой юбке хожу*), времени (*Вот прямо уж живот болел// когда кидали/ наверно подорвалась*), меры и степени (*Она была настолько верующая/ что мимо них она и проходить не хотела*). Эти конструкции находятся на периферии функционально-семантической категории причины [Теремова 2017].

В обиходно-бытовом общении среди языковых средств каузальной семантики доля сложносочиненных предложений весьма невелика (немногим больше трех процентов). Отмечены предложения с двумя союзами: *и* и *а то*. Предложения с союзом *и* выражают предметную причину (*[Жеребенок] На лапы-то встал/ и я взвизгнула и упала/*), а предложения с союзом *а то* – причинное обоснование (*Ешь / тетя Надя / мороженое / а то растает*).

Эпизодически каузальную семантику выражают также конструкции с каузативным глаголом: *А бесят меня эти прозвища; А парень молодой был / что меня удивило / в морге*. Другие языковые средства, как уже говорилось, для этой речевой разновидности нетипичны.



### 7.3. Семантическая характеристика

Особенности семантического распределения рассматриваемых языковых средств в разговорно-обиходной речи представлены следующим образом (Таблицы 17, 18).

Таблица 17

Распределение каузальных конструкций между двумя основными семантическими зонами в разговорно-обиходной речи

| Семантический разряд        | Кол-во<br>употр. | %   |
|-----------------------------|------------------|-----|
| Зона предметной причины     | 239              | 78  |
| Зона причинного обоснования | 69               | 22  |
| Всего                       | 308              | 100 |

Как видим, в разговорно-обиходном общении анализируемые языковые средства реализуют семантику предметной причины значительно чаще (78 %), чем семантику причинного обоснования (22 %). При этом в зоне предметной причины реализовано только значение основной предметной причины, тогда как конструкции со значением неосновной предметной причины не встретились ни разу.

При выражении значения основной предметной причины используются все зафиксированные в данной речевой разновидности виды каузальных средств (их состав указан в табл. 16). Примечательно, что на долю бессоюзных сложных предложений приходится 78 % употреблений (*Всю дорогу до церкви плакала// Не любила; Она не вышла/ у нее дети заболели*), в то время как остальные 22 % реализуют семантику причинного обоснования. Семантику предметной причины регулярно реализуют также сложноподчиненные и сложносочиненные предложения (*Поскольку отец был ответственный работник/ тоже поехала; Но для этого ей нужно недоброзование / и она пошла его получать туда*).

Что же касается других грамматических средств, то в нашей выборке они реализуют только семантику основной предметной причины (*От тоски... от чувств / ее обуревавших/ она умерла; Меня от зависти трясет; И то и другое меня поразило просто; Муж этой женщины расвирипел и сгоряча нож ему хлоп в бок*).

Обратимся к зоне причинного обоснования.

Таблица 18

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования в разговорно-обиходной речи

| Семантический разряд                                                                       | Кол-во употр. | %    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|---------------|------|
| Прямое причинное обоснование оценки                                                        | 30            | 43,5 |
| Прямое причинное обоснование реального действия                                            | 13            | 18,8 |
| Прямое причинное обоснование предполагаемого действия                                      | 12            | 17,4 |
| Прямое причинное обоснование побуждения                                                    | 11            | 15,9 |
| Косвенное причинное обоснование предполагаемого действия следствием его неосуществления    | 2             | 2,9  |
| Косвенное причинное обоснование побуждения следствием неосуществления побуждаемого явления | 1             | 1,5  |
| Всего                                                                                      | 69            | 100  |

Из таблицы видно, что в зоне причинного обоснования конструкции со значением прямого причинного обоснования (в сумме 66 употреблений) актуализируются гораздо чаще, чем косвенного (лишь три употребления), что является общеязыковой закономерностью. Характерно, что оценка обосновывается значительно чаще, чем реальное или предполагаемое действие и чем побуждение. Приведем примеры каузальных конструкций разной семантики.

Языковые средства с семантикой прямого причинного обоснования

– оценки (*Поскольку люди относятся друг к другу как свиньи в обществе/ то это в общем-то не развитое общество; С немцами [было труднее воевать] /*

*потому что у немцев была армия более-менее квалифицированная);*

– *реального действия (Успеем// не последняя встреча наша с тобой; Дом сами построили/ никто меня не выгонит);*

– *предполагаемого действия (Надо делать разгрузочные дни// Это хорошо для здоровья; Ты можешь потратить свои деньги хоть на что/ и ни перед кем не отчитываться/ что ты купила/ на что ты потратила/ потому что ты их сама заработала).*

При реализации этих значений регулярно используются бессоюзные сложные предложения (*Хорошо/ что вышла// он все время на деньгах; Завтра ты идешь в больницу// со здоровьем не шутят; Нельзя стоко [столько] шоколада есть/ зубы будут болеть*) и причинные сложноподчиненные предложения (*[Как ты думаешь/ что хуже / уехать на Ботанику в двенадцать лет в незнакомое место или хуже на Уралмаше ночью в 18 лет один? Что хуже?]* Конечно второе/ потому что первое хотя бы уехать можешь; *Нужно воспитывать с умом/ потому что если ребенку совать в руки книжки насильно/ его от них будет тошнить*).

Что же касается семантики косвенного причинного обоснования, то она, как уже говорилось, реализуется в разговорной речи лишь эпизодически (*Надо присесть где-то/ ой/ иначе без ног останусь*).

#### **7.4. Функционально-коммуникативная характеристика**

Использование каузальных конструкций в разговорной речи характеризуется высокой степенью типизированности.

Так, очень часто говорящий объясняет собеседнику сложившиеся жизненные обстоятельства: *Дома я гимнастику делать не могу/ потому что утром// все спят; Двери неплотно сделаны// мужика нету; Папка одного поросенка держал/ нечем кормить было; Ведь она вдвое получала... потому что вырабатывал хорошо дедушка землю.*

Столь же регулярно субъект речи мотивирует свое мнение по какому-либо

вопросу: *И я так подумала/ вот по-любому это была не его идея/ это была идея Земфиры/ ну она как бы девочка/ она умнее/ и как бы она в деньгах нуждается больше; Ты можешь писать/ я уверена// Тем более/ что ты уже пробовала// Сказки сочиняла замечательные; Вот поэтому все-таки гуманитарии/ я считаю/ и нужны/ потому что должен же кто-то думать о морали/ должен же кто-то думать о духовности.*

Объясняет говорящий и свои оценки: *Бросать было жалко/ уж много вложено было; Все они дороги // Они страхом и кровью достались.*

Типичным коммуникативным заданием является мотивировка побуждения адресата к тем или иным действиям: *Завтра ты идешь в больницу// со здоровьем не шутят; Они такие замороженные// Их надо в горячую воду; Идите/ помогайте дяде/ нечего сидеть// Он там один плюхается; Возьми да выйди/ да купи/ ты же мать.*

Мотивируется и запрет совершения определенных действий: *Мне мама его есть запрещала / потому что типа там один лед/ ты заболеешь; Нельзя столько шоколада есть/ зубы будут болеть!; Не вздумай делать// у тебя волосы короткие и вообще/ это дурной вкус.*

Столь же типично в обиходно-бытовом общении объяснение своих или чужих желаний, намерений, своего или чужого поведения: *Я лучше работать пойду// надоело уже учиться; Мне просто тоже нужно эту рецензию написать уже/ потому что сегодня последний день; Он уже готов был ну просто так бесплатно кому-нибудь.../ ну передавать свои знания/ потому что он знал и любил литературу; [Ну я у нее спрашиваю/ «А че ты с ним живешь?»] Она мне/ «Я не знаю/ Ирка/ потому что он мой первый мужчина/ у меня больше/ кроме него/ никого не было/ до него и после него не было»; Всю дорогу до церкви плакала// Не любила.*

Характерным коммуникативным заданием является также объяснение своего или чужого эмоционального состояния: *Дико удивился/ потому что ружье ни разу осечек не давало; Мне было очень обидно потому что я так прониклась к Леонард...; [Гриня вообще горем убитый] Так это наверное оттого/ что в него*

*Наташка вцепилась.*

Сообщение о чем-либо состоянии в ряде случаев содержит указание на вызвавшую его эмоцию (с использованием предложно-именного сочетания каузальной семантики): *Сломала челнок от злости; Меня от зависти трясет.*

Нуждаются в объяснении говорящего, кроме того:

– невыполнение какой-либо работы: *А мы же не красим/ нам же не дают; И не вышла/ у нее дети заболели;*

– отказ в чьей-либо просьбе (требовании): *Не могу принять я у тебя машину/ у меня и гаража-то нет; Но я вам не могу платить/ потому что стеснен в средствах.*

Типизированы в спонтанной речи также высказывания, завершающиеся уточнением или пояснением сказанного: *Они не вернулись/ были убиты; Тимофея не было/ он учился уж; А я что-то не хочу/ я наелась.*

Как видим, постоянно повторяющиеся коммуникативные задания обиходно-бытовой речи, реализуемые с использованием каузальных конструкций, в основном предполагают объяснение чего-либо: жизненных обстоятельств, а также различных мнений, оценок, действий, эмоциональных состояний и др. Значительно реже намерение говорящего состоит в прямом указании на причину какого-либо явления, события (обычно негативного): *Зубы портятся от них; От сессии/ от расписания (похудела); От тоски/ от всего.../ от чувств/ ее обуревавших/ она умерла.*

### Выводы по седьмой главе

Несмотря на то что в русистике изучению разговорной речи посвящен целый ряд фундаментальных исследований (см. работы Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Е.Н. Ширяева и др.), систематический анализ функционирования в обиходно-бытовой сфере общения каузальных средств языка пока не проводился. Между тем он важен как для дополнения сложившихся знаний о грамматических средствах разговорно-обиходного стиля, так и для моделирования *языка в действии* (первоначально отдельных функционально-семантических категорий), представленного всеми функциональными стилями.

Разговорная речь, как и другие речевые разновидности, использует грамматический потенциал языка далеко не полностью (см. исследования Саратовской школы коллоквиалистики). Это относится и к языковым средствам каузальной семантики. Анализ показал, что в обиходно-бытовом общении каузальные отношения наиболее активно выражаются бессоюзными сложными предложениями, не столь часто – сложноподчиненными предложениями с придаточным причины, значительно реже – конструкциями с предложно-субстантивными сочетаниями, а также сложноподчиненными предложениями, в семантике которых каузальное значение является добавочным, и сложносочиненными предложениями. Между тем другие языковые средства со значением причины встречаются эпизодически или вовсе не отмечены в наших материалах.

В обиходно-бытовой коммуникации исследуемые языковые средства реализуют семантику предметной причины намного чаще, чем семантику причинного обоснования (соответственно 78 % и 22 % употреблений), причем во всех зафиксированных случаях выражается значение *основной* предметной причины. Объектом же причинного обоснования (обычно прямого) чаще всего является оценка, значительно реже – реальное или предполагаемое действие либо побуждение.

Обиходно-бытовое общение характеризуется широким спектром типовых коммуникативных установок говорящих. Эти установки определяют выбор языковых средств, в том числе тех или иных каузальных конструкций. Такими повторяющимися заданиями общения, предполагающими использование языковых единиц причинной семантики, являются: объяснение собеседнику своих жизненных обстоятельств, мотивировка мнения по какому-либо вопросу, побуждение адресата к каким-либо действиям или запрет на совершение определенных действий, объяснение оценок, даваемых говорящим кому-чему-либо, объяснение желаний, своего или чужого эмоционального состояния и нек. др.

## **Глава 8. Сопоставительный анализ употребления каузальных конструкций в функциональных стилях современного русского литературного языка**

### **8.1. Представленность и частота употребления каузальных конструкций**

Проведенное исследование показало, что состав языковых средств функционально-семантической категории причины наиболее полно представлен в художественной речи, весьма полно – в газетно-публицистической (Таблица 19).

В других функциональных стилях, особенно в разговорно-обиходном, он сильно сокращен. При этом даже в художественной речи некоторые каузальные конструкции используются очень редко (в выборке размером 100 случайных тысяч словоупотреблений лишь единично). Это относится к предложениям с однородными глагольными сказуемыми, выражающими причинно-следственные отношения, к определениям, осложненным добавочным причинным значением. В газетно-публицистической речи, кроме того, очень редки выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением причины.

Однако наиболее часто каузальные конструкции употребляются не в художественном и не в газетно-публицистическом стиле, а в научном, поскольку одна из важных задач ученого – установление причинно-следственных зависимостей и законов, и в церковно-религиозном, что связано прежде всего с установкой проповедника на объяснение поступков человека с позиций веры, а также истин Священного Писания.

Отметим далее, что частота употребления одних и тех же каузальных конструкций во многих случаях сильно различается в разных стилях. В лингвистической литературе иногда указывается, что среди средств выражения причинности «наиболее частотными являются предложно-падежные формы и сложные предложения с придаточной причинной частью» [Всеволодова, Яценко 2020, с. 7]. Это положение нуждается, однако, в уточнении.



Состав и частота употребления каузальных конструкций  
в функциональных стилях русского языка

| Функциональный стиль<br>Каузальные конструкции                                   | Науч. | Дел. | Г.-п. | Худ. | Рел. | Разг. | Общее кол.-во<br>употр. |
|----------------------------------------------------------------------------------|-------|------|-------|------|------|-------|-------------------------|
| Сложноподчиненные предложения с<br>придаточным причины                           | 93    | 45   | 121   | 133  | 371  | 96    | 859                     |
| Конструкции с<br>предложно-субстантивным<br>сочетанием                           | 137   | 144  | 139   | 102  | 33   | 25    | 580                     |
| Предложения с глаголами-реляторами                                               | 236   | 57   | 73    | 37   | 14   | 2     | 419                     |
| Бессоюзные сложные предложения                                                   | 1     | 8    | 18    | 74   | 5    | 152   | 258                     |
| Конструкции с каузативными<br>глаголами                                          | 40    | 1    | 44    | 50   | 6    | 7     | 148                     |
| Сложноподчиненные предложения,<br>кроме предложений с придаточным<br>причины     | 6     | 0    | 16    | 20   | 8    | 15    | 65                      |
| Предложения с релятором «причина» и<br>его контекстными синонимами               | 11    | 7    | 20    | 3    | 1    | 0     | 42                      |
| Сложносочиненные предложения                                                     | 1     | 1    | 4     | 19   | 7    | 10    | 42                      |
| Определения, осложненные<br>добавочным причинным значением                       | 1     | 4    | 2     | 11   | 3    | 0     | 21                      |
| Выраженные деепричастиями<br>обособленные обстоятельства со<br>значением причины | 0     | 1    | 1     | 13   | 5    | 0     | 20                      |
| Предложения с однородными<br>глагольными сказуемыми                              | 0     | 0    | 5     | 5    | 0    | 0     | 10                      |
| Наречие причины                                                                  | 0     | 0    | 0     | 0    | 0    | 1     | 1                       |
| Общее кол.-во употр. каузальных<br>средств в каждом стиле                        | 526   | 268  | 443   | 467  | 453  | 308   | 2465                    |

Согласно нашим данным, предложно-падежные формы с причинным значением высокочастотны в функциональных стилях письменной речи: официально-деловом (144 употр.), газетно-публицистическом (139), научном (137) и художественном (102). Между тем в разговорно-обиходной и проповеднической (тоже устной) речи их частота в несколько раз ниже – соответственно 25 и 33. Объясняется это резким сокращением в устном общении числа номинализаций

(свернутых предикативных единиц), во многих случаях трудно воспринимаемых на слух.

Что касается сложноподчиненных причинных предложений, то они высокочастотны во всех функциональных стилях, но при этом в научной речи причинные отношения чаще выражаются предложениями с глаголами-реляторами, а в разговорно-обиходной – бессоюзными сложными предложениями.

Рассмотрим функционирование причинных союзов (Таблица 20). Самым частотным из них является союз *потому что* (494 употр.), однако опять-таки не во всех стилях: в научной и официально-деловой речи чаще используется союз *поскольку*, имеющий книжную стилистическую окраску, тогда как союз *потому что* в научной речи зафиксирован только девять раз, а в официально-деловой речи он встречается лишь единично.

Значительно менее употребителен, чем союз *потому что*, но при этом весьма активен в русской литературной речи союз *поскольку*, регулярно используемый в ее книжных стилях, причем не только в научном (46 употр.) и официально-деловом (30), где языковые единицы с книжной окраской используются очень часто, но и в газетно-публицистическом (29). Это вполне закономерно: газетно-публицистический стиль, как известно, неоднороден. Хотя в нем проявляется тенденция к активному использованию разговорно-обиходных средств языка, для некоторых жанров (преимущественно аналитических) характерны книжные средства. В других речевых разновидностях союз *поскольку* используется реже.

Весьма частотен союз *ибо* (127 употр.), однако в основном за счет его использования в церковно-религиозной речи (102 употр.). Между тем в художественных текстах этот союз отмечается сравнительно редко (главным образом в тех фрагментах, в которых освещается религиозная тематика). Относительно невысока частота его употребления и в научной речи. В других же речевых разновидностях он если и представлен, то только единично.

Таблица 20.

Представленность и частота употребления причинных союзов в функциональных  
стилях русского языка

| Функциональный<br>стиль<br>Союз                               | Науч. | Дел. | Г.-п. | Худ. | Рел. | Разг. | Общее<br>кол.-во<br>употр. |
|---------------------------------------------------------------|-------|------|-------|------|------|-------|----------------------------|
| Потому что                                                    | 9     | 1    | 50    | 93   | 253  | 88    | 494                        |
| Поскольку                                                     | 46    | 30   | 29    | 14   | 8    | 6     | 133                        |
| Ибо                                                           | 10    | 0    | 3     | 12   | 102  | 0     | 127                        |
| Так как                                                       | 22    | 13   | 22    | 5    | 2    | 0     | 64                         |
| Ведь                                                          | 1     | 0    | 13    | 2    | 1    | 1     | 18                         |
| От того что                                                   | 0     | 0    | 0     | 6    | 4    | 1     | 11                         |
| Из-за того что                                                | 1     | 1    | 2     | 1    | 1    | 0     | 6                          |
| Исходя из того<br>что                                         | 1     | 0    | 1     | 0    | 0    | 0     | 2                          |
| В силу того что                                               | 2     | 0    | 0     | 0    | 0    | 0     | 2                          |
| Благодаря тому что                                            | 1     | 0    | 1     | 0    | 0    | 0     | 2                          |
| Общее кол.-во<br>употр. причинных<br>союзов в каждом<br>стиле | 93    | 45   | 121   | 133  | 371  | 96    | 859                        |

Союз *так как* (64 употр.) регулярно используется в научном, газетно-публицистическом и официально-деловом стилях, значительно реже – в художественном. В то же время для разговорно-обиходной и проповеднической речи он нехарактерен.

Союз *ведь*, согласно нашим данным, активно используется только в газетно-публицистическом стиле. Другие союзы – *от того что*, *из-за того что*, *благодаря тому что*, *исходя из того что*, *в силу того что* употребляются менее регулярно или эпизодически.

Обратимся к предложно-субстантивным сочетаниям причинной семантики. Их представленность и частота употребления также существенно различаются в разных функциональных стилях. По нашим подсчетам, наиболее частотным

является предложно-субстантивное сочетание *из-за + род. п.* – 108 употр. Этот высокий показатель связан прежде всего с использованием данного сочетания в газетных текстах (73 употр.). Не столь частотным сочетанием является *от + род. п.* (84 употр.). Его высокая активность отмечается лишь в одном стиле – художественным (58 употр.). Частая повторяемость предложно-падежного сочетания *в связи с + род. п.* (68 употр.) обеспечивается официально-деловым стилем (51 употр.), в значительно меньшей степени – газетно-публицистическим (10 употр.). Сочетание *благодаря + дат. п.* (60 употр.) чаще всего используется в научной речи, реже – в газетной и художественной. Сочетание *в результате + род. п.* (49 употр.) наиболее характерно для официально-деловой речи, регулярно используется оно и в научных текстах. Сочетание *за + вин. п.* (37 употр.) типично для газетной речи, а в других функциональных стилях оно не является высокочастотным. Относительно высокая частота использования сочетания *в силу + род. п.* (31 употр.) в значительной степени связана с его регулярной повторяемостью в научных текстах (17 употр.). Предложно-падежная форма *по + дат. п.* (25 употр.) регулярно встречается в официально-деловых и религиозных текстах, а *вследствие + род. п.* (25 употр.) – в официально-деловых и научных. Регулярное использование сочетания *при + предл. п.* (21 употр.) определяется главным образом его функционированием в научных текстах, а сочетания *по причине + род. п.* (19 употр.) – в официально-деловых. Сочетание *после + род. п.* (16 употр.) типично только в научных и газетно-публицистических текстах. Сочетание *с + тв. п.* (10 употр.) характерно для научных текстов.

Что же касается других предложно-субстантивных сочетаний каузальной семантики (*ввиду + род. п.*, *из + род. п.*, *по мере + род. п.*, *с + род. п.*, *за счет + род. п.*), то частота их употребления весьма невысока, причем сочетания *под + род. п.* и *по поводу + род. п.* используются лишь эпизодически.

К числу наиболее часто используемых средств выражения каузальных отношений принадлежат и предложения с глаголами-реляторами (417 употр.), распространенные в письменной речи. Особенно частотны они в научных текстах (236 употр.), в значительно меньшей степени – в газетных (73 употр.), а также

официально-деловых (57 употр.) и художественных (37 употр.). Для текстов проповеди, ввиду их устного характера, эти конструкции менее характерны (14 употр.), а в выборке разговорно-обиходной речи они встретились лишь в двух случаях.

Если рассматривать употребление отдельных глаголов-реляторов суммарно во всех исследуемых речевых разновидностях, то наиболее частотными оказываются глаголы *привести* (*приводить*) в значении «повлечь за собой что-л., послужить причиной чего-л.», *позволить* (*позволять*) – «дать возможность что-л. сделать (об условиях, обстановке и т. п.)» и *вызвать* (*вызывать*) – «возбудить, породить, явиться причиной чего-л.». Но активны они не во всех стилях: глагол *привести* (*приводить*) – в научной и газетной, в меньшей мере – в официально-деловой речи, глагол *позволить* (*позволять*) – тоже в научной и газетной, глагол *вызвать* (*вызывать*) – в научной, официально-деловой и художественной.

Объяснение высокой частотности этих глаголов в научной речи мы видим в том, что они оказываются «удобным» средством фиксации целенаправленно устанавливаемых ученым причинно-следственных связей (нередко в экспериментальных исследованиях). Между тем относительно высокая активность глаголов *вызвать* (*вызывать*) и *привести* (*приводить*) в официально-деловой речи обеспечивается в основном текстами инструкций (*Замороженные продукты питания могут вызвать местное обморожение; Открытие двери на длительное время может привести к значительному повышению температуры в камерах холодильника*). Регулярное использование глагола *вызвать* (*вызывать*) в художественной речи объясняется главным образом потребностью автора сообщить об эмоциональной реакции персонажа на чьи-либо действия, какие-либо события (...*заартачился, не стал пить, чем вызвал еще большую ненависть Обера. – Айтматов; Бурная его радость вызывала у Сергея недоверие. – Гранин*).

Регулярно используются, хотя и с меньшей частотой, глаголы *обусловить* (*обуславливать*), *связать* (*связывать*) – оба главным образом за счет их

употребления в научной речи. В то же время глагол *влечь* – «иметь своим последствием что-л.» активен только в официально-деловой речи (*Приобретение гражданином Российской Федерации иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации*), а глаголы *объяснять* – «находить причины, основания, смысл, закономерность чего-л.» и *вести* – «иметь что-л. своим следствием, завершением» – только в научных текстах. Частота употребления других глаголов-реляторов в суммарной выборке (напомним, что она составляет 600 случайных тысяч словоупотреблений) находится в пределах от одного до семи.

Характеризуя бессоюзные сложные предложения как средство выражения причинных отношений, отметим, что в этой роли они особенно часто используются в разговорной речи (152 употр.), почти вдвое реже – в художественной (74 употр.), намного реже, но все же регулярно – в газетной (18 употр.), относительно редко – в официально-деловой и религиозной, единично – в научной.

Перейдем к анализу стилевой дифференциации каузативных глаголов-предикатов. Для научного стиля типичны те из них, в предложениях с которыми существительными в роли подлежащего обозначаются факторы, способствующие протеканию изучаемых процессов: *Отбор... способствует ускорению генетического обновления* (Пшеничников); *Добавление к клеткам одного LPS и LPS совместно с вирусом стимулировало клеточную пролиферацию* (Смирнова); или, напротив, затрудняющие их: *Это усложняет процесс* (Валинурова). Столь же характерны глаголы, позволяющие сообщить о повышении или снижении показателей чего-либо: *Энергия сопровождающего электрона превышает ионизационные потенциалы К-оболочек ионов* (Бяков); *Малые добавки натрия к олову значительно понижают поверхностное натяжение изученных расплавов* (Агчагиров). Между тем в художественном стиле активны каузативные глаголы с семантикой чувства: *Саню буквально поразило это слово* (Распутин); *Последнее соображение ошеломило Джо* (Гранин).

Примечательно, что в газетно-публицистическом стиле мы находим как те

каузативные глаголы, которые характерны для научного стиля (*Повышению спроса способствует в том числе рост цен на газ; Отсутствие упаковки увеличивает риски бактериальной обсемененности пищевой продукции*), так и те, которые востребованы в художественной речи (*Всех удивил один из лидеров списка СРЗП; И меня потрясло то, что впервые правящая партия... отказалась от головного списка*). Это вполне закономерно, так как среди жанров газетно-публицистического стиля есть жанры, которые сближают его с научным или же с художественным стилем.

В состав средств рассматриваемой нами функционально-семантической категории входят и сложноподчиненные предложения с придаточными не только причинными, но и иных типов, – предложения, в которых значение причины совмещается с другими значениями, осложняет их. Эти сложноподчиненные предложения регулярно, хотя и сравнительно нечасто, используются в художественном, газетно-публицистическом и разговорно-обиходном стилях (соответственно 20, 16 и 15 употр.). В указанных речевых разновидностях преобладают временные предложения, осложненные каузальным значением: *...Когда он отказался покаяться в ереси новомыслия, чины епархии изгнали его из духовной семинарии* (Айтматов); *После того как мы заявили о намерении протестовать, нам выплатили зарплату за ноябрь и часть аванса* (Газ.); *Когда я узнала / что он плохо к нему относится / мне тоже стало не по себе* (Разг.). Характерны также сложноподчиненные предложения с определительными и изъяснительными придаточными: *Ночевать одному в старой избе, в которой постоянно что-то скрипело и вздыхало, поначалу было невесело* (Распутин); *Лидер рок-группы «Алиса» Константин Кинчев поблагодарил врачей, которые вылечили его от коронавируса* (Газ.); *[Саня насторожился: он тоже не знал, что они с Митяем идут не вдвоем. С третьим в тайге, конечно, надежней и веселей], но отчего-то неприятно было, что он узнал о нем только сейчас* (Распутин); *Он счастлив/ что вернулся/ что все это кончилось* (Разг.). Эпизодически используются сопоставительные и вмещающие сложноподчиненные предложения: *Чем сложнее становится мир, тем сильнее*

*потребность в укреплении стратегического взаимодействия между КНР и РФ (Газ.); А у меня она за теорию сняла какой-то балл за то/ что я краткость гласной не обозначила (Разг.).*

Что касается сложносочиненных предложений, которые выражают причинно-следственные отношения, то они сравнительно активно используются в художественных текстах (19 употр.): *...ее волк исчез до рассвета и вернулся с чужим запахом иной самки... и она сразу отвергла его, неожиданно вонзила клыки глубоко в плечо (Айтматов).* Менее употребительны эти предложения в разговорно-обиходной и церковно-проповеднической (тоже устной) речи: *Но для этого ей нужно недоброобразие / и она пошла его получать туда (Разг.); ...Господь видел их будущее, и слезы были у Него на глазах (Мень).* В то же время, согласно нашим данным, в газетной, научной и официально-деловой речи предложения этой семантической группы встречаются лишь единично.

Выражение рассматриваемых отношений предложениями с однородными сказуемыми отмечено нами лишь в художественных и газетных текстах (по 5 употр.): *...и только Петруха все не мог забыть обиды, все бросал искоса недовольные взгляды на Авдия (Айтматов); Иностранцы не знают административные нюансы, как решить тот или иной вопрос быстрее, и проигрывают в этом местным застройщикам (Газ.).*

Релятор *причина* как средство выражения причинных отношений типичен для аналитической газетной и научной речи (соответственно 20 и 11 употр.): *Причина того – санкционная политика США и Евросоюза (Газ.); Причина этого расхождения – квазиделение, которое в данных реакциях становится доминирующим... (Волков).* Эпизодически это существительное может использоваться для указания на причину какого-либо события и в официально-деловых текстах (7 употр.): *Сломанная или поврежденная вилка питания может перегреться и стать причиной пожара (Инструкция).* Примечательно, что, поскольку каузальные конструкции с существительным *причина* имеют книжную стилистическую окраску, они нехарактерны для устной речи. (В выборке разговорно-обиходной речи эти конструкции не встретились ни



разу, а в выборке религиозно-проповеднических текстов – только один раз).

Обособленные обстоятельства со значением причины, выраженные деепричастиями, регулярно используются в художественных текстах (13 употр.), реже (5 употр.) – в религиозных: *И однажды ночью живая ветка яблони, не выдержав тяжести плодов, обломилась* (Астафьев); *...люди, испугавшись за ту враждебность, которая окружала Господа Иисуса Христа, захотели взять Его и отвести в безопасное место* (Питирим). Между тем в научных, официально-деловых и газетно-публицистических текстах они встречаются лишь единично, а в разговорно-обиходной речи не встретились ни разу.

Определения, осложненные добавочным причинным значением, эпизодически используются в художественных текстах (11 употр.), в единичных случаях они отмечены в газетной и официально-деловой речи: *Он, поспавший, но не выспавшийся, пил крепкий чай...* (Распутин); *Мария Захарова потребовала извинений от западных СМИ, распространявших фейки украинского омбудсмана Людмилы Денисовой* (Газ.); *Гатала Д.Н., не имеющий постоянного источника дохода и нуждающийся в зарплате, с целью извлечения для себя выгоды имущественного характера согласился на предложение Форекса Р.А* (Из обвинительного заключения).

Как уже отмечалось, в функциональной грамматике при моделировании функционально-семантической категории причины ее языковые средства разделяются на ядерные и периферийные прежде всего в зависимости от наличия или отсутствия у них формально-структурных показателей каузальной функции. Анализ использования этих средств в современной русской литературной речи, представленной всеми ее основными функциональными стилями, показал, что, как и ожидалось, обычно ядерные средства являются намного более частотными, чем периферийные. Ср. частоту употребления, с одной стороны, сложноподчиненных причинных предложений (859), предложно-субстантивных сочетаний со значением причины (580), конструкций с глаголами-реляторами (419), с другой – сложноподчиненных предложений с иными типами придаточных как одного из средств выражения каузальных отношений (66), определений,

осложненных причинным значением (21), обособленных обстоятельств со значением причины, выраженных деепричастиями (20).

Однако следует подчеркнуть, что эта закономерность относится не к каждой каузальной конструкции в любом из функциональных стилей. Действительно, глаголы-реляторы (*вызывать, приводить* и др.), т. е. своего рода «причинные глагольные связки» [Всеволодова, Яценко 2020, с. 16], а также существительное *причина* как лексическое средство выражения каузальных отношений, хотя и входят в ядро рассматриваемой функционально-семантической категории, несвойственны разговорно-обиходной речи (если и встречаются в ней, то лишь единично). Объясняется это тем, что конструкции с этими словами имеют книжную стилистическую окраску. С другой стороны, бессоюзное сложное предложение, не имея формально-структурных показателей данной функционально-семантической категории и, следовательно, относясь к ее периферии, тем не менее в разговорно-обиходной речи является самым частотным средством выражения причинно-следственных отношений (152 употр.), характерны они в этой роли и для художественной речи (74 употр.).

## 8.2. Семантический аспект употребления каузальных конструкций

Обратимся к семантической дифференциации каузальных конструкций в современной русской речи, представленной всеми ее макростиллями.

Прежде всего нужно отметить, что в текстах всех стилей конструкции с семантикой предметной причины используются значительно чаще, чем с семантикой причинного обоснования (причинно-аргументирующим значением). Соотношение представленности этих семантических разрядов каузальных средств в научном стиле составило соответственно 89 и 11 %, в художественном 86 и 14 %, в официально-деловом 83 и 17 %, в газетно-публицистическом 82 и 18 %, в обиходно-разговорном 78 и 22 %, в религиозном 69 и 31 %. Мы имеем дело, следовательно, с общей закономерностью: в русской литературной речи, представленной единством ее функциональных стилей, доминируют сообщения о

реальных, объективно существующих причинно-следственных отношениях между предметами и явлениями действительности, тогда как потребность в причинном обосновании возникает и реализуется далеко не столь часто.

Выясняется, далее, что в конструкциях со значением предметной причины в абсолютном большинстве случаев отражается ситуация основной предметной причины, в то время как ситуация неосновной причины фиксируется очень редко: она единично представлена в выборке художественной речи, а в текстах других функциональных стилей не отмечена ни разу.

Область причинного обоснования в русском языке весьма неоднородна. Как указывалось, Р.М. Теремова различает в ней 10 семантических разрядов (с дополнительной дифференциацией некоторых из них) [Теремова 2017, с. 41–59].

Отметим в связи с этим, что при классификации конструкций причинного обоснования на логико-семантическом основании выделяемые разряды предстают как рядоположенные, типологически в равной степени значимые. Между тем востребованность этих разрядов языковых средств в реальном речевом общении весьма различна.

Анализ показал, что в текстах всех функциональных стилей регулярно используются лишь конструкции со значением 1) прямого причинного обоснования реального действия, 2) прямого причинного обоснования предполагаемого действия и 3) прямого причинного обоснования оценки.

Примеры: 1) *Говорящие не «строят» каждый КФ из слов, морфем и фонем, поскольку им нет необходимости это делать* (Гаспаров); *Судебная коллегия отклоняет довод заявителя... поскольку трансформаторные подстанции отнесены Законом к объектам, не подлежащим охране частными лицами* (Обвинительное заключение); *Дмитрий Давыдов предлагает привязать штрафы к макроэкономическому показателю, учитывающему инфляцию и девальвацию, поскольку любая валюта со временем обесценивается* (Газ.); *Федор возразил ей, что определение не выдерживает критики, поскольку дети, по его представлениям, не пьют* (Водолазкин); *И Он говорит нам сегодня, в чем заключается любовь к ближнему, которая переносится на Него, потому что*

*служить любимому человеку, другому человеку – это Его радовать, это Ему служить (Митрофанов); Я назвала твое имя // Нам же надо отметитья (Разг.).*

*2) Невозможно выделить конкретную особь, которая была бы единственным общим предком для всех ныне живущих организмов, потому что геном сохраняет целостность только между актами рекомбинации (Пшеничнов); Хладагент и изолирующие газы необходимо утилизировать профессионально, так как они могут вызвать повреждение глаз или воспламенение (Инструкция); Но сегодня, конечно, необходимо заранее предусмотреть аналогичные меры, так как... неизбежны рост инфляции и снижение эффективности системы штрафов в фиксированных суммах (Газ.); Операция дорогая, надо сделать у частных стоматологов, потому что передние зубы для девушки – тут нельзя скупиться (Гранин); Ты можешь потратить свои деньги хоть на что... потому что ты их сама заработала (Разг.).*

*3) Вывод о необходимости ревизии традиционной теории трофических систем нелогичен, поскольку... модели системы хищник-жертва дают приемлемое объяснение циклических колебаний природных популяций (Тютюнов); Это нормальное явление, так как при производстве изделия каждая стиральная машина проходит контроль качества (Инструкция); И это положительное явление, потому что только в таком виде они могут массово использоваться и передаваться дальше (Газ.); Все семеро превосходно пели, ибо нет непоющего грузина (Айтматов); Конечно, это не так просто, потому что даже если ты сам и не будешь осуждать, то тебя будут стараться на это подтолкнуть (Кречетов); Это очень странно / потому что ты была на всех практиках (Разг.).*

*В то же время конструкции со значением прямого причинного обоснования побуждения активно используются только в религиозной, официально-деловой и разговорно-обиходной речи: Будем же помнить об этом, дорогие братья и сестры, и просить Царицу Небесную быть нашей доброй Домостроительницей, ибо Она готова и ждет (Питирим); Сохраните транспортировочные болты: они понадобятся при возможной последующей транспортировке машины (Инструкция); Приходите и берите шампуры / у нас их мало (Разг.). В*

художественной же и газетной речи они встречаются эпизодически, а в научных текстах не отмечены ни разу.

Что касается разновидностей семантики косвенного причинного обоснования, то, согласно нашим данным, во всех функциональных стилях, кроме художественного, они либо не реализуются, либо реализуются лишь в единичных случаях. Однако и в художественных текстах частота употребления конструкций с указанным значением сравнительно невелика (см. с.98).

### **8.3. Коммуникативный аспект употребления каузальных конструкций**

В каждой из сфер духовной социокультурной деятельности (научной, правовой, политической и др.) реализуется свой круг задач общения, обусловленный спецификой данной сферы. В соответствии с этими задачами коммуниканты выбирают и используют единицы языка, в том числе каузальные конструкции. Кратко обобщим представленную в предшествующих главах информацию об этих коммуникативных задачах.

Как известно, наука призвана собирать, описывать и анализировать факты, объяснять их, раскрывая сущность рассматриваемых явлений, обнаруживая устойчивые связи (закономерности). Отсюда установка авторов научных текстов на информирование читателей о выявленных зависимостях (причинно-следственных отношениях) и объяснение фактов и положений общего характера. Кроме того, перед автором-ученым постоянно встает задача обоснования тех или иных своих утверждений и выдвигаемых гипотез.

Можно констатировать, что, поскольку категория причины есть неотъемлемый элемент самой логики научного познания, использование причинных конструкций в научных текстах является закономерным. Именно поэтому оно, очевидно, характеризуется особенно высокой частотой (см. табл. 19).

Назначение права как одной из форм общественного сознания, заключающееся в регламентации отношений между людьми (организациями, государствами), в отличие от целей науки, прямо не ориентировано на

установление каузальных отношений. Однако сама регламентирующая деятельность, воплощаемая в официально-деловых текстах, зачастую предполагает понимание связи между действием как объектом правовой квалификации и обстоятельствами, которые его вызывают, т. е. причинно-следственной связи. Как было показано (см. 3.4), эта связь во многих случаях эксплицируется в тексте.

Кроме того, важные коммуникативные задачи субъекта административно-правовой деятельности состоят в том, чтобы предоставлять адресату мотивировку принятых решений, а также обосновывать предписываемые действия.

В медийной сфере, в том числе в газетных текстах, содержится разносторонний анализ общественно-политической жизни страны и международных отношений. Он предполагает объяснение происходящих событий, указание на вызвавшие их причины [Дейк 1989, с. 242]. При этом журналист, выражая свое мнение по тем или иным вопросам, нередко аргументирует его. Обосновываются и предложения по улучшению положения дел в той или иной области.

Что касается художественных произведений, то при их создании и восприятии в центр внимания попадают образы людей [Хализев 2002, с. 196]. Авторская характеристика персонажей предполагает объяснение их эмоциональных состояний, желаний, мыслей, поступков. Раскрывается, кроме того, отношение персонажа к другим действующим лицам, происходящим событиям, тем или иным предметам. Реализуются и иные повторяющиеся коммуникативные задания (см. 5.4). Таким образом, само воплощение художественного содержания с помощью единиц мира произведения, прежде всего системы персонажей, обуславливает регулярное использование рассматриваемых нами языковых средств.

Церковно-проповедническая деятельность обнаруживает свой состав типичных коммуникативных заданий. Так, при увещании и наставлении верующих раскрываются причины отрицательных поступков человека. К числу

важнейших задач проповедника относится объяснение смысла религиозных истин (догматов). Призывы к праведной жизни обосновываются ссылками на эти истины. Последние приводятся священником и для аргументации тех или иных утверждений и призывов, обращенных к пастве.

В обиходно-бытовом общении тоже регулярно отмечается как объяснение коммуникантами тех или иных явлений, так и обоснование ими различных утверждений, побуждений (призывов, советов) и поступков. Для этой речевой сферы типичны: объяснение собеседнику сложившихся жизненных обстоятельств, высказываемого мнения, оценки, своего или чужого эмоционального состояния; обоснование побуждения адресата к определенным действиям или запрета на их совершение; тех или иных намерений (см. 7.4).

Как мы видели, ментально-речевые действия этой первичной сферы общения в эстетически преобразованном виде отражаются в изображении взаимодействия персонажей художественного произведения.

Анализируя использование языковых средств в соответствии с повторяющимися задачами общения, важно иметь в виду, что «речевая деятельность, хотя зачастую и протекает целиком по готовым шаблонам, однако в принципе является речетворчеством» [Щерба 2004, с. 286]. Коммуникативные задачи могут быть типизированными в большей или меньшей степени, а могут и не обнаруживать сколько-нибудь регулярной повторяемости. Это же относится к реализующим их речевым структурам [Головин 1988, с. 18]. Поэтому мы, естественно, не стремились к исчерпывающей характеристике целевой направленности высказываний с казуальными конструкциями в различных коммуникативных сферах.

Тем не менее проведенное исследование позволило конкретизировать наши знания о целях и задачах речевого общения в реальных ситуациях социокультурного взаимодействия. В самом деле, современная функциональная стилистика рассматривает цели общения главным образом на высоком уровне абстракции. Как пишет М.Н. Кожина, «когда в стилистике речь идет о целях и задачах общения, последние понимаются в... общем, широком и объективном

смысле: имеется в виду стремление к использованию языка и организации речи в соответствии с назначением определенной формы общественного сознания и деятельности... Тем самым здесь имеются в виду не какие-то “чисто” индивидуальные интенции – кстати, и не только одного высказывания или отдельного целого текста, – а цели и задачи общения объективного характера, которые, если можно так выразиться, предписываются говорящим (общающимся) в данной сфере...» [Кожина 2020, с. 90].

Этот подход к пониманию целей общения обусловлен, думается, тем, что функциональная стилистика в период ее становления как особой науки решала фундаментальную задачу классификации речевого континуума на первом (самом высоком) уровне членения и выделяла наиболее крупные речевые разновидности – функциональные макростили. Понятие «цель общения» относилось к каждому из них и связывалось, как уже было сказано, с назначением соответствующих вида деятельности и формы сознания [Кожина 1968; Костомаров 1971; Васильева 1981]. Данный способ типологизации речи стал ведущим в славянской стилистике [Stylistyka 1997, 1998]. Однако предмет этой науки, естественно, не сводится к изучению лишь инвариантных черт макростилей и их речевой системности, он распространяется также на частные разновидности речи в пределах функциональных стилей. При этом «макроцели» предстают как совокупность частных задач, вплоть до коммуникативных заданий, которыми руководствуется автор при продуцировании им сверхфразовых единств и отдельных высказываний [Салимовский 2002; Салимовский, Девяткин, Каджая и др. 2021; Девяткин, Салимовский, Чудова и др. 2025]. Такие задания не являются чисто индивидуальными. Они предписываются коммуникантам в той или иной сфере и потому оказываются надиндивидуальными, в этом смысле объективными.

Так, например, для научного познания, воплощаемого в текстах, объективна задача фиксации причинно-следственных связей в изучаемой области действительности, для правовой практики – задача мотивировки принимаемых судебных решений, для журналистской деятельности – задача объяснения значимых общественно-политических событий и т. д. Изучая закономерности



выбора и использования разноуровневых языковых средств, в том числе каузальных конструкций, важно учитывать не только обобщенные до макростилевого уровня цели общения, но и частные объективные задачи, поскольку они непосредственно определяют выбор и особенности употребления тех или иных языковых единиц.

Действительно, принимая во внимание, например, лишь обобщенную цель (назначение) научной деятельности как таковой, невозможно объяснить, почему в научном стиле, вопреки господствующей в русской речи тенденции, наиболее употребительной каузальной конструкцией является не сложноподчиненное причинное предложение, а предложение, в котором в функции предиката используется глагол-релятор. Между тем ответ на этот вопрос мы находим, если учитываем, что научный поиск (особенно в эмпирических исследованиях) предполагает постановку задачи выявления связи между свойствами изучаемого объекта и их предполагаемыми детерминантами, т. е. причинно-следственной зависимости. Именно этим объясняется повышенная активность глаголов-реляторов *вызывать, приводить* и других, непосредственно и лаконично выражающих эту зависимость: *что-то вызывает что-то, что-то приводит (ведет) к чему-то*.

Включение в анализ конкретных коммуникативных заданий позволяет объяснить и семантические особенности использования каузальных конструкций. Так, в каждой сфере общения обнаруживаются задачи, предполагающие 1) объяснение тех или иных явлений, установление их причины, 2) мотивировку определенных суждений либо действий. В соответствии с этими двумя группами задач изучаемые языковые средства реализуют семантику либо предметной причины, либо причинного обоснования.

Таким образом, развитие научных знаний о «целях и задачах» общения в различных сферах человеческой деятельности представляется весьма значимым для лингвистической стилистики.

### Выводы по восьмой главе

Состав языковых средств функционально-семантической категории причины лишь частично совпадает в различных функциональных стилях. Все средства, описываемые в грамматиках, отмечены только в художественной речи, характеризуясь здесь различной частотой употребления, в том числе встречаясь лишь эпизодически. Кроме того, весьма полно представлены эти средства в газетно-публицистической речи. В других функциональных стилях востребованным оказывается не весь языковой потенциал каузальных конструкций.

Одни и те же каузальные конструкции используются в разных стилях с разной частотой. Установлено, что сложноподчиненные причинные предложения высокочастотны во всех исследуемых речевых разновидностях, при этом не везде они используются чаще, чем другие средства. Так, в научной речи наиболее частотны предложения с глаголами-реляторами, в разговорно-обиходной – бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения. В то же время предложно-субстантивные сочетания каузальной семантики особенно частотны в книжных функциональных стилях, тогда как в устной речи – обиходно-бытовой и церковно-проповеднической – частота их употребления в несколько раз ниже. Различия по частоте употребления в разных стилях обнаруживают и все другие каузальные конструкции.

Отчетливо прослеживается закономерность: ядерные средства функционально-семантической категории причины в целом имеют более высокую частоту употребления, чем периферийные. Однако это не относится к использованию в разговорно-обиходной речи глаголов-реляторов (*вызывать что-л., приводить к чему-л.* и др.), входящих в ядро категории: в этой речевой разновидности конструкции с ними очень редки, так как имеют книжную стилистическую окраску. С другой стороны, здесь очень частотны бессоюзные сложные предложения, хотя они и не имеют формально-структурных показателей выражения причинно-следственных отношений и потому относятся к периферии

исследуемой категории.

В текстах всех функциональных стилей изучаемые языковые средства реализуют семантику предметной причины значительно чаще, чем семантику причинного обоснования. При этом в конструкциях со значением предметной причины в абсолютном большинстве случаев отражается ситуация основной предметной причины. Что касается семантики причинного обоснования, то из числа многих ее вариантов в каждом из стилей представлены лишь три: прямого причинного обоснования реального действия, прямого причинного обоснования предполагаемого действия и прямого причинного обоснования оценки. В то же время семантика косвенного причинного обоснования, согласно нашим данным, сравнительно регулярно реализуется лишь в художественной речи.

В современной функциональной стилистике категория «цели общения» обычно предполагает их рассмотрение в пределах той или иной коммуникативной сферы на максимально высоком уровне абстракции – как *назначения* определенного вида деятельности в единстве с соответствующей формой сознания. Этот подход плодотворен для выделения функциональных макростилей и изучения их специфики. Однако при исследовании закономерностей выбора и использования отдельных языковых единиц, в том числе средств функционально-семантической категории каузальности, важен также учет конкретных познавательных-коммуникативных задач, которые реализуются при продуцировании отдельных высказываний.

Как показал анализ, в каждой из сфер общения существует свой круг заданий, определяющих функционирование высказываний с каузальными конструкциями. Эти задания органично связаны с общими целями коммуникации в той или иной сфере, являются конкретизацией этих общих целей. Они предполагают либо объяснение определенных явлений, установление их причины, либо мотивировку чьих-либо суждений или действий. В соответствии с этим разделением каузальные конструкции реализуют семантику предметной причины либо причинного обоснования.

## Заключение

В современной российской функциональной лингвистике интенсивно развиваются такие разные ее направления, как функциональная грамматика и функциональная стилистика. Исследования первого направления сосредоточены на закономерностях *внутреннего* (внутрисистемного) функционирования морфологических и синтаксических единиц во взаимодействии с элементами других уровней языка, второго направления – на закономерностях употребления разноуровневых языковых единиц в различных сферах и ситуациях общения, т. е. во *внешней* по отношению к системе языка среде. Необходимость «перебрасывания мостика» от одного направления к другому (от анализа функциональных свойств и связей единиц языка к изучению использования этих единиц в речи) признается представителями обоих этих направлений. Так, в функциональной грамматике считается актуальным исследование соотношения языковой системы и среды с выходом во внеязыковые условия речи, тогда как функциональная стилистика находит опору в знаниях о структуре языка, при этом для нее важны не только модели его уровневого строения, но и описания функционально-семантических категорий, учитывающие межуровневые связи языковых единиц.

В последней трети XX столетия идея сближения грамматического и стилистического подходов к изучению языка проявилась в постановке задачи создания таких грамматик, в которых строй литературного языка описывался бы как единство его функциональных подсистем и были бы охарактеризованы изменения вариантов структуры отдельных грамматических категорий при переключении языка с обслуживания одной сферы деятельности и общения на обслуживание другой сферы (Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, Н.Ю. Шведова). Вполне очевидно, что этот замысел предполагает исследование первоначально отдельных грамматических категорий. В русле данного фундаментального проекта мы изучили реализацию функционально-семантической категории причины в русской литературной речи, рассматриваемой в единстве всех ее функциональных стилей.

Отправной фактологической базой работы послужило представленное в лингвистической литературе системно-языковое описание структуры этой категории как определенной организации разноуровневых единиц, участвующих в выражении причинной семантической функции. Опираясь на эти уже сложившиеся знания о «предкоммуникативном» функционировании рассматриваемой категории, мы изучили закономерности ее реализации в речевых разновидностях литературного языка в соответствии с различными целями и задачами общения.

Проведенное исследование показало, что в каждой изучаемой сфере функционирования языка – научной, правовой, политической, художественной, религиозной, бытовой – средства выражения причинных отношений выбираются и используются в соответствии со спецификой осуществляемой в этой сфере ментально-речевой деятельности.

Развивая широко используемое в функциональной стилистике понятие *целей и задач общения*, мы ввели в анализ представление о частных типовых коммуникативных заданиях, реализуемых субъектом речи в той или иной сфере социальной деятельности. Значимость этого аспекта исследования связана с тем, что эти задания непосредственно – в процессе продуцирования отдельного высказывания – определяют выбор и особенности использования языковых средств, в том числе грамматических и лексических единиц, имеющих каузальное значение.

Так, в научных текстах состав средств функционально-семантической категории причины представлен прежде всего глаголами-реляторами (*вызывать, приводить, обуславливать* и др.), конструкциями с предложно-субстантивным сочетанием и сложноподчиненными предложениями с придаточным причины. Не столь часто используются конструкции со сложившимся набором каузативных глаголов (*способствовать, затруднять, увеличивать, уменьшать, ускорять, замедлять* и др.). Значительно реже, тем не менее регулярно встречаются конструкции с существительным-релятором *причина* и его контекстуальными синонимами, эпизодически – со сложноподчиненными предложениями, в

семантике которых значение причины осложняет иные значения (временные, сопоставительные). Другие каузальные конструкции если и используются в научной речи, то лишь единично.

Наиболее характерные коммуникативные задания, определяющие выбор и использование этих средств, – потребность сообщать об установленных причинно-следственных закономерностях, объяснять конкретные факты и общие научные представления, обосновать выдвигаемые положения.

В официально-деловых текстах причинные отношения чаще всего выражаются предложно-субстантивными сочетаниями, не столь активно – сложноподчиненными предложениями с придаточным причины и предложениями с глаголами-реляторами. Другие каузальные конструкции используются менее регулярно (бессоюзные сложные предложения, предложения с существительным-релятором «причина» либо его контекстуальными синонимами, определения, осложненные добавочным причинным значением) или только единично.

Типовые коммуникативные задания, реализуемые высказываниями с этими каузальными средствами, – мотивировка принимаемого судебного решения или предписываемого действия, фиксация причинно-следственной связи между действием, являющимся объектом правовой оценки, и вызвавшими его обстоятельствами, указание на причину вреда, причиняемого истцу (заявителю), объяснение изменения (прекращения) договорных отношений.

Средствами выражения причинных отношений в газетно-публицистической речи наиболее часто являются конструкции с предложно-субстантивным сочетанием и сложноподчиненные предложения с придаточным причины, менее частотны бессоюзные сложные предложения, предложения с существительным-релятором «причина» и его контекстуальными синонимами, а также сложноподчиненные предложения, реализующие причинное значение в качестве дополнительного. Эпизодически каузальную семантику реализуют сложносочиненные предложения и предложения с однородными сказуемыми, в единичных случаях это значение отмечено как дополнительное у

обстоятельствственных и определительных оборотов.

В данной речевой разновидности появление высказываний с каузальными конструкциями обусловлено такими типовыми коммуникативными заданиями, как потребность в объяснении важных социально-политических событий и происшествий, в критике неправильных, с точки зрения журналиста, решений должностных лиц, в обличении недружественных действий политиков зарубежных стран, в поддержке дающих положительные результаты подходов к решению общественно-политических проблем, в мотивировке собственных предложений по улучшению положения дел в политике, экономике, социальной сфере.

В художественных текстах состав используемых каузальных конструкций наиболее широк. Здесь тоже отчетливо наблюдаются стилевые предпочтения в выборе определенных языковых единиц. Так, с высокой частотой функционируют сложноподчиненные предложения с придаточным причины, конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями и бессоюзные сложные предложения, выражающие каузальные отношения. Менее активны конструкции с каузативными глаголами и предложения с глаголами-реляторами, далее, с уменьшением частотности, сложноподчиненные предложения, в которых каузальное значение является дополнительным, и сложносочиненные предложения. Частота использования других единиц рассматриваемой категории сравнительно невысока.

В художественной сфере общения, как и в других сферах, регулярно реализуется определенный круг коммуникативных задач, определяющих использование каузативных конструкций. Это прежде всего объяснение переживаний персонажа, его эмоциональных состояний, желаний, мыслей. Раскрывается также его отношение к другим людям, причина тех или иных поступков.

Церковно-религиозная речь выделяется безусловным доминированием среди языковых средств рассматриваемой категории сложноподчиненных предложений с придаточным причины. Относительно высока частота употребления и предложно-именных сочетаний. Круг других зафиксированных

каузальных конструкций сравнительно широк, но используются они нечасто.

Типовые коммуникативные задания, предполагающие использование каузальных средств, – объяснение духовной несостоятельности человека его греховностью, совершаемых им отрицательных поступков – отсутствием глубокой веры; толкование смысла догматов и евангельских притч; обоснование положений проповеди и призывов к праведной жизни ссылками на религиозные истины.

В разговорно-обиходной речи каузальные отношения выражаются главным образом бессоюзными сложными предложениями (почти 50 % случаев) и сложноподчиненными предложениями с придаточным причины. Регулярно используются в этой функции также сложноподчиненные предложения, у которых каузальное значение является добавочным, и сложносочиненные предложения. Другие каузальные конструкции либо появляются эпизодически, либо не отмечены.

Языковые средства функционально-семантической категории причины используются в разговорно-обиходной речи чаще всего тогда, когда говорящий объясняет собеседнику свои жизненные обстоятельства, мотивирует свое мнение по какому-либо вопросу либо побуждение адресата к определенным действиям (или запрет их совершения), когда он объясняет свои или чужие эмоциональные состояния, желания, намерения, а также отказ собеседнику в просьбе, невыполнение какой-либо работы.

Межстилевое сопоставление показывает, что состав языковых средств функциональной семантико-стилистической категории причины наиболее полно представлен в художественной речи, несколько менее полно – в газетно-публицистической. В других же функциональных стилях, в особенности в разговорно-обиходном, он значительно сокращен.

Дифференциация каузальных языковых средств между стилями по их представленности и частоте употребления наблюдается в отношении как разрядов единиц, так и отдельных языковых средств в пределах этих разрядов. В частности, весьма по-разному употребляются в текстах сравниваемых функциональных стилей разные предложно-субстантивные сочетания (в зависимости от оттенков



их значения, от структуры и стилистической окраски предлога). По-разному отбираются и используются разные причинные союзы, каузативные глаголы, глаголы-реляторы.

Положение теории функционально-семантических категорий о том, что их ядерные средства, наилучшим образом подходящие для реализации определенной семантической функции, обычно используются значительно чаще, чем периферийные языковые средства, в основном верное, нуждается тем не менее в уточнении по отношению к исследуемой категории. Указанная закономерность не относится к бессоюзным сложным предложениям, которые, хотя и не имеют формальных показателей каузальности, в разговорно-обиходной речи выражают каузальные отношения намного чаще, чем ядерные единицы языкового поля. Эти предложения весьма активны в данной функции также в художественной и газетно-публицистической речи. Примечательно, что сложносочиненные предложения, тоже принадлежащие периферии рассматриваемого языкового поля, регулярно реализуют каузальную семантику в художественных текстах, а сложноподчиненные предложения, не относящиеся к классу причинных, но реализующие каузальное значение как добавочное, – в газетно-публицистических.

При этом среди ядерных в функционально-семантическом поле причины конструкций есть такие, которые, характеризуясь высокой суммарной частотностью, тем не менее не во всех рассматриваемых коммуникативных сферах используются активно. Так, предложения, предикаты которых выражены глаголами-реляторами, высокочастотны в научной, в меньшей мере в газетной и официально-деловой речи (ее юрисдикционном и административном подстилях), однако в художественных и церковно-религиозных текстах их частота невысока, а для разговорно-обиходного общения они нехарактерны.

Как показывает семантический анализ средств выражения причинных отношений, во всех функциональных стилях значение предметной причины реализуется намного чаще, чем значение причинного обоснования. При этом в зоне предметной причины в абсолютном большинстве случаев отражается ситуация основной предметной причины, а в зоне причинного обоснования в

каждом функциональном стиле из целого ряда семантических вариантов реализуются лишь три значения – прямого причинного обоснования реального действия, прямого причинного обоснования предполагаемого действия и прямого причинного обоснования оценки. Что же касается семантики косвенного причинного обоснования, то, по нашим данным, она относительно регулярно реализуется только в художественной речи.

Выявление закономерностей реализации в речевом общении функционально-семантической категории причины, активизации в разных коммуникативных сферах тех или иных языковых средств этой категории обогащает наши знания в области функциональной лингвистики (как грамматики, так и стилистики), создавая представление «о работающей, функционирующей грамматике и тем самым о ее стилевых вариантах» (Б.Н. Головин).

## Список исследованных текстов

### Научный стиль

Алчагиров Б.Б., Кясова О.Х. Влияние состава сплавов системы олово-натрий на поверхностное натяжение // Журнал физической химии. 2018. Т. 92. № 7. С. 1150–1157.

Антонова С.Г., Носкова Г.Н., Колпакова Н.А. Определение селена методом катодной инверсионной вольтамперометрии // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 3. С. 23–27.

Балашова Л.В., Дементьев В.В. Русские речевые жанры. М. : ЯСК, 2022. 831 с.

Большаков Е.С., Иванов А.В., Козлов А.А., Абдуллаев С.Д. Сенсор на основе фотонного кристалла для обнаружения паров бензола, толуола и о-ксилола // Журнал физической химии. 2018. Т. 92. № 8. С. 1283–1288.

Бондарева Л.П., Астапов А.В., Селеменев В.Ф., Ильина А.Ю. Селективность ионного обмена на иминокарбоксильной смоле и энергия гидратации ее ионных форм // Журнал физической химии. 2018. Т. 92. № 8. С. 1323–1328.

Валинурова Э.Р., Шаймухаметова Г.Ф., Хамитов Э.М., Шаяхметова Р.Х. Анализ адсорбционной активности углеродного волокна УВИС-АК по отношению к растворенным в воде фенолам // Журнал физической химии. 2018. Т. 92. № 8. С. 1337–1343.

Вдовиченко А.В. Факт сознания и коммуникативное действие: краткий эксперимент // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 30–38.

Волков В.В. Процесс полного слияния атомных ядер. Слияние ядер в рамках концепции двойной ядерной системы // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2004. Т. 35. Вып. 4. С. 798–855.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Голышкина Л.А. Текстобразование как ориентировочная деятельность: опыт экспериментального исследования // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1

(43). С. 23–33.

Калацкая Ж.Н., Ламан Н.А., Белявский В.М. Особенности роста и продуктивность растений озимой тритикале при обработке семян составами, включающими соединения с цитокининовой активностью // Ботаника (исследования). Минск : Изд-во Нац. акад. наук Беларуси. Вып. 39. С. 305–315.

Ковалева Л.Т., Павлюченко В.С. Влияние типа щелочного иона на ИК-спектр воды в берилле // Труды института геологии и геофизики. 1981. Выпуск 487. С. 48–51.

Крысин Л.П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 37–49.

Метод реляционно-ситуационного анализа текста в психологических исследованиях / С.Н. Ениколопов, Ю.М. Кузнецова, Г.С. Осипов и др. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 4. С. 748–769.

Наблюдение эффекта мигдала при распадах  $\pi^+$ -мезонов и  $\mu^+$ -мюонов / Бяков В.М., Дитлов В.А., Дубинина В.В. и др. // Ядерная физика. 2018. Т. 81. № 6. С. 623–626.

Пшеничнов А.С. Обновляющийся вид. Общее популяционно-генетическое объяснение феномена вида для сингамных и агамных организмов // Журнал общей биологии. 2019. Т. 80. № 1. С. 14–21.

Салменкова Е.А. Популяционные системы, метапопуляции, биокомплексность // Успехи современной биологии. 2018. Т. 138. № 1. С. 3–11.

Славнов Д.А. Эффект Ааронова – Бома. Алгебраический подход // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2019. Т. 50. Вып. 1. С. 66–85.

Смирнова С.С., Смирнова Т.Д., Сивак К.В., Воробьев К.В. Изменение функционального состояния клеток эндотелия человека перевиваемой линии ECV-304 под воздействием вируса гриппа А, липополисахарида *escherichia coli* и ряда препаратов // Цитология. 2018. Т. 60. № 4. С. 287–296.

Сорокин Ю.А. Понятие сознания: отечественные споры об его истолковании // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 27–33.

Спиров А.В., Еремеев А.В. Модульность в биологической эволюции и

эволюционных вычислениях // Успехи современной биологии. 2019. Т. 139. № 6. С. 523–539.

Суханов А.Д. Новый подход к соотношению неопределенностей энергия-время // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2001. Т. 32. Вып. 5. С. 1178–1221.

Татаринов Л.П. Контуры современной теории биологической эволюции // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 1. С. 36–40.

Тютюнов Ю.В., Титова Л.И. От Лотки – Вольтерра к Ардити – Гинзбургу: 90 лет эволюции трофических функций // Журнал общей биологии. 2018. Т. 79. № 6. С. 428–448.

### Официально-деловой стиль

Арбитражный суд города Москвы. Решение от 14 марта 2023 года. Дело № А40-272943/22-147-2157 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Eadoeax0xobH/?ysclid=mf0xz3oo1q331432712> (дата обращения: 10.04.2023).

Арбитражный суд города Москвы. Решение от 14 марта 2023 года Дело № А40-277540/22-126-2070 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bz4kQK5q4MlV/?ysclid=mf0xvqcdj594192639> (дата обращения: 10.04.2023).

Арбитражный суд города Москвы. Решение (резолютивная часть) от 14 марта 2023 года Дело № А40-300466/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300982716?ysclid=mf0xmge3cd698760459> (дата обращения: 10.04.2023).

Арбитражный суд города Москвы. Судебный приказ от 14 марта 2023 года. Дело № А40-43435/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300983079?ysclid=mf0xraoq5a69910681> (дата обращения: 10.04.2023).

Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:

<https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 10.04.2023).

Договор найма работника [Электронный ресурс]. URL: [https://glavkniga.ru/forms/konsultation/19\\_04\\_17\\_dogov\\_trud\\_nauma.pdf?ysclid=mf0ppwjrhz880570870](https://glavkniga.ru/forms/konsultation/19_04_17_dogov_trud_nauma.pdf?ysclid=mf0ppwjrhz880570870) (дата обращения: 10.04.2023).

Должностная инструкция учителя [Электронный ресурс]. URL: <https://markino.edu-penza.ru/informatsiya/%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B6%D0%BD%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F%2029%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F%202023.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Должностная инструкция редактора [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business.ru/dolzhnostnaya-instrukciya-redaktora?ysclid=mf0oyrr4os728750785> (дата обращения: 10.04.2023).

Договор ВОИС по авторскому праву и согласованные заявления в отношении договора ВОИС по авторскому праву [Электронный ресурс]. URL: [https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo\\_pub\\_226.pdf](https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_226.pdf) (дата обращения: 10.04.2023).

Договор обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ24.ru/wp-content/uploads/2023/07/32e598fe-e781-49f6-bbc2-97d7e485e004.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-26645.pdf>. (дата обращения: 10.04.2023).

Договоры о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12130305/?ysclid=mf0cixeh2r639585607> (дата обращения: 10.04.2023).

Договор страхования груза при перевозке железнодорожным транспортом

[Электронный ресурс]. URL: <https://normativ24.ru/wp-content/uploads/2023/07/fdacaf91-2f44-4c58-b7e5-b1a0ab954d18.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Договор страхования ответственности застрахованного за причинение вреда жизни и здоровью других людей [Электронный ресурс]. URL: <https://lawcanal.ru/downloads/doc/str/022.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Договор страхования ответственности застрахованного лица за причинение вреда имуществу других лиц [Электронный ресурс]. URL: <https://contracts.tradedir.ru/dogovor-832?ysclid=mf0ormrmk5216907456> (дата обращения: 10.04.2023).

Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]. URL: [https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention\\_RUS](https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS) (дата обращения: 10.04.2023).

Жилищный кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12138291/> (дата обращения: 10.04.2023).

Закон об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10106035/b6e02e45ca70d110df0019b9fe339c70/?ysclid=mf0sm5adzv460546428> (дата обращения: 10.04.2023).

Закон о гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_36927/85ccbff71854900d7c7a24c37ad43f0ab2fc3dfa/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/85ccbff71854900d7c7a24c37ad43f0ab2fc3dfa/) (дата обращения: 10.04.2023).

Закон о защите прав потребителей в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_305/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/) (дата обращения: 10.04.2023).

Закон о персональных данных в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://lyceum15.gosuslugi.ru/netcat\\_files/168/2854/Federal\\_nyu\\_zakon\\_ot\\_27.07.2006\\_N\\_152\\_FZ.pdf?ysclid=mf0su51y6p163055204](https://lyceum15.gosuslugi.ru/netcat_files/168/2854/Federal_nyu_zakon_ot_27.07.2006_N_152_FZ.pdf?ysclid=mf0su51y6p163055204) (дата обращения: 10.04.2023).

Закон о пожарной безопасности (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс]. URL:

[https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5438/dbcf94147c95fba255ad508f31eb6a85cc9c3a1d/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/dbcf94147c95fba255ad508f31eb6a85cc9c3a1d/) (дата обращения: 10.04.2023).

Закон о средствах массовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_1511/a9d0c2d5f2e89f3dc31ebaad5a9af1001ee61c1f/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/a9d0c2d5f2e89f3dc31ebaad5a9af1001ee61c1f/) (дата обращения: 10.04.2023).

Инструкция по эксплуатации глубинных насосов Aurora [Электронный ресурс]. URL: <https://svarma.ru/data/files/15713967205da98d0d9e929.pdf?ysclid=mf0t8j80mt541750817> (дата обращения: 10.04.2023).

Инструкция Canon canon\_fax\_b230c [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn.tpanback.ru/instructions-2/4846.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Инструкция Haier D1008\_(ME) 4000 [Электронный ресурс]. URL: <https://files.rembitteh.ru/static/Media/instructions/krupnaya-byitovaya-tehnika/stiralnie-mashini/haier/d-808/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%20%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B5%20Haier%20D-808.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Инструкция Hisense RB-390N4BC2 – Руководство по эксплуатации [Электронный ресурс]. URL: <https://mcgrp.ru/files/viewer/951031/1?ysclid=mf0tfixo32478857007> (дата обращения: 10.04.2023).

Кассационная жалоба в судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://advokat-kozhevnikov.ru/poleznaya-informaciya/obrazcy-dokumentov/obrazec-kassacionnoy-zhaloby-v-sudebnuyu-kollegiyu-po-grazhdanskim-delam-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federacii/?ysclid=mf0x4yucpi382566396> (дата обращения: 10.04.2023).

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL:



<https://base.garant.ru/70885220/> (дата обращения: 10.04.2023).

Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс]. URL: [http://dsyuru.bget.ru/files/15\\_konvenciyaopravaxinvalidov.pdf](http://dsyuru.bget.ru/files/15_konvenciyaopravaxinvalidov.pdf) (дата обращения: 10.04.2023).

Международная конвенция по карантину и защите растений [Электронный ресурс]. URL: <https://oktyabrskiy.contrans.com/news/10-mezhdunarodnaya-konvenciya-po-karantinu-i-zashchite-rastenij-ot-02-oktyabrya-2010-04-11021.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Международные соглашения по признанию документов об образовании [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.ragimoff.org/\\_files/ugd/48bdc8\\_978410bd411e4375b4189d49d71b4db1.pdf?index=true](https://ru.ragimoff.org/_files/ugd/48bdc8_978410bd411e4375b4189d49d71b4db1.pdf?index=true) (дата обращения: 10.04.2023).

Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW19671/ac7d3c2446395045192b71627f4d2957e410eddf/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW19671/ac7d3c2446395045192b71627f4d2957e410eddf/) (дата обращения: 10.04.2023).

Обвинительное заключение по обвинению Веснина Вячеслава Васильевича в совершении преступления, предусмотренного ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://youarex.ru/info/faq/obrazets-obvinitelnogo-zaklyucheniya/?ysclid=mf0xdx7h32762801217> (дата обращения: 10.04.2023).

Обвинительное заключение по обвинению Залихватского Андрея Петровича в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 1 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-1020249-p10.html> (дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка об отсутствии на рабочем месте [Электронный ресурс]. URL: <https://assistentus.ru/forma/obyasnitelnaya-zapiska-ob-otsutstvii-na-rabochem-meste/?ysclid=mf0y6v5icc838070541> (дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка об утере водительских прав [Электронный ресурс]. URL: <https://isp-nalog.ru/kak-pravelno-napisat-obyasnitelnuyu-po-potere-propuska/>

(дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка о невыполнении должностных обязанностей [Электронный ресурс]. URL: <https://assistentus.ru/forma/obyasnitelnaya-zapiska-o-nevypolnenii-dolzhnostnyh-obyazannostej/?ysclid=mf0y1sxm1a450717924> (дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка о невыполнении плана продаж [Электронный ресурс]. URL: <https://assistentus.ru/forma/obyasnitelnaya-zapiska-o-nevypolnenii-plana-prodazh/?ysclid=mf0yeyvgo5519106275> (дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка о невыполнении поручения [Электронный ресурс]. URL: <https://assistentus.ru/forma/obyasnitelnaya-zapiska-o-nevypolnenii-porucheniya/?ysclid=mf0y8td0vk944577950> (дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка о неправильно пробитом чеке [Электронный ресурс]. URL: <https://assistentus.ru/forma/obyasnitelnaya-zapiska-o-nepravilno-probitom-cheke/?ysclid=mf0ybw98n4262191317> (дата обращения: 10.04.2023).

Объяснительная записка о несвоевременном предоставлении документа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kdelo.ru/art/386527-obyasnitelnaya-zapiska-o-nesvoevremennom-predostavlenii-dokumentov?ysclid=mf0y4a4i77874769214> (дата обращения: 10.04.2023).

Правила транспортных движений [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_2709/a4b879c29ebc2ff9a56a0595499b6eb2dce7980e/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/a4b879c29ebc2ff9a56a0595499b6eb2dce7980e/) (дата обращения: 10.04.2023).

Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW8982/147636abacca1216aa2d431aa2c6dc3fd7864d56/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW8982/147636abacca1216aa2d431aa2c6dc3fd7864d56/) (дата обращения: 10.04.2023).

Срочный трудовой договор с иностранным гражданином [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ24.ru/wp-content/uploads/2023/07/4ac6fb6c-f87d-4aa2-af20-d385a430>

5967.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Трудовой договор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kdelo.ru/qa/297053-kak-pravilno-oformit-generalnogo-direktora-esli-on-ya-vlyaetsya-uchreditelem?ysclid=mf0pyjx97s3559023> (дата обращения: 10.04.2023).

Трудовой договор с учителем старших классов школы [Электронный ресурс]. URL: <https://centrbg.ru/docs/trudovoy-dogovor/trudovoy-dogovor-s-uchitelem-starshikh-klassov-shkoly/?ysclid=mf0q1n2ge8354701471> (дата обращения: 10.04.2023).

Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/8a8fb9e48785391b029cd02c7f2b14f1b88a4204/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8a8fb9e48785391b029cd02c7f2b14f1b88a4204/) (дата обращения: 10.04.2023).

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_34823/c974fb4c2d9b2422b2598fee78b33ddc23665e68/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/c974fb4c2d9b2422b2598fee78b33ddc23665e68/) (дата обращения: 10.04.2023).

Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [Электронный ресурс]. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/files/3188/38-FZ\(redot23112024\).pdf?ysclid=mf0sxp4ng5554323986](https://www.mos.ru/upload/documents/files/3188/38-FZ(redot23112024).pdf?ysclid=mf0sxp4ng5554323986) (дата обращения: 10.04.2023).

Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49053/page/1> (дата обращения: 10.04.2023).

### **Газетно-публицистический стиль**

Статьи из изданий:

«Аргументы и факты». 2021–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru> (дата обращения: 04.07.2022).

«Коммерсант». 2020–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: [kommersant.ru](https://kommersant.ru) (дата обращения: 11.07.2022).

«Комсомольская правда». 2021–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: [kp.ru](https://kp.ru) (дата обращения: 07.07.2022).

«Правда». 2021–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: [gazeta-pravda.ru](http://gazeta-pravda.ru) (дата обращения: 15.07.2022).

«Российская газета». 2021–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: [rg.ru](http://rg.ru) (дата обращения: 20.07.2022).

### Художественный стиль

Айтматов Ч.Т. Плаха. М. : Эксмо, 1986. 542 с.

Астафьев В.П. Без последнего // Студенческий меридиан. 1989. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/2005/read?ysclid=mafcn9b1d8881590381> (дата обращения: 15.07.2022).

Астафьев В.П. Женские романсы (сборник). М. : Эксмо, 2002. 864 с.

Астафьев В.П. Конь с розовой гривой (сборник). М. : Малыш, 2020. 64 с.

Белов В.И. Все впереди. М. : Советский писатель, 1992. 224 с.

Белов В.И. Кануны. М. : Вече, 2015. 416 с.

Белов В.И. Медовый месяц. М. : Советский писатель, 1987. 238 с.

Белов В.И. Плотницкие рассказы. М. : Вече, 2019. 352 с.

Водолазкин Е.Г. Авиатор. М. : АСТ, 2015. 350 с.

Водолазкин Е.Г. Брисбен. М. : Редакция Елены Шубиной, 2023. 416 с.

Водолазкин Е.Г. Какие разные похороны // Esquire. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=551652> (дата обращения: 26.06.2022)

Водолазкин Е.Г. Оправдание Острова. М. : Редакция Елены Шубиной, 2021. 416 с.

Водолазкин Е.Г. Похищение Европы. СПб. : Logos, 2005. 416 с.

Водолазкин Е.Г. Соловьев и Ларионов. М. : Редакция Елены Шубиной, 2023. 416 с.

Гранин Д.А. Бегство в Россию. М. : Олма-медиа-групп, 2014. 512 с.

Гранин Д.А. Мой лейтенант. М. : Эксмо, 2022. 288 с.

Гранин Д.А. Неизвестный человек. СПб. : Нева, 2002. 320 с.

Гранин Д.А. Оборванный след // Дружба народов. 2003. № 9. С. 8–38.

- Иванов А.В. Географ глобус пропил. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 399 с.
- Иванов А.В. Сердце Пармы. М. : Редакция Елены Шубиной, 2018. 512 с.
- Искандер Ф.А. Дерево детства. М. : Советский писатель, 1970. 368 с.
- Искандер Ф.А. Запретный плод. М. : Текст, 2023. 864 с.
- Искандер Ф.А. Путь из варяг в греки. М. : Время, 2008. 704 с.
- Искандер Ф.А. Сандро из Чегема. М. : Эксмо, 2014. 1720 с.
- Маканин В.С. Асан. М. : Эксмо, 2008. 480 с.
- Маканин В.С. Кавказский пленный. М. : Панорама, 1997. 480 с.
- Маканин В.С. Лаз. М. : Эксмо, 2009. 448 с.
- Маканин В.С. Один и одна. М. : Эксмо, 2009. 352 с.
- Маканин В.С. Река с быстрым течением. М. : Эксмо, 2009. 352 с.
- Маканин В.С. Старые книги. М. : Советский писатель, 1976. 399 с.
- Матвеева А.А. Голев и Кастро (приключения гастарбайтера). М. : АСТ, 2005. 412 с.
- Матвеева А.А. Завидное чувство Веры Стениной. М. : АСТ, 2014. 540 с.
- Матвеева А.А. Каждые сто лет. М. : Редакция Елены Шубиной, 2022. 768 с.
- Матвеева А.А. Лолотта и другие парижские истории. М. : АСТ, 2024. 480 с.
- Матвеева А.А. Подожди, я умру – и приду. М. : АСТ, 2019. 231 с.
- Матвеева А.А. Птичий рынок. М. : АСТ, 2019. 374 с.
- Пелевин В.О. Бэтман Аполло. М. : АСТ, 2022. 544 с.
- Пелевин В.О. Искусство легких касаний. М. : ФТМ, 2019. 416 с.
- Пелевин В.О. Колдун Игнат и люди М. : Эксмо, 2012. 320 с.
- Пелевин В.О. Непобедимое солнце. М. : Эксмо, 2020. 704 с.
- Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М. : ФТМ, 2004. 332 с.
- Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. М. : Эксмо, 2018. 416 с.
- Пелевин В.О. Generation П. М. : Эксмо, 2022. 384 с.
- Пелевин В.О. iPhuck 10. М. : Эксмо, 2017. 416 с.
- Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой (сборник). М. : АСТ, 2018. 256 с.
- Прилепин З. Грех. М. : Редакция Елены Шубиной, 2021. 416 с.

Прилепин З. Дорога в декабре. М. : АСТ, 2013. 1056 с.

Прилепин З. Обитель. М. : АСТ, 2023. 752 с.

Прилепин З. Ополченский романс. М. : АСТ, 2020. 352 с.

Распутин В.Г. Век живи – век люби. М. : Вече, 2021. 560 с.

Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана. СПб. : Азбука, 2019. 480 с.

Распутин В.Г. Что передать вороне. М. : АСТ, 1981. 24 с.

### **Церковно-религиозный стиль**

Ермаков Василий. Благовещение.

Ермаков Василий. Великий Четверг.

Ермаков Василий. Идите за Христом, православные!

Ермаков Василий. Об обязанностях человека.

Ермаков Василий. О преступлении и милосердии.

Ермаков Василий. О священстве.

Ермаков Василий. Прощеное воскресенье.

Ермаков Василий. Рождение Христа и властитель Ирод.

Ермаков Василий. Русские люди.

Ермаков Василий. Торжество Православия.

Кречетов Валериан. Навечерие Рождества Христова (Рождественский сочельник).

Кречетов Валериан. Слово в Неделю 7-ю по Пасхе, святых отцов Первого Вселенского Собора.

Кречетов Валериан. Слово в Неделю 9-ю по Пятидесятнице, в день памяти святых отцов Шести Вселенских Соборов и преподобного Серафима Саровского.

Кречетов Валериан. Слово перед исповедью в неделю о Страшном Суде.

Кречетов Валериан. Обрезание Господне. Память святителя Василия Великого.

Мень Александр. Великий пост. Неделя торжества Православия.

Мень Александр. Великий Четверг.

Мень Александр. Вербное воскресенье.

Мень Александр. «Восстань, спящий...».

Мень Александр. Неделя преподобной Марии Египетской.

Мень Александр. Неделя преподобного Иоанна Лествичника.

Мень Александр. Неделя святителя Григория Паламы.

Мень Александр. О блудном сыне.

Мень Александр. О мытаре и фарисее.

Мень Александр. О Страшном Суде.

Мень Александр. Прощеное воскресенье.

Митрофанов Георгий. Проповедь в Неделю о Страшном Суде.

Митрофанов Георгий. Проповедь в праздник Рождества Христова.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 18-ю неделю по Пятидесятнице, о христианской любви.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 18-ю неделю по Пятидесятнице, призвание апостолов.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 18-ю неделю по Пятидесятнице, притча о немилосердном должнике.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 19-ю неделю по Пятидесятнице, притча о богаче и Лазаре.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 20-ю неделю по Пятидесятнице, исцеление гадаринского бесноватого.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 20-ю неделю по Пятидесятнице, о христианской любви.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 21-ю неделю по Пятидесятнице, исцеление гадаринского бесноватого.

Митрофанов Георгий. Проповедь в 23-ю неделю по Пятидесятнице, притча о богаче и Лазаре.

Митрофанов Георгий. Проповедь на притчу о милосердном самарянине.

Питирим (Нечаев). О радости – проповедь после чтения акафиста иконе Божией Матери «Взыскание погибших».

Питирим (Нечаев). Проповедь на начало Рождественского поста.

Питирим (Нечаев). Проповедь после акафиста иконе Божией Матери «Взыскание погибших».

Питирим (Нечаев). Слово в канун собора Архангела Гавриила после акафиста Божией Матери «Взыскание погибших».

Питирим (Нечаев). Слово в преддверии Рождества Христова.

Питирим (Нечаев). Слово на начало Рождественского поста.

Питирим (Нечаев). Слово на неделю 2-ю по Пасхе, после акафиста Воскресению Христову.

Питирим (Нечаев). Слово на Новый, 1995 год.

Питирим (Нечаев). Слово на престольный праздник Знамения Божией Матери (на Возмище).

Питирим (Нечаев). Слово о новопрославленных святых.

Питирим (Нечаев). Слово о «Пещном действе» после акафиста Матери Божией «Взыскание погибших».

Питирим (Нечаев). Слово после акафиста Матери Божией «Взыскание погибших» в неделю о мытаре и фарисее.

Резников Вячеслав. Светлая Седмица. Светлый понедельник. О свидетельстве и свидетелях.

Резников Вячеслав. Светлая Седмица. Светлый вторник. О приготовлении души.

Резников Вячеслав. Светлая Седмица. Светлая среда. О свидетелях и лжесвидетелях.

Резников Вячеслав. Светлая Седмица. Светлый четверг. О рождении свыше.

Резников Вячеслав. Светлая Седмица. Светлая пятница. О биче Божьем.

Резников Вячеслав. Светлая Седмица. Светлая суббота. О росте и умалении.

Резников Вячеслав. Воскресение. Седмица 2-я по Пасхе. Воскресенье. О блаженном неверии.

Резников Вячеслав. Седмица 2-я по Пасхе. Понедельник. О самом первом чуде.



Резников Вячеслав. Седмица 2-я по Пасхе. Вторник. О Божием суде.

Резников Вячеслав. Седмица 2-я по Пасхе. Среда. О служении истине.

Резников Вячеслав. Седмица 2-я по Пасхе. Четверг. О молитве.

Резников Вячеслав. Седмица 2-я по Пасхе. Пятница. О первой лжи.

Резников Вячеслав. Седмица 2-я по Пасхе. Суббота. О Небесном и о земном хлебе.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Воскресение. О безрассудной верности.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Понедельник. О первомученике Стефане.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Вторник. О белой магии.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Среда. О святине и деньгах.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Четверг. О чуде воцерковления.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Пятница. О обращении гонителя.

Резников Вячеслав. Седмица 3-я по Пасхе. Суббота. О твердой руке Господней.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Воскресение. О надежде сверх всякой надежды.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Понедельник. О Святой Чаше.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Вторник. О спасении вне Церкви.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Среда. О том, как узнать посланца истины.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Четверг. О жизни во свете и во тьме.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Пятница. О тайне Святого Креста.

Резников Вячеслав. Седмица 4-я по Пасхе. Суббота. О отцах.

Смирнов Дмитрий. Вторник седмицы 7-й по Пасхе.

Смирнов Дмитрий. Неделя о блудном сыне.

Смирнов Дмитрий. Неделя о слепом.

Все тексты размещены в электронном издании: «Православные проповеди. Сборник христианских проповедей» [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 04.08.2023).

### **Разговорный стиль**

Живая речь уральского города. Тексты / науч. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.

Тексты из издания: Ценностное содержание разговорного диалога: монография / Т.В. Матвеева, И.В. Шалина, И.Т. Вепрева [и др.]; отв. ред. Т.В. Матвеева, И.В. Шалина; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 228 с.

## Список литературы

1. Адмони В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 57–63.
2. Аматов А. М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М. , 2005. 32 с.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.
4. Бакулев А.В. Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 25 с.
5. Балашова Л.В., Дементьев В.В. Русские речевые жанры. М. : ЯСК, 2022. 832 с.
6. Бахтин М.М. Под маской. Маска вторая. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М. : Лабиринт, 1993а. 206 с.
7. Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993б. 192 с.
8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
9. Богданова Н.М. Способы выражения причинной обусловленности в художественном тексте типа «рассуждение» на русском и английской языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 12 (42). С. 32–34.
10. Большие языковые модели и жанрово-речевая системность / Д.А. Девяткин, В.А. Салимовский, Н.В. Чудова и др. // Жанры речи. Саратов, 2025. Т. 20. № 1 (45). С. 6–23.
11. Бондарко А.В. К проблеме функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 18–31.
12. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М. : ЯСК, 2002. 736 с.

13. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л. : Наука, 1976. 255 с.
14. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М. : ЯСК, 2005. 620 с.
15. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. М. : Наука, 1984. 136 с.
16. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М. : Стереотип, 2009. 318 с.
17. Бутенко Т.А. Каузально-синсемантические конструкции в американском политическом дискурсе (на материале предвыборных теледебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2024. 25 с.
18. Ван Лань. Средства выражения условных отношений в современном русском языке: функционально-семантический подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 22 с.
19. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 135 с.
20. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. М. : Русский язык, 1976. 239 с.
21. Васильева А.Н. О формах существования функционально-стилистической системы // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1983. С. 3–9.
22. Васильева А.Н. О целостном комплексе стилоопределяющих факторов на уровне макростилей // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация : межвузовский сборник научных трудов. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. С. 3–12.
23. Васильева А.Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1982. С. 34–42.
24. Васильева А.Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение для преподавания русского языка как иностранного : автореф. дис. ...

д-ра филол. наук. М. : Изд-во Ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1981. 56 с.

25. Ветчинова Т.С. Изменения в системе сложного предложения функционально-семантического поля причины в языке русской лирики XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 214 с.

26. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. М. : Изд-во АН СССР, 1955. № 1. С. 60–87.

27. Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. С. 3–41.

28. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 53–87.

29. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

30. Винокур Г.О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М. : Работник просвещения, 1925. 216 с.

31. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М. : Флинта, 2017. С. 341–370.

32. Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (Методологическая справка) // Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1990. С. 22–31.

33. Волкова Ю.С. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в телевизионном политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024. 186 с.

34. Волкова Ю.С., Мишланов В.А., Салимовский В.А. Аргументативная речь в массмедийном интерактивном общении // Медиалингвистика. СПб., 2019. Т. 6. № 2. С. 164–179.

35. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М. : Изд-во МГУ, 1989. 183 с.

36. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного

синтаксиса. М. : Изд-во МГУ, 2000. 501 с.

37. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : URSS, 2020. 208 с.

38. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М. : Прогресс, 1967. С. 338–377.

39. Галкина Н.П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI веков) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2021. Т. 43. № 3. С. 32–40.

40. Галкина Н.П. Союзы ПОСКОЛЬКУ и ТАК КАК как квалификаторы причинных отношений в текстах естественнонаучного цикла // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 154–158.

41. Галкина Н.П. Условия функционирования коннектора *ПОТОМУ ЧТО* в публицистических текстах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. Т. 42. № 1. С. 56–62.

42. Галкина Н.П. Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 3. С. 144–146.

43. Герасимов Д.В. О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии) // Вопросы языкознания. 2022. № 2. С. 7–29.

44. Герман Е.И. Дидактическая тональность и ее реализация в текстах проповедей А. Меня // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 1. С. 24–36.

45. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М. : Высшая школа, 1988. 320 с.

46. Головин Б.Н. Язык // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М. : Просвещение, 1979. С. 7–292.

47. Головин Б.Н. Язык и статистика. М. : Просвещение, 1971. 190 с.

48. Гордиенко Д.Я. Актуализация причинно-следственных отношений между аргументом и суждением в научном тексте // Вестник Майкопского

государственного технологического университета. Майкоп, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-prichinno-sledstvennyh-otnosheniy-mezhdu-argumentom-i-suzhdeniem-v-nauchnom-tekste/viewer> (дата обращения: 11.11.2023).

49. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М. : Наука, 1989. 284 с.

50. Гробицкая А.М. Актуализация причинно-следственных отношений в событийном газетном дискурсе // Вестник СПбГУ, 2014. Вып. 1. С. 124–130.

51. Губаева Т.В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов: процессуальные документы : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1984. 189 с.

52. Дегальцева А.В., Сиротина О.Б. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ // Жанры речи. Саратов, 2023. Т. 18. Вып. 2 (38). С. 155–165.

53. Дейк ван Т.А. Анализ новостей в прессе // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 242–267.

54. Дементьев В.В. Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические и речевые характеристики // Жанры речи. Саратов, 2020. № 1 (25). С. 62–78.

55. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М. : URSS, 2021. 304 с.

56. Дубровская Т.В. Мультиmodalный анализ в жанроведении: семиотика туристического буклета // Жанры речи. Саратов, 2022. Т. 17. Вып. 4 (36). С. 250–261.

57. Дунев А.И. Функционирование форм несовершенного вида русского глагола в обобщенно-фактическом значении : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. 200 с.

58. Дускаева Л.Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М. : Флинта, 2019. 341 с.

59. Дымарский М.Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры : коллективная монография /

отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб. : Наука, 2005. С. 292–332.

60. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. М. : URSS, 2006. 293 с.

61. Евстигнеева Г.А. Способы выражения причинно-следственных отношений в научном стиле речи: На материале учебных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983. 14 с.

62. Ермакова Г.А., Губанов А.Р. Особенности функционирования союза *ибо* в стихотворении Г.Н. Айги «День – мир» // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2011. № 1. С. 218–221.

63. Ерофеева Т.И. Современная городская речь. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 315 с.

64. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.

65. Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 61–72.

66. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : КомКнига, 2007. 368 с.

67. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во Ин-та рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 540 с.

68. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ С любви ~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2. С. 162–211.

69. Иссерс О.С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторрах) // Жанры речи. Саратов, 2023. Т. 18. Вып. 4 (40). С. 375–385.

70. Исследование речевых жанров в задачах по искусственному интеллекту (идентификация познавательных-речевых действий, образующих жанровую форму) / В.А. Салимовский, Д.А. Девяткин, Л.А. Каджая и др. // Жанры речи. Саратов, 2021. № 3 (31). С. 170–180.



71. Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 43 с.

72. Калмыкова Г.А. Имплицитная каузальность в текстах интервью СМИ (на материале немецкого языка) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета / Вят. гос. гуманит. ун-т. Киров, 2011а. № 2 (2). С. 50–55.

73. Калмыкова Г.А. Прагматика каузальных структур в интервью СМИ (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2011б. № 3. С. 118–127.

74. Калятин И.С. Грамматические средства выражения причины в научном и художественном тексте (на материале немецкого, итальянского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 180 с.

75. Карабулатова И.С., Копнина Г.А. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти // Медиалингвистика. СПб., 2023. № 10 (3). С. 319–335.

76. Карасик В.И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы. Жанры речи. Саратов, 2024. Т. 19. Вып. 1 (41). С. 79–89.

77. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

78. Келер А.И. Жанр молитвы: критерии классификации // Филология: научные исследования. 2021. № 7. С. 29–38.

79. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М. : ЯСК, 2010. 496 с.

80. Клушина Н.И. Медиастилистика. М. : Флинта, 2018. 184 с.

81. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М. : Флинта, 2025. 464 с.

82. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1968. 252 с.

83. Кожина М.Н., Котюрова М.П. Изучение научного функционального

стиля во второй половине XX в. // *Stylistyka*. Opole, 1997. VI. С. 145–171.

84. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / Перм. ун-т. Пермь, 1972. 395 с.

85. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

86. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М. : Флинта, 2020. 620 с.

87. Кожина М.Н. Функциональный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта, 2019. С. 581–583.

88. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.

89. Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. М. : Флинта, 2008. 94 с.

90. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М. : Изд-во МГУ, 1971. 267 с.

91. Костомаров В.Г. Тезисы возможной концепции функциональных стилей // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М. : Мысль, 1970. Вып. 5. С. 116–132.

92. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М. : Педагогика-пресс, 1994. 247 с.

93. Копнина Г.А., Славкина И.А., Цатурян Г.А., Роу А.Н. Триггерные высказывания в новостном интернет-дискурсе: опыт экспериментального исследования // *Медиалингвистика*. СПб., 2024. № 11 (4). С. 433–447.

94. Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. 360 с.

95. Кошкарлова Н.Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // *Жанры речи*. Саратов, 2020. № 3 (27). С. 214–221.

96. Крылов С.А. Семантическая категория каузальности (причинности) и

способы ее выражения в русском языке // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология) // Материалы международной конференции. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 109–111.

97. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М. : URSS, 2008. 319 с.

98. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 107–119.

99. Крысин Л.П. Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров // Коммуникативные исследования. Омск, 2015. № 1 (3). С. 49–54.

100. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура : сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М. : Наука, 1996. С. 135–138.

101. Кулаковский М.Н. Причинно-следственные связи во вставных конструкциях в рамках художественного текста // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 4 (49). С. 33–36.

102. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2024. 415 с.

103. Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М. : Флинта, 2019. 363 с.

104. Кушнерук С.Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // Медиалингвистика. СПб., 2024. № 11 (3). С. 300–324.

105. Кыркунова Л.Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 191 с.

106. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М. : Наука, 1976. 399 с.

107. Лаптева О.А. Современная русская разговорная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. М. : Изд-во АН СССР, 1978. № 1. С. 18–37.

108. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка. М. :

Высшая школа, 2003. 351 с.

109. Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М. : Наука, 1968. С. 186–230.

110. Матвеева Т.В. Статьи по русской стилистике. М. : Флинта, 2024. 392 с.

111. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.

112. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1945. 321 с.

113. Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 147 с.

114. Михайлова Т.В. Категории оценочности и каузальности в биситуативных высказываниях: русский политический текст XVI в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. № 7. С.149–159.

115. Михеева С.Л. Имя прилагательное в причинно-следственном континууме художественного текста (на материале повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей») // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2020. № 455. С. 19–24.

116. Мишланов В.А. Русское сложное предложение в свете динамического синтаксиса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1996. 40 с.

117. Начерная С.В. Модель развития причинно-следственных отношений в доказательной композиции защитительной речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 4. С. 33–35.

118. Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М. : URSS, 2005. 152 с.

119. Новикова А.А. Союз *ибо* в романе Н.С. Лескова «Соборяне» // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2012. № 4. С. 224–226.

120. Одинцов В.В. Стилистика текста. М. : Ленанд, 2023. 264 с.

121. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка /

Академия наук СССР, 1949 [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B8%D0%B7-%D0%B7%D0%B0?ysclid=m5yz4d2mc7931314399> (дата обращения: 16.11.2024).

122. Осипов Г.С. Методы искусственного интеллекта. М. : Физматлит, 2011. 296 с.

123. Основы построения описательной грамматики современного литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1966. 211 с.

124. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1994. Т. I. 304 с.

125. Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб. : Наука, 2008. 469 с.

126. Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб. : Наука, 2000. 345 с.

127. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. 477 с.

128. Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. М. : ЯСК, 2017. 438 с.

129. Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. М. : ЯСК, 2013. 507 с.

130. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб. : Наука, 2003. 397 с.

131. Прохвятилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 362 с.

132. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 253 с.

133. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / О.Б. Сиротинина, Э.А. Столяров, Н.Г. Мартыненко и др. Грамматика. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 309 с.

134. Ризель Э.Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение (на

материале немецкого языка) // Иностранные языки в школе. 1961. № 3. С. 96–103.

135. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М. : Айрис Пресс, 2003. 832 с.

136. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 714 с.

137. Русская разговорная речь / Е.А. Земская, Е.В. Красильникова, Л.А. Капанадзе и др. . М. : Наука, 1973. 485 с.

138. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М. : Наука, 1983. 238 с.

139. Рядовых Н.А. Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 22 с.

140. Сай С.С. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета. Типология причинных конструкций. СПб. : ИЛИ РАН, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/42025922/> (дата обращения: 15.07.2025).

141. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

142. Салимовский В.А. Саратовские «Вопросы стилистики» // Stylistyka. Opole, 1994. III. С. 179–182.

143. Салимовский В.А. Семантический аспект употребления слова в функциональных стилях речи (на материале ряда семантических групп глаголов). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 136 с.

144. Салимовский В.А., Девяткин Д.А., Каджая Л.А., Мишланов В.А. Автоматическое распознавание ментальных действий, реализуемых в научных эмпирических текстах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 3. С. 74–88.

145. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019617655 «Программа выявления когнитивных операций в научных текстах на русском языке» Осипов Г.С., Девяткин Д.А., Салимовский В.А. и др. Гос.

регистрация 18.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39316986>. (дата обращения: 06.08.2025).

146. Сиротинина О.Б. Изучение разговорной речи как одна из проблем русской стилистики // *Stylistyka*. Opole, 1997. VI. С. 137–144.

147. Сиротинина О.Б. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // *Вопросы социальной лингвистики*. Л. : Наука, 1969. С. 373–391.

148. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. М. : Просвещение, 1983. 79 с.

149. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М. : Просвещение, 1974. 144 с.

150. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984.

151. Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. М. : URSS, 2016. 480 с.

152. Солганик Г.Я. Изучение газетно-публицистического стиля в СССР (России) в 50–90-е гг. XX в. // *Stylistyka*. Opole, 1997. VI. С. 87–111.

153. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М. : Высшая школа, 1981. 112 с.

154. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М. : ЛЕНАНД, 2022. 228 с.

155. Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // *Публицистика и информация в современном обществе*. М. : МГУ, 2000. С. 9–13.

156. Соссюр Ф.Д. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр; пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977. 695 с.

157. Тезисы Пражского лингвистического кружка // *Пражский лингвистический кружок*. М. : Прогресс, 1967. С. 17–41.

158. Теляковская М.В. Порядок частей в сложноподчиненных предложениях причинного типа в текстах официально-делового стиля конца XX века // *Ученые записки Орловского государственного университета*. Орел, 2013. № 1 (51). С. 308–313.

159. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. 348 с.

160. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб. : Наука, 1996. 263 с.

161. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. 228 с.

162. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб. : Наука, 1991. 369 с.

163. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб. : Наука, 1992. 303 с.

164. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 264 с.

165. Теремова Р.М. Функциональная грамматика: блок обусловленности в современном русском языке : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 284 с.

166. Теремова Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1988. 32 с.

167. Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка X V III–XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. 208 с.

168. Хааг Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке : дис. ... д-ра философии по русскому языку. Тарту, 2004. 164 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/c9ad1c0a-58aa-4ec6-9cdb-7ed54d222808/content> (дата обращения: 17.07.2025).

169. Хализев В.Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 2002. 438 с.

170. Храковский В.С. Опыт сопоставительного анализа причинных и каузальных конструкций // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 7–25.

171. Христофорова Н.И. Каузальность как одна из основных категорий



электронного научно-популярного текста // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 456–459.

172. Чепикова И.А. Синтаксические способы выражения каузальности в тексте романа Евгения Водолазкина «Брисбен» // Язык как ценность бытия: сборник научных трудов в честь юбилея профессора Марии Иосифовны Конюшкевич. Гродно : Изд-во ГрГУ им. Янки Купалы, 2023. С. 125–133.

173. Чернышова Е.Ю. Типология причин в художественном прозаическом тексте : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1993. 168 с.

174. Чернышова Т.В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов // Филология и человек. № 2. 2016. С. 177–191.

175. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. М. : УРСС, 2013. 232 с.

176. Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (038). С. 54–60.

177. Чудинов А.П. О семантике и классификации каузативных глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск :Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. С. 47–54.

178. Ширинкина М.А. Дискурс исполнительной власти: теоретические основы. Пермь, 2022. 146 с.

179. Ширинкина М.А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте. Пермь, 2021. 145 с.

180. Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М. : Наука, 1986. 221 с.

181. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М. : Наука, 1977. 168 с.

182. Шустова С.В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2011. 41 с.

183. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и

речевая деятельность. М. : УРСС, 2004. С. 265–304.

184. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 2004. 432 с.

185. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. М. : Наука, 1986. С. 17–58.

186. Янь С. Реализация функционально-семантической категории причины в русской разговорной речи // Проблемы филологии глазами молодых исследователей : материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Филология в XXI веке». Пермь, 2022. С. 76–79.

187. Янь С. Функционирование каузальных конструкций в газетной и разговорной речи (сравнительный анализ) // Язык в координатах массмедиа : материалы докладов VII Международной научной конференции. СПб. : Медиапир, 2023. С. 206–210.

188. Brunot F. La pensée et la langue: méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris : Masson, 1953. 955 p.

189. Gajda S. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. Warszawa, Wrocław : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982. 188 p.

190. Guillaume G. Langage et science du langage. Paris : Librairie A.G. Nizet, 1964. 286 p.

191. Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. Halliday's Introduction to Functional Grammar. 4 ed. London & New York : Routledge, 2014. 808 p.

192. Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl. Praha : Univ. Karlova, 1972. 184 p.

193. Mistrík J. Slovenska stylistika. Bratislava : Sloven. ped. nakl-vo, 1965. 318 p.

194. Stylistyka VI. Русская стилистика. Opole, 1997.

195. Stylistyka VII. Slavic Stylistics. Opole, 1998.

196. Synteza w stylistyce słowiańskiej. Opole, 1991. 219 p.

197. 拜森. 从功能语法的角度探析俄语“必须”意义的表达 ——以文学语体

为例[D]. 新疆大学. 2015. (Бай Мяо. Анализ выражения значения необходимости в русском языке с позиций функциональной грамматики: на материале художественного стиля : дис. ... магис. филол. наук. Урумчи, 2015. 57 с.)

198. 程文强. 俄汉语反义词修辞现象对比研究[D]. 苏州大学. 2014. (Чэн Вэньцян. Сопоставительное исследование стилистических приемов антонимов в русском и китайском языках : дис. ... магис. филол. наук. Шучжоу, 2014. 39 с.)

199. 成雅坤. 俄汉语命令范畴功能语义场对比研究[D]. 东北师范大学. 2019. (Чэн Якунь. Сопоставительное исследование функционально-семантического поля императивности в русском и китайском языках : дис. ... магис. филол. наук. Чанчунь, 2019. 39 с.)

200. 邓清注. 俄汉语可能情态功能语义场对比研究[D]. 四川外国语大学. 2023. (Дэн Цинчжу. Сопоставительное исследование функционально-семантического поля модальности возможности в русском и китайском языках : дис. ... магис. филол. наук. Чунцин, 2023. 86 с.)

201. 高艳荣. 邦达尔科功能语法理论视角下俄汉语空间处所功能语义场研究 [J]. 汉字文化 . 2022. (Гао Яньжун. Исследование функционально-семантического поля пространственной локативности в русском и китайском языках в рамках теории функциональной грамматики Бондарко // Культура китайских иероглифов. 2022. № 14. С. 165–167)

202. 何静. 功能语法视角下的方所功能语义场研究[J]. 汉字文化. 2020. (Хэ Цзин. Исследование функционально-семантического поля локативности // Культура китайских иероглифов. 2020. № 8. С. 22–24)

203. 胡悦. 俄汉体貌功能语义场对比研究[D]. 北京外国语大学. 2021. (Ху Юэ. Сопоставительное исследование функционально-семантических полей аспектуальности в русском и китайском языках : дис. ... магис. филол. наук. Пекин, 2021. 62 с.)

204. 姜宏. 功能语法理论视域下的俄汉否定范畴研究——以弱化否定为例 [J]. 语言研究集刊. 2014b. (Цзян Хун. Исследование категории отрицания в

русском и китайском языках с позиций теории функциональной грамматики: на примере ослабленного отрицания // Сборник исследований по языкознанию. 2014б. № 1. С. 1–14)

205. 姜宏. 功能语法理论视域下的俄汉时位范畴研究[J]. 解放军外国语学院学报. 2014а. (Цзян Хун. Исследование категории темпоральной локализованности в русском и китайском языках в аспекте теории функциональной грамматики // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2014а. № 37 (06). С. 116–123)

206. 科仁娜. 俄语功能修辞学[M]. 白春仁等译. 北京: 外语教学与研究出版社, 1982. (Кожина М.Н. Стилистика русского языка / пер. Бай Жэнчунь и др. Пекин: Изд-во преподавания и изучения иностранных языков, 1982. 394 с.)

207. 刘晓语. 《俄罗斯联邦 2023–2026 年冰球运动发展规划》汉译实践报告[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学. 2024. (Лю Сяюй. Отчет по переводческой практике по «Программе развития хоккея в Российской Федерации на 2023–2026 годы»: дис. ... магис. филол. наук. Харбин, 2024. 114 с.)

208. 屈承熹. 汉语认知功能语法[M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2005. (Цюй Чэнси. Когнитивно-функциональная грамматика китайского языка. Харбин: Хэйлунцзянское народ. изд-во, 2005. 396 с.)

209. 沈家煊. 名词和动词[M]. 商务印书馆, 2016. (Шэнь Цзясюань. Имя существительное и глагол. Пекин: Коммерч. изд-во, 2016. 494 с.)

210. 谭良洁. 《沉没的方舟》中的语篇衔接研究[D]. 内蒙古师范大学. 2022. (Тань Лянцзе. Исследование когезии текста в романе «Затонувший ковчег»: дис. ... магис. филол. наук. Хух-Хото, 2022. 48 с.)

211. 王铭玉, 于鑫. 动词体的功能语义范畴——对邦达尔科体学思想的研究[J]. 大庆: 大庆师范学院学报. 2010. (Ван Миньюй, Юй Синь. Функционально-семантическая категория глагольного вида: исследование аспектологической концепции А.В. Бондарко // Вестник Дацинского педагогического института. 2010. № 30 (02). С. 76–83)

212. 于昕弘. 俄汉语确定时间功能语义场对比研究[D]. 东北师范大学. 2023.

(Юй Синьхун. Сопоставительное исследование функционально-семантического поля темпоральной определенности в русском и китайском языках : дис. ... магис. филол. наук. Чанчунь, 2023. 54 с.)

213. 袁立新. 俄语功能语法中的愿望范畴及表达法[J]. 考试周刊. 2010. (Юань Лисинь. Категория желания и способы ее выражения в русской функциональной грамматике // Еженедельник экзаменов. 2010. № 1. С. 99–105)

214. 张伯江, 方梅. 现代汉语功能语法研究[M]. 南昌: 江西教育出版社, 1996. (Фан Мэй, Чжан Боцзян. Исследование функциональной грамматики современного китайского языка. Наньчан : Изд-во «Просвещение» провинции Цзянси, 1996. 261 с.)

215. 赵蕊. 俄语动词时范畴的修辞功能研究[D]. 长春理工大学. 2021. (Чжао Жуй. Исследование стилистических функций видо-временной категоризации русского глагола : дис. ... магис. филол. наук. Чанчунь, 2021. 55 с.)

216. 周晓亮. 功能语法理论视野下俄语简单句的主语研究[J]. 长春理工大学学报. 2012 (Чжоу Сяоян. Исследование подлежащего в русских простых предложениях в ракурсе теории функциональной грамматики // Вестник Чанчуньского университета науки и техники. 2012. № 7 (02). С. 63–64)